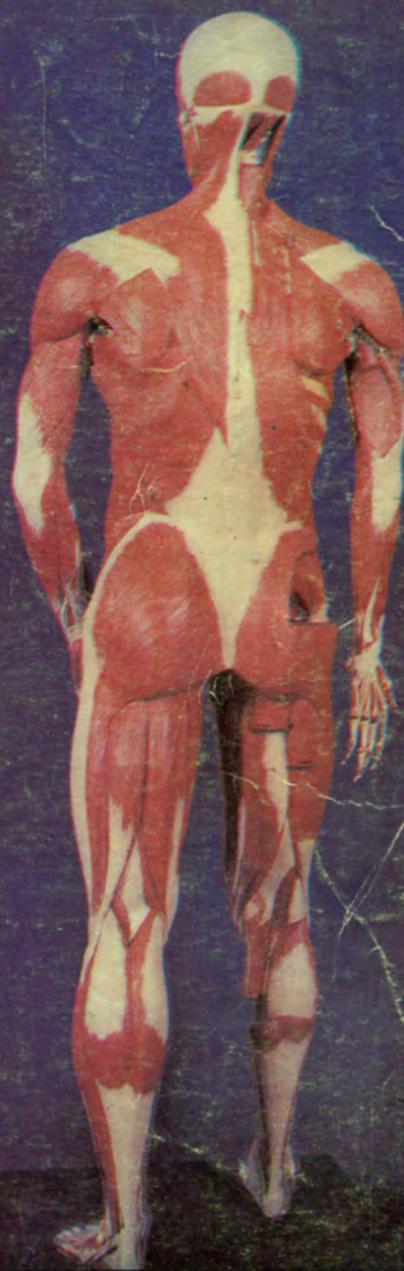

НОВОЕ ВРЕМЯ

С Новым годом,
господа
товарищи!

1

январь 1993

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

Советский человек приходит и уходит

ОРГБАНК **ОРГБАНК**

МЕЖБАНКОВСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

До **100%** ГОДОВЫХ

*Вам гарантируют банки
Межбанковского
объединения «Оргбанк».*

Наличные и безналичные вклады
от частных и юридических лиц
принимаются на 3, 6, 12
и более месяцев.

**Минимальный размер вклада –
10 000 рублей.**

**Адреса для частных лиц:
ул.Б.Тульская, д.2 (ст. метро «Тульская»);
проспект Мира, 102.**

(095) 236-72-58, 287-19-93,
236-81-96, 287-10-63.

Телефоны для юридических лиц:

(095) 220-74-47, 220-78-52,
292-52-06, 921-31-79.

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**

ЕЛКИ-ПАЛКИ <i>В. Ганюшкин</i> РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ	4
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>М. Шакина</i> ТАНК ВАЛЕРИЯ ЗОРЬКИНА	7
МЫСЛИ ВСЛУХ <i>А. Янов</i> ЖИВЕТ ЛИ РОССИЯ ПО ВЕЙМАРСКОМУ КАЛЕНДАРЮ?	12
ЭКОНОМИКА <i>Н. Шмелев</i> ПАНЫ ОШИБАЮТСЯ, А У ХОЛОПОВ ЧУБЫ ТРЕЩАТ	18
НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ <i>А. Чанов</i> Я, БЫВШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ...	20

МИР

ЮГОСЛАВИЯ <i>Г. Сысоев</i> «ГОСУДАРЬ ВОЙНЫ» ПОБЕЖДАЕТ «ЧЕЛОВЕКА МИРА»	24
РОССИЯ - ЮГОСЛАВИЯ <i>И. Лагунина</i> ЧЕГО СТОЯТ САНКЦИИ?	26
США <i>Е. Русаков</i> ЗАГАДКИ БИЛЛА КЛИНТОНА	28
РОССИЯ - КИТАЙ <i>Л. Васильев</i> КПСС И КПК	32
РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ	
<i>Ч. Хон</i> ОДИН КИМ СТАНОВИТСЯ ПРЕЗИДЕНТОМ, ДРУГОЙ УХОДИТ ИЗ ПОЛИТИКИ	35
ЭССЕ <i>Я. Боровой</i> ПОХВАЛА СЛОВУ	36
ПОЛЬША <i>Р. Борецкий</i> «РУССКИЕ ГРЯДУТ!»	38

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

РАССЛЕДОВАНИЕ «НОВОГО ВРЕМЕНИ» <i>В. Абаринов</i> ТАЙНА ДОКТОРА СМОЛЬЦОВА	40
<i>В. Бирштейн</i> ДОПРОСЫ НА ЛУБЯНКЕ	42
РЕЛИГИЯ <i>Л. Млечин</i> НОЧЬ С ШАМАНАМИ	45
ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО <i>К. Любарский</i> БИЛЕТ В ОДНУ СТОРОНУ	48
ПРЕССА <i>П. Гутионтов</i> С НАШИМ БРАТОМ МОЖНО НЕ ЦЕРЕМОНИТЬСЯ	53
НРАВЫ <i>В. Басков</i> КОНЦЕРТ ДЛЯ ДВУХ ПРАВЫХ РУК С ЧЕРНИЛАМИ	54
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>Анонимный автор</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО	57
ЛИТЕРАТУРА И БИЗНЕС <i>Ю. Рахаева</i> КНИГА КАК ИСТОЧНИК ГОЛОВНОЙ БОЛИ	62
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>Д. Згерский</i> ОПЕРОЙ УПОЛНОМОЧЕН	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)	

Обложка Бориса Чепрасова

Номер сдан в печать 29 декабря 1992 года

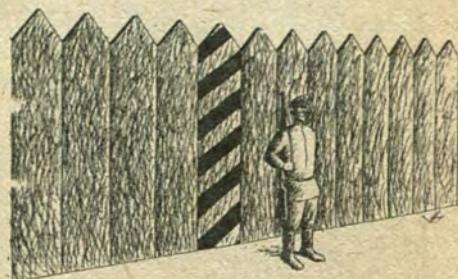
Конституционный суд вызывает огонь на себя. Валерий Зорькин рассказывает, как он помирил президента и председателя

Стр.7

Билл Клинтон в родных стенах. Наш корреспондент передает из Литтл-Рока

Стр.28

Несколько миллионов человек Москва лишила гражданства, выставив из страны. Еще 25 миллионов оказались вне России после распада СССР. Но вернуть себе российское гражданство, похоже, можно лишь сев в тюрьму...

Стр.48

Главный редактор

Александр
ПУМПИАНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,
Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,
Кронид ЛЮБАРСКИЙ,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧЯН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,
Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

Собственные
корреспонденты
журнала работают:

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме

Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»

Выходит на русском и
английском языках

Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72,
209-07-67

Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 80000.
Заказ №5941.

Следующий номер — из-за
праздничных дней — выйдет
15 января

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Съезд российских депутатов вплотную подвел страну к парламентской диктатуре, а точнее, к диктатуре главы Верховного Совета. В искусстве манипулирования депутатским корпусом спикер достиг высшего пилотажа. Сам «отец народов» мог бы позавидовать подобному «оргталанту». Но самое печальное в другом. Ненависть к президенту и правительству Гайдара, ослепившая народных избранников, не позволяет им рассмотреть своего же (и нашего, конечно!) будущего могильщика в образе очередного маленького человека с трубкой. Эта слепота погубит нашу страну.

Почему Ельцин проиграл Хасбулатову? Президент при всей своей внешней монументальности сильно рефлексированный человек. Его сильно подтачивает собственная раздвоенность. Ельцин очень ранимый человек. Его помощник Лев Суха-

нов пишет: «Я был свидетелем, когда одно грубое или несправедливое слово вводило его в настоящий транс. В такие моменты он не может парировать и теряется».

Вот на чем поймал Хасбулатов президента — на его внутренней порядочности. Играть по правилам циничных и аморальных людей Ельцин не в состоянии. Прекраснодушия и доверчивость президента могут стоить России свободы и относительно спокойного существования.

В августе 1991 года мы, россияне, проголосовали за свою власть. После съезда для многих она стала **чужой**. Президент должен мужественно и твердо призвать народ в конституционной форме выразить свое отношение к нынешнему парламенту.

Елена Орешникова
Москва

■ В Верховном Совете некоторые народные избран-

ники дошли до того, что на глазах не только собственного начальства, но и всего честного народа бегают по залу и нажимают кнопки голосования за своих невест куда, неведомо зачем и непонятно по какому праву отлучившихся собратьев. За этим более чем удивительным занятием дошли журналисты застукали даже вовсе никем никуда не избранную даму. И — ничего! Мы продолжаем называть сие собрание парламентом. Чудны дела твои, Господи.

Этнические гордецы всех мастей и национальности, сиречь «патриоты», люди, прикрывающие некрасивые цели красивыми словами, отчего слова эти приходится закавычивать, почти готовы к «последнему и решительному». Учитывая большое количество «патриотов», «соборян» и «спасителей», всех этих анпиловых, прохановых, невзоровых, жириновских, «последний и реши-

«Мною было сказано...»

■ Прочитал в №45 статью В.Баскова «Кадры России» и был поражен извращенностью, неграмотностью и бессмысленностью изложенного в ней.

Я имел встречу с В.Басковым, но ни одного слова и ни одной мысли, приписываемых мне, мною не было высказано, что может подтвердить присутствовавшая на беседе Купцова Я.О. Более того все, приподнесенное как мои высказывания, полностью противоречит моим взглядам, поскольку в своих 140 публикациях, в том числе в 8 книгах, я всегда выступал за высокий профессионализм в политике, осуществлении функций власти и управления, в любом виде деятельности. Будучи членом Союза журналистов с 1975 года я, естественно, не мог испытывать радости при «виде живого журналиста», с которыми я сотрудничаю десятилетиями, и предлагать «упразднить профессию журналиста». Но мною действительно было сказано, что статья В.Баскова «Со всеми остановками» (см. «НВ», №38/92), представленная мне при встрече, написана непрофессионально, поскольку к ее занимательным (и безобразным, конечно) сюжетам государственные служащие не имеют прямого отношения.

Извращенное изложение беседы со мной я рассматриваю как оскорбление моего гражданского достоинства и профессиональной чести.

По поводу Роскадров: сказанное о целях, функциях, содержании и практических результатах деятельности Главного управления по подготовке кадров для государственной

службы при Правительстве Российской Федерации (а не при Президенте) не соответствует реалиям и является досужим сочинительством автора, который даже не попытался разобраться в существе дела. Кстати никто и нигде не занимается «созданием теории отбора кадров», а работают именно над тем, что актуально для всех демократических стран, — над формированием государственной службы как социально-правового института, призванного подчинить аппарат обществу и направить его усилия на обеспечение прав и свобод граждан. О понимании автором проблем государственной службы свидетельствует его трактовка свободной жизнедеятельности личности (социальной категории) как «отправления естественных надобностей организма» (биологического явления). Не удивительно после этого и все пассажи статьи, вплоть до фотографии. Автор богат саркастическим мышлением, но даже оно должно иметь какой-то смысл и достоверную основу.

Поэтому прошу:
— публично извинения автора и редколлегии еженедельника за нанесенный мне моральный ущерб;

— предоставления мне или другому сотруднику Роскадров возможности выступить в еженедельнике со статьей, раскрывающей истинный характер деятельности данного государственного органа.

Г.Атаманчук,
зам. начальника Роскадров
Москва

Рефлексы Президента и оргталанты Председателя

По какому праву эта дама жмет на кнопки?

Старшина служил в СМЕРШе и в раскопках толк знал

тельный» действительно может произойти.

А наше легендарное воровство. А наш постсоветский «бизнес»...

И при всем этом все хотят «порядка». Порядок действительно необходим. Но кто нам его даст? Съезд? Или смотри выше — сам Руслан Имранович? Но он ведь даже в Верховном Совете не может навести порядка!

Думаю, за неимением лучшего надо вводить прямое президентское правление — это будет хоть какой-то порядок с «человеческим лицом». Иначе хаос.

Ф. Озерский
Вологда

■ В июне 1945 года мне пришлось разговаривать с человеком, который был в плену у немцев и весной 1943 года участвовал в раскопках могил польских военнопленных в Катинском лесу. Он уже тогда мне рассказал, что расстрел поляков — дело рук НКВД.

Я посоветовал этому человеку помалкивать о своем участии в раскопках, потому что от одного своего знакомого, старшины, который служил в СМЕРШе, знал: всех причастных к Катинскому лесу расстреливают. А потом в «Правде» появилось сообщение комиссии, в котором утверждалось: поляков расстреливали немцы и использовали при этом 500 советских военнопленных, которых они потом расстреляли. Но расстреливали их, конечно же, наши.

Думаю, к жертвам, павшим от рук сталинского режима, надо причислить и этих людей — расстрелянных органами за то, что знали тайну Катинского леса. А номер «Правды» с «правдивым» со-

общением я храню до сих пор...

Ю. Пиотровский
Алупка

■ «Нет ничего бесцельнее, как судить или лечить трупы: их надобно закапывать». Мудрую эту сентенцию В. Ключевского полезно было бы начертать над съездовской трибуной, дабы трибуну эту не пришпоривали иные ретивые ездоки-депутаты. Как продемонстрировала декабрьская «сходка», пользы в этом ни на грош: «и кастрюлю не наполнишь, и подушку не набьешь».

Слова замечательного русского историка всплыли в моей памяти во время съездовских боев против «внука двух писателей». Увы, в бесплодных дебатах типа «комары для львов или львы для комаров» большинство народных радетелей забыли обсудить состояние российской экономики, требующей рыночного кислорода и законодательных инъекций. В отличие от сорняков младенцы растут не столь споро, и выносить одним махом вердикт об уродстве годовалого младенца здравомыслящие доктора не рискуют.

Юрий Мурашов
Владимир

■ Отвечаю моему оппоненту из Вологды Ф. Озерскому («Почта», № 48/92).

Народная мудрость призывает не путать божий дар с яичницей. Однако иные из нас, как, например, Ф. Озерский, путают. Любовь к Отечеству, народу (патриотизм) и национализм — это не одно и то же. Да, я патриот и люблю Россию — да так, что и словами не передать. Да, я человек с развитым русским национальным сознанием (во всяком случае осмеливаюсь так считать), но не националист и чувство превосходства над другими нациями мне неведомо. Оно у меня просто не возникает. Но возникает порой пронзительное чувство любви к своей Родине с ее нелегкой исторической судьбой, накапывают слезы, бывает горестно и обидно, но бывает и просветляет на душе, что не все в этой судьбе мрачно и черно. А когда Озерский предлагает отказаться от гордости за своих предков, то он вступает в спор с самим Пушкиным. Я же повторю: мы не Иваны, не помнящие родства. Истинный патриотизм — чувство глубокое и

Я Т А К В И Ж У

Рисунок Владимира Семеренко

уходит своими корнями в заслуги предков.

Арнольд Анушкин-Тимофеев
Москва

■ Руслан Хасбулатов на съезде очень красиво говорил о преимуществах шведского рынка перед американским. А каков у нас удельный вес военных расходов? К кому мы ближе — к США или Швеции? Пока, похоже, к «третьей рейху». Ну и рынок у нас будет соответствующий. Другого не заслуживаем. Рынок, подобный шведскому, при наших все еще советских военных расходах — просто хохма.

Николай Лагунов
Свердловская область

■ Вышел недавно на улицу и вдруг подумалось: На улице вышел — льет дождь мне на спину, спасибо Саддаму за теплую зиму.

...Вот и решил написать вам о наболевшем.

И. Титов
студент
Новосибирск

■ Прочитала материал В. Баскова «Российская почта решила умереть богатой» (№35/92) и поняла, что должна написать о себе.

Моему отчаянию нет предела. Так случилось, что я разлучена с семьей един-

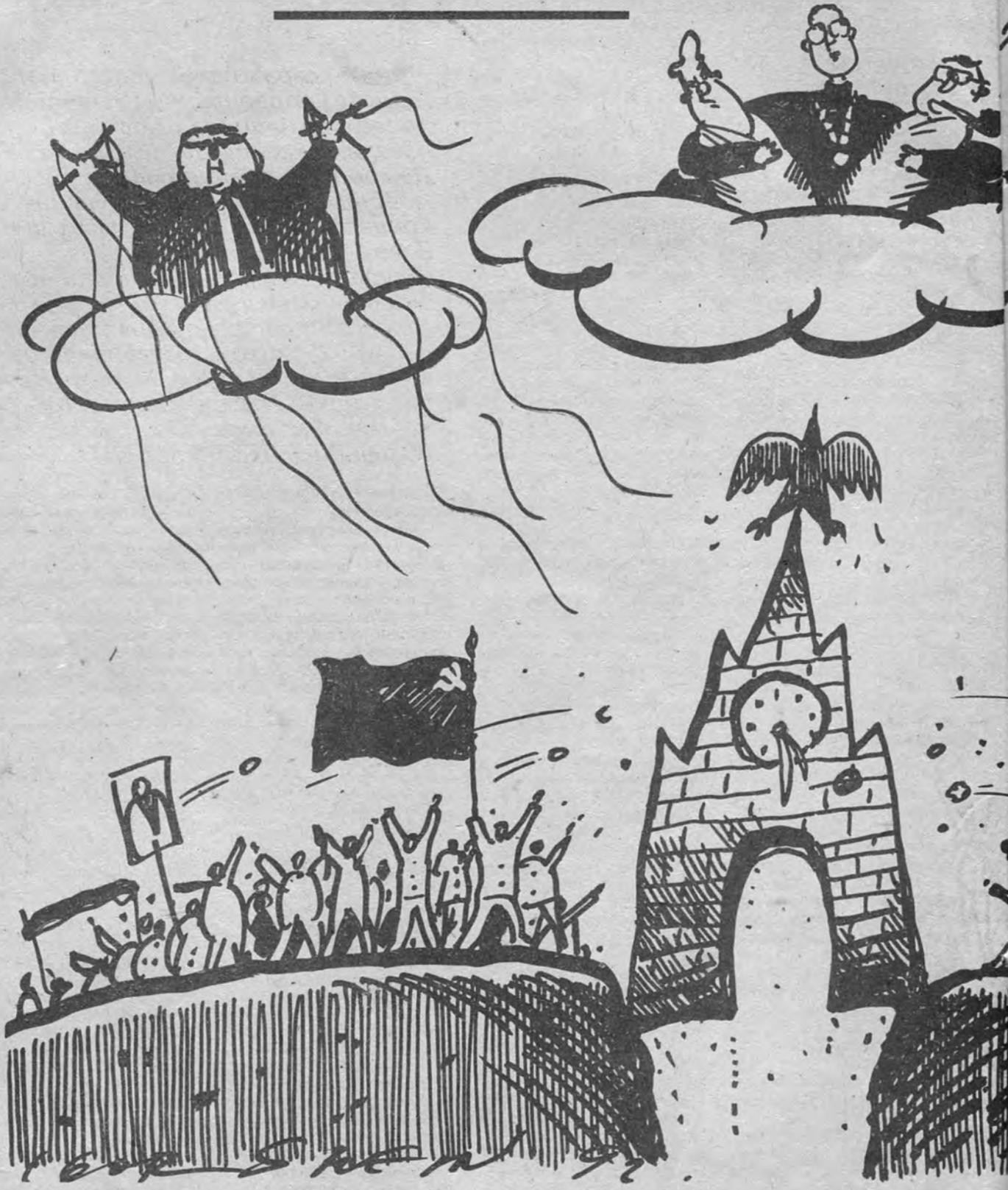
ственного сына, который живет сейчас за границей. Единственная возможность общаться, дотянуться друг до друга — письма. И вот в канун дня рождения сына я отправила ему поздравление: торопилась успокоить, что у меня все в порядке. Почти через месяц обнаружила в своем почтовом ящике собственное письмо. С такой вот наклейкой: «Согласно ст. 212 почтовых правил отправка за границу корреспонденции в неопрятной или поврежденной оболочке, с грязно заклеенными клапанами не допускается. Просим переделать в другой конверт». На письмо проступил клей от их же послания... Но марки на конверте стоимостью в 25 рублей оказались погашенными! Я пенсионерка, и деньги эти для меня не столь уж малые. Но кого это заботит? Кто может меня защитить? К кому обратиться за помощью, чтобы государственное ведомство пеклось не о себе, а о создании даже не благ, а элементарных условий проживания в нашей стране? Где и когда я могла ознакомиться с вышеуказанными правилами?

А. Бабина
Пенза

Подборку подготовила Т. Чернова

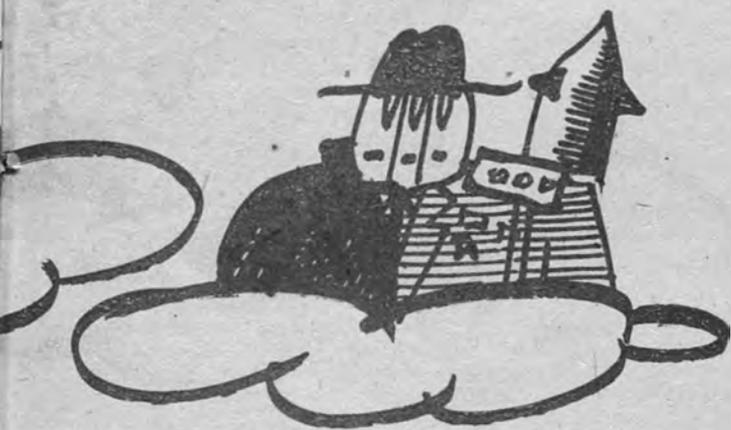
В РОССИИ И РЯДОМ

ЁЛКИ - ПАЛКИ

Рождественская нагорная проповедь

в жанре новогоднего обращения к народу

Сограждане-сороссияне! Лица без определенных занятий более ста национальностей, населяющих Российскую Федерацию. Демороссы, патриороссы и росс-еды. Адепты противоборствующих концессий и конфессий, славящие Бога в храмах, охраняемых государством. Многопартийные аппаратчики и рядовые взносодатели альтернативных партий и движений. Губернаторы и начальники РЭУ. Простые советские лавочники и высокопоставленные на кормление чиновники. Народные избранники и Сам Народ!!!

В этот судьбоносный для Отечества час Рождества Христа и Нового Года, когда планета восторжествовала приходом к державному кормилу помазанника съездовского в лице Черномырдина, обратим верноподданнические помыслы свои к небодайному параду планет, койи само провидение ниспослало нам на День Божий.

И тогда узрим, как три тельца по воле Всевышнего сгадали нам удачу и Божий промысел на Новый Год.

Первый — Руслан, перст божий, указующий на Русь богопристойную (Руслан, Людмила и другие).

Второй — Виктор. Виктория. Победа! (Любимица Петра Великого!)

И третий — Ельцин. Ель. Ёлка. (Может быть — палка.) Счастливого везенья в Новом Году!

Теперь придите, братья, в объятия мои и скажу Вам, Рабам Божиим, а также избранников ваших, как вести жизнь праведную в деяниях своих.

Не уворуй, но приноси с работы своей, не гнушайся ни мясом скоромным, ни топливом твердым от ракеты сатанинской.

Не убий, если можешь обойтись повреждением членов ближнего своего, дабы добыть себе пропитание.

Не солги, каждоды можешь обмануть, правду и только правду глаголючи.

Не прелюбодействуй, возжелав жены ближнего своего, а только дальнего.

Не ублажай плоти своей яствами, обретенными за богопротивные знаки денежные, возлюби и восприми пищу простую, богоугодную отцов своих и дедов.

Не избирай антихристов, партийных выкрестов на власть над собой и да не будешь сам избран. Помни: самого Христа избрали на распятие!

Не сотвори себе кумира, ибо начнет тот воровать с тебя, прежде чем ты в нем разуверишься.

Не клятвопреступай всуе перед первым попавшим микрофоном бесовским, а не иначе как под гербом, орлом двуглавым.

Не забывай дорогу к Храму, где даруется тебе не хлеб единый, а и с маслом, с доставкой к жилищу твоему.

Не меняй валюту дьявольскую на православную, пока не уверуешь в ее православие.

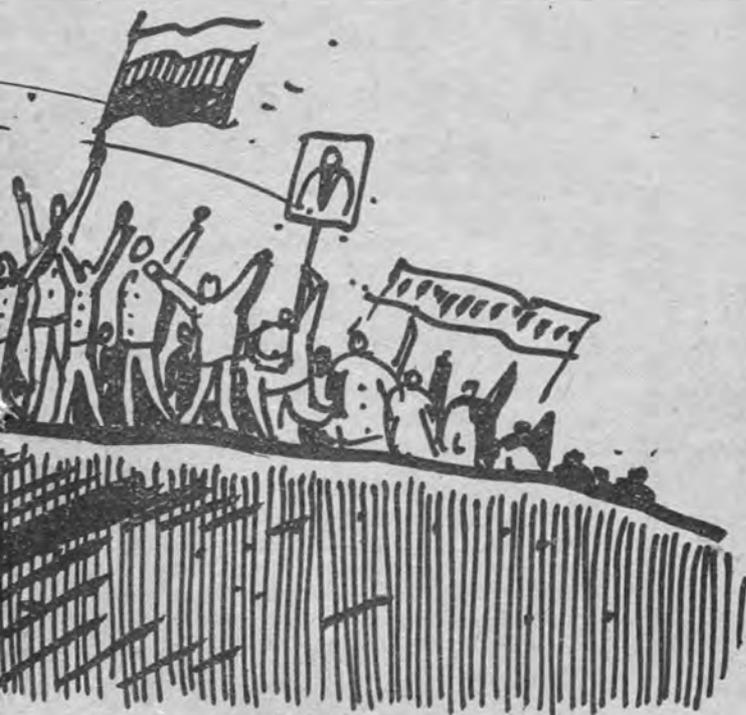

Рисунок Игоря Шеина

Не оскверни памяти предков твоих, исполненной гробов нежданных, богоугодной нищеты, трудов напрасных да самых справедливых от Рождества Христова воин супротив воин несправедливых. Не плюй в колодезь-мавзолей, како и елею не лей — пригодится напиться.

Не поддайся гордыне тщетной, хоть ты и кандидат наук ненужных иль кавалер суетных орденов, купил корову или просто иудей, разбогател на час иль в жены взял царевну.

Не богохульствуй больше — партии уж нет!

Сограждане-сороссияне! Сказавши «нет», скажу и «да».

Скажу, что надобно державе.

Следуй беззаветно всем указаниям властей, попрех всего ГАИ. Конфликт с инспектором — конфликт с Законом. Помни: самый надежный способ избежать конфликта с Властью — не иметь автомобиля как минимум, не иметь ничего как максимум гарантии.

Голосуй токмо за народных избранных, ибо паче чаяния народ исторгнет тебя из своего состава как антинародный элемент.

Уважай национальное достоинство ближнего своего, ибо все мы равны перед лицом рабства Божьего. Не помни зла поэтов да летописцев: «на кинжал чеченца злого», «на польский глядят как в афишу коза», «карел — то финн без сауны», «чукча не знает, что он чукча», «так на конь садится только кыргыз несчастный», «не пей Шика, а то русским станешь», «незванный гость хуже татарина», хотя на самом деле он лучше, а не хуже. И вот на этой мифической почве возникает межнациональная резня нас, Сынов Божиих, в Боге же равных.

Уважай вопли да стоны соплеменников своих в писаниях их шестивий прелюдных — сам Его Величество Народ Российский мечется с ними в поиске благолепия консенсусного.

Помилосердствуй к падшим: секретаря коммунистическим не легче, чем «Памяти» о них, и уж не памятья vsue восходящего бедолагу Жириновского.

Живи одним днем Божиим по заповеди: вчера было плохо, сегодня хуже, завтра не хуже вчерашнего.

Уважай ваучер — это все, что ты добыл за свою жизнь ударным трудом или воровством.

Соблюдай в мафиозных структурах правила государственные, а в государственных — мафиозные.

Храни накопленное праведным трудом твоим в отделениях Сбербанка России: 70 процентов годовых при 1000 процентов инфляции — это еще по-божески.

Тяни кота за хвост в политике: выиграет тот, кто первым его выдерет.

Держись левой стороны, покачиваясь вправо, и так окажешься в вожделенном лоне центризма.

Верь предупреждениям минздрава: по Воле Божьей на смертном одре они сбываются неизменно.

Крепи дружбу и братство с подобными себе, ибо подобных тебе не бывает.

Следуй уложениям Законодательной и Исполнительной Властей, и тогда в твоих закромах будет: картофель фасованный, хлеб — соль — спички, сельдь тихоокеанская (без головы), гречка (продел), маргарин сливочный, сахар по старой цене (132 рубля за

килограмм!), зубовно-обувная паста, чай краснодарский (в мягкой упаковке), сигареты «дымок», таблетки аспирина, портвейн «розовый» (с обменом на любую стеклотару!), туалетная бумага, которой подтирается сам Президент монопольного древесного концерна, и целый ряд других товаров повышенного спроса. Твой гардероб пополнится такими эксклюзивными новинками, как: костюм двубортный производства Госшвейпрома с удлинненным правым (левым — по желанию покупателя) бортом, дезодорант мужской «вокзал на троих», бипольные носки «чапаев», галстук «указ президента» и многое другое в соответствии с каталогами фирм. И тогда да будет в твоём доме всё, кроме нищеты.

Приблизься к богопристойным письмам, что каждый «День» вещают «Правду»-матку на всю «Советскую Россию», они ведут тебя к апокалипсическому торжеству свободы, равенства и братства.

Хочешь быть обласкан Божьим Провидением — читай и почитай Четы-Минеи «Нового времени» — святое Писание для благолепных — и тогда снизойдет на Тебя высшая мудрость и благорастворение воздухов!

С НОВЫМ ГОДОМ,
ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ,
РАБЫ БОЖИИ!

АМИНЬ!

СПАСИБО ЗА ВНИМАНИЕ!

Проповедь списал
Виталий Ганюшкин

Дорогие новые старые читатели-подписчики, спасибо!

Мы, кажется, сделали все, чтобы Вы не подписались на наш журнал в новом году.

Полиграфия ужасна, сравнение с «Таймом» или «Экономистом» ввергает каждый раз в траур или в транс. Увы, и в этом году мы не обещаем ни лучшей бумаги, ни более качественной печати.

Доставка из рук вон плоха. Мы можем лишь постараться писать так, чтобы наши статьи не устаревали, пока почти и Минсвязи решают, на сколько дней задержать очередной номер.

От розницы остались слезы. Городские киоски занялись делом. Мы понимаем: бутылки действительно важнее.

Цену за номер по сравнению с прошлогодней подняли в 20 раз. То, что не мы изобрели инфляцию и дороговизну, нас не извиняет.

И тем не менее 50 тысяч подписались на «Новое время». В прошлом году было 80 тысяч.

Мы скорбим о тех, кто не смог этого сделать и от души благодарим тех, кто,

несмотря ни на что, и так далее и тому подобное.

Чем мы можем отблагодарить наших верных читателей и тех, кто присоединится к ним в новом году?

Вряд ли нужно бить себя в грудь и провозносить манифесты в защиту демократии, либерализма и качественной журналистики, которая не служит ни агитатором, ни пропагандистом, ни организатором партий и правительств и которая вопреки известному марксову тезису о Фейербахе не ставит своей задачей переделывать мир. Объяснить бы, а прежде понять!..

Эта позиция не будет неожиданной для читателей, сохранивших верность журналу. Но один новогодний сюрприз мы все же приготовили. С помощью Издательского дома «Новое время» наш «тонкий» журнал станет толще. Теперь он будет выходить не на 48, а на 64 страницах.

С Новым годом Вас, дорогие читатели! И с новым старым журналом!

Танк Валерия Зорькина

Судьи засучивают рукава

Марина Шакина

Конституционный суд вызывает огонь на себя

«Помните, как у Чехова? — сказал мне Валерий Зорькин. — Если в первом действии на сцене появляется ружье или там танк, то в последнем действии он выстрелит». Сказал, имея в виду привычку политиков к экстремистским методам борьбы, скажем, к требованиям: чуть что — провести новые выборы, отослать в отставку президента. Дескать, выйдет им это боком рано или поздно.

«Что мы, новых депутатов из инопланетян выберем, из варягов? Из своего же теста. А через пару месяцев кто-то опять захочет разогнать съезд или убрать президента».

А я подумала, что этот самый чеховско-зорькинский «танк» — Конституционный суд, который был создан около года назад.

И «выстрелил» он совсем недавно — на последнем съезде народных депутатов. Часть депутатов лишь пару недель назад поняла, что Конституционный суд — это власть, что она способна заставить к себе прислушаться. И что, вообще говоря, это не декорум цивилизованного государства, а сила, с которой надо считаться. Кое-кому из парламентариев это явно не понравилось. Никому в этой стране не хочется ни с кем делить власть.

— Суд сделал то, от чего его весь год настойчиво, а в последние месяцы дела о КПСС особенно настойчиво, предостерегали ревнители неделимой власти — съезда ли, президента ли. Конституционный суд «сунулся» в политику, выступив на съезде со своим заявлением, в котором потребовал, чтобы две ветви немедленно приступили к переговорам под присмотром Конституционного суда. Председатель суда затем участвовал в консультациях и поставил свою подпись под трехсторонним соглашением.

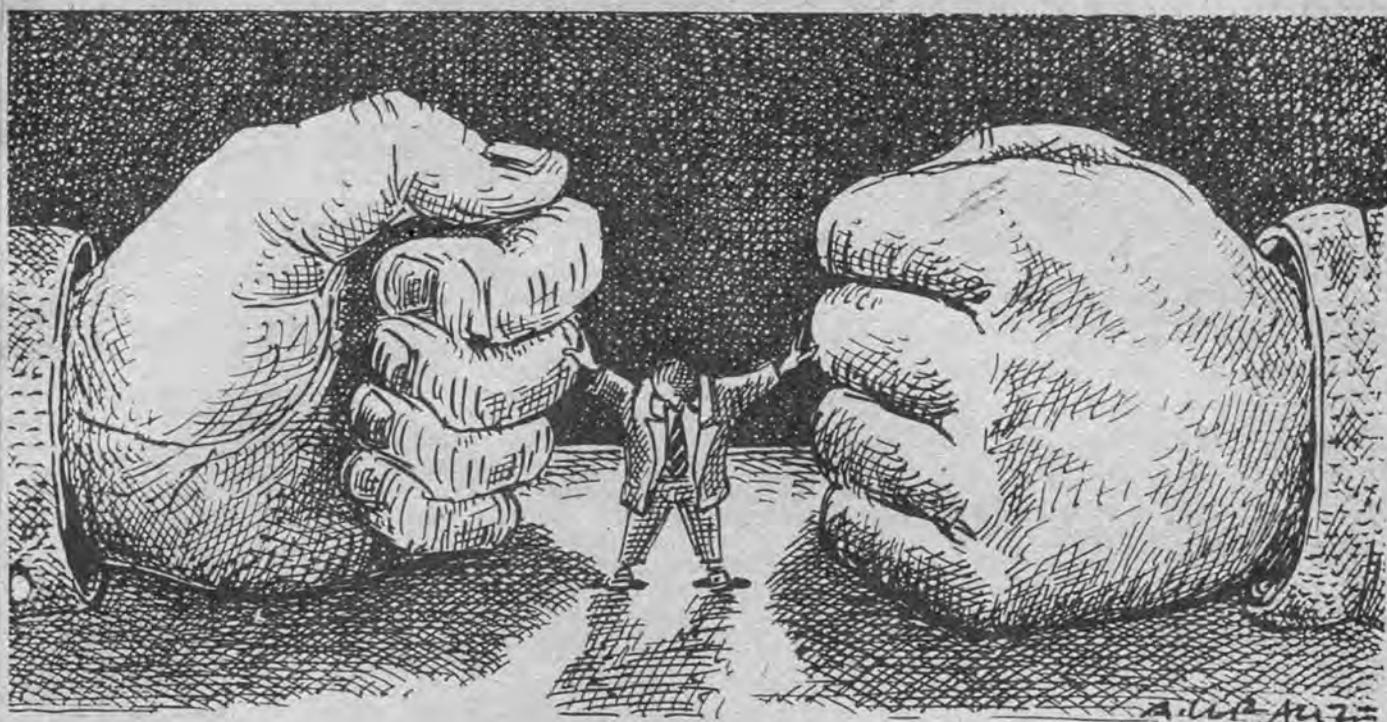

Рисунок из газеты «Гардиан» (Великобритания)

Наша политическая жизнь полна крутых поворотов. Это был один из них — тринадцать юристов, «книжные черви», «крючковторы» ни с того ни с сего выходят из тени и начинают что-то требовать. Такое не значилось ни в одном политическом мнемно, которые загодя готовились в окружении президента и в кулуарах парламента.

Трехстороннее соглашение три раза переголосовывалось на съезде — каждый раз со все большим числом голосов, поданных «за». Семьдесят процентов депутатов назвали Валерия Зорькина героем съезда. Так что можно считать, что выход на авансцену политической борьбы был воспринят благожелательно.

Но было и другое. После того как Зорькин огласил выработанное при участии суда постановление из девяти пунктов, к трибуне судей в президиуме съезда подбежал лидер фракции «Смена — Новая политика» депутат Головин и с искаженным лицом прокричал: «Всё, ваши дни сочтены!»

А еще несколько дней спустя на собрании движения «Демократическая Россия» под аплодисменты присутствующих известный адвокат Андрей Макаров назвал Зорькина не юристом, а «мелким политиком, который стремится к достижению своих целей».

Борьба на краю пропасти

«Знаете, мы, судьи, как полярники на льдине — нам некуда друг от друга деться. Но если полярников подбирают с учетом психологичес-

кой совместимости, то нас выбрали на съезде народных депутатов исходя из совсем других принципов — от политических фракций. Так что у нас дебаты тоже иной раз почти переходят в рукопашную, как это было на последнем съезде депутатов», — признался мне один из судей.

До недавнего времени как-то неловко было вдаваться в выяснение, кто из судей какую идеологию исповедует, какой политической силе симпатизирует, с кем из депутатов и политиков поддерживает контакты. Всех их хотелось воспринимать как юристов с большой буквы, как коргору достойных, отвечающих за свои решения только перед совестью и конституцией.

Увы, избежать этого не удалось. Идеологические разногласия между судьями стали просачиваться наружу, иногда они открыто прорывались во время судебных заседаний. Зорькина и весь суд коммунисты и национал-патриоты упорно обвиняли в пропрезидентских симпатиях. А в уже цитированной речи адвоката Макарова на съезде «Демократической России» сказано, что к антидемократическому съезду народных депутатов у нас добавился и «прокоммунистический Конституционный суд».

Когда я стала выяснять у судей, как же они «дошли до жизни такой», что выступили на съезде со своим заявлением, то никаких разногласий между ними я даже близко не обнаружила. И судья Тиунов, названный Макаровым членом центрального комитета Российской комму-

нистической партии, и судья Олейник, немало пострадавший в годы застоя за свое стремление к справедливости и соблюдению закона, и судья Гаджиев, сказавший с высоты своих 39 лет о лидерах из «Смены — Новой политики», которые моложе его всего на пару лет: «Это в них говорит юношеский ригоризм!», и слышущий непримиримым демократом судья Кононов, и заместитель председателя Конституционного суда профессор Витрук, не говоря уже о Валерии Зорькине, твердили одно: Конституционный суд не имел права молчать, наблюдая за тем, как две ветви власти борются на краю пропасти.

— В таком случае нас вправе были бы назвать комитетом конституционного позора, — сказал Валерий Зорькин.

Воспоминания о бесславном пути Комитета конституционного надзора СССР не дают покоя российским судьям. Комитет, укомплектованный квалифицированными и почтенными правоведами, в моменты конституционных кризисов, которые один за другим потрясали нашу страну — тогда еще Советский Союз, отмалчивался, робел, тянул и в итоге изрекал что-то маловразумительное и абсолютно ни к чему не применимое.

— После заявления Ельцина у меня первое ощущение было — власть валется на улице, как в 1917 году. Тогда буквально три дня решили все. Слишком много сходства с нынешней ситуацией: разруха, падение производства, паралич власти. Я подумал — если мы призваны

оберегать конституционный строй, защищать право правом, то мы обязаны действовать, — сказал мне Владимир Олейник. — И еще. Когда Ельцин призвал депутатов покинуть зал, стало неимоверно стыдно. Шла трансляция, стыдно было перед людьми.

— Подлинная природа правосудия в разрешении конфликтов. Суд — это примиритель, арбитр, и стороны должны доверять суду, — рассуждал судья Витрук. — В тот момент мы поняли: либо мы состоимся как суд, либо своим бездействием загробим такой институт как третья власть.

Отдельная квартира в башне из слоновой кости

Должен ли Конституционный суд вмешиваться в политику? Вопрос дискуссионный. Как показал последний съезд, судьи считают, что в кризисных ситуациях может, если это вмешательство правовое и происходит в рамках компетенции третьей власти. Судьи перечисляли мне статьи закона о конституционном суде, в которых сказано, что суд выступает третейским судьей в спорах между республиками и других вопросах. Ссылались на конституцию. Но одновременно признавали, что ситуация была неординарная, не расписанная ни в одном из действующих законов.

Такая постановка вопроса — суд не вмешивается в политику — мне с самого начала казалась прекрасной. Как может третья власть освободиться от политики, от реальности, от жизни наконец? Вот

тогда бы судьи превратились в крючковаторов, буквоедов, перебирающих пыльные папки с законами в башне из слоновой кости.

Если бы мы были ухоженной, благоустроенной страной вроде Германии, то сидели бы в Звенигороде и спокойно ждали, когда там к нам поступит на рассмотрение закон или конституционная жалоба, сказал мне Валерий Зорькин.

...Накануне заявления президента с предложением референдума, кому избиратели доверяют дальнейшую судьбу реформ — ему или съезду, состоялось голосование, решавшее судьбу Гайдара. Заседание затянулось, и результаты огласили в самом конце дня. Гайдар не прошел. В зале установилась зловещая тишина. Это было удивительно — я, например, ожидала, что противники правительства разразятся аплодисментами. Но, видимо, все присутствовавшие в зале нутром почувствовали, что наступил роковой момент — тревога была разлита в воздухе...

Впечатление сгущающихся туч было и у судей. Они с минуты на минуту ожидали либо демарша президента, либо иного резкого поворота событий.

— Когда съезд начал принимать поправки к конституции, когда стало видно, как депутаты пытаются ограничить права президента — «перетянуть одеяло на себя», когда они одобрили отчетность правительства перед президентом, парламентом и съездом, а это шизофреническая ситуация — ведь подотчетность подразумевает возможность для всех трех инстанций да-

вать указания министрам, когда депутаты упразднили институт представителей президента, я сказал Валерию Дмитриевичу: «Наши услуги вот-вот потребуются», — вспоминает Гадис Гаджиев.

Валерий Зорькин же впоследствии заметил, что заявление о референдуме не вписывается в логику президентской власти, но и попытки съезда растоптать президентство тоже подлили масла в огонь. «Если водитель сделал ошибку, так надо помочь ему ее исправить, а не разбивать из-за этого новенький автомобиль».

— Атмосфера была напряженная — перед самым выступлением Ельцина я видел, как в зал съезда зашли десять сотрудников личной охраны президента. Потом он шел по коридору в окружении трех-четырёх кругов телохранителей — все в черных костюмах. Все очень напоминало 19 августа. Было ощущение, что приближается что-то серьезное и темное, нехорошее, — так описал свои впечатления судья Витрук.

Картина передает ощущение опасности, хотя вряд ли до деталей соответствует реальности. Во всяком случае, насколько я знаю, сотрудники безопасности нередко ходят и в сером и сопровождают президента всегда, а не только в роковые дни.

Озарение пришло вовремя

Еще во время выступления Ельцина судьи начали совещаться на месте. В перерыве решили тут же устроить заседание — депутат Бабурин обратился от микрофона с просьбой к Конституционному суду высказать свое мнение о предложении референдума, съезд эту просьбу поддержал. Помещений для суда в Кремлевском дворце не предусмотрено, поэтому судьям уступили свою комнату одна из технических служб. Времени было мало.

Сначала судьи действительно сосредоточились на референдуме — имеет ли право президент при поддержке части депутатов предложить его или нет? Но затем «пришло озарение», как выразился судья Витрук. За 15–20 минут до начала вечернего заседания в Кремлевском дворце судьи пришли к выводу, что главное — не референдум, а разрешение конституционного кризиса сейчас и здесь. Так в решении Конституционного суда появились два первых пункта — о необходимости немедленных переговоров при участии Конституционного суда и о том, что в противном случае суд начнет рассмотрение вопроса о конституционной ответственности высших должностных лиц государства.

И это была вторая бомба. Сидя в зале съезда я почувствовала, что слова, которые произносил с трибуны Валерий Зорькин, как-то дис-

Страсти на процессе о КПСС остужались минеральной (слева: бывший заместитель генерального секретаря ЦК КПСС Владимир Ивашко). Сегодня некоторые участники событий, недовольные вердиктом суда, хотят вернуться к делу. Одни — чтобы окончательно пригвоздить КПСС, другие, чтобы окончательно ее «отмыть»

сонируют с настроением зала, ошарашивают депутатов. Жесткий, требовательный тон, скрытая угроза начать процедуру импичмента не только против Ельцина, но и против Хасбулатова. Все ждали грома и молний в адрес президента.

На каком основании Валерий Зорькин участвовал затем в переговорах? — задают вопрос противники конституционного соглашения между двумя властями. Судья делегировали ему свои полномочия — опять-таки мои собеседники показывали мне строки закона о Конституционном суде, где такое допускается. Профессия такая — ни шага без ссылки.

«Скажите, — спросила я у председателя Конституционного суда, — правда, что Ельцин поначалу не хотел вступать ни в какие разговоры с Хасбулатовым и встретился только с вами?»

Валерий Зорькин предпочел уйти от разговора о механике достигнутого соглашения: кто что сказал, кто кому погрозил кулаком, кто кого взял за галстук и чем тот ответил... Зорькин проявляет стойкую деликатность, когда речь идет о подобном рода вещах, и этим отличается от многих наших политиков. Он, например, уверял меня, что у него крайне уважительные отношения и с президентом, и со спикером, и даже сказал, что эти отношения могут служить примером для властей всех уровней... Но я знаю, что и с президентом у него были не совсем безоблачные беседы, и что Хасбулатов кричал на него по телефону в свойственной ему «изящной» манере.

— Если уж на то пошло, то поначалу я с каждым из них беседовал поодиночке, затем мы встретились вместе, а на следующий день оба пришли со своими делегациями. Могу сказать, это было нелегко, — единственное, что удалось выжать из Зорькина.

Красок в эту картину добавила пресс-секретарь председателя Конституционного суда: «Увидев лицо Валерия Дмитриевича после завершения переговоров, я поняла, как люди на работе инфаркт зарабатывают».

«Ах, Арлекино, Арлекино...»

Выработанное под эгидой Конституционного суда соглашение большинством депутатов было воспринято, можно сказать, с облегчением — служители закона вывели обе власти из тупика, в котором те заблудились, демонстрируя друг другу свою силу. И президент, и депутаты уже поняли, что малость переборщили, но выйти из ситуации с честью, не потеряв лица, не показав

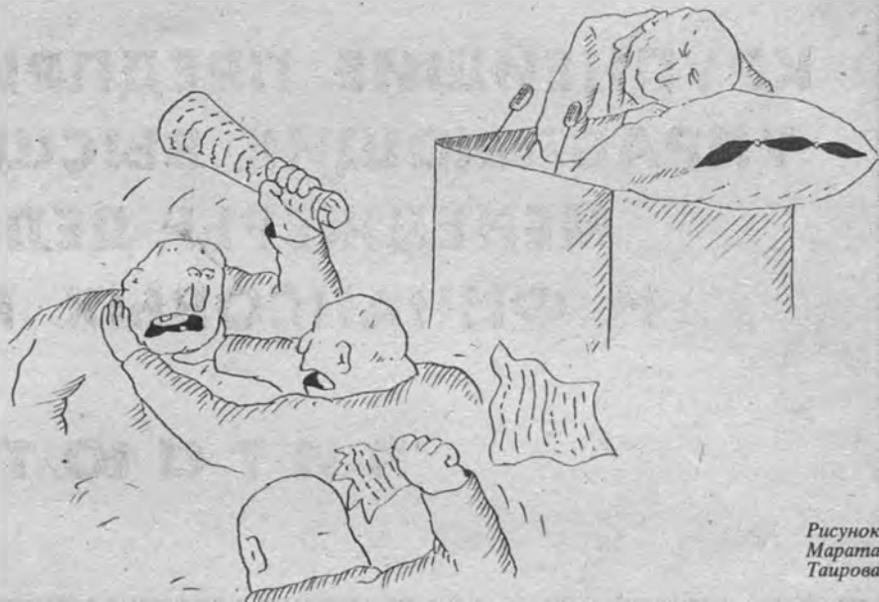

Рисунок
Марина
Таурова

слабины, сами уже не могли. Заявление Зорькина дало им шанс избежать самолюбия, но и вернуться к стабильности.

— Помните в русских народных сказках? Витязь на распутье. Направо пойдешь — коня потеряешь, налево — голову потеряешь, а прямо пойдешь, по центристскому то есть пути, достигнешь царствия небесного. Нам до царствия небесного пока далеко, но съезд показал, что не все в России теперь решается топором, грузовиком, танком... Достигнут гражданский мир — и это главное, — говорит Валерий Зорькин.

Дался ему этот танк...

Остальные судьи тоже убеждены, что Конституционный суд выполнил свое предназначение как институт и как арбитр, как посредник. Кажется, никого из них не волнует, что теперь их, до поры сидевших в тени и никому не мешавших, будут воспринимать как политических соперников, что давление на них возрастет во много раз и что депутат Головин с искаженным лицом, шипящий угрозы профессору Витруку, — это только цветочки.

Судьи на редкость раздражили крайние фланги политического спектра — и правого, и левого, и национал-патриотов, и радикалов из «Демроссия». И те и другие рванулись к микрофонам, лишь только Валерий Зорькин закончил читать текст соглашения. По залу с красным импортным мегафончиком метался депутат Астафьев.

— Вы знаете, он еще как-то подпрыгивал. Я невольно вспомнил песню «Ах, Арлекино, Арлекино». Мегафончиком запасаю, — значит, готовился к чему-то подобному, — грустно покачал головой один из судей, вспоминая те минуты.

Напоследок всем задаю один и тот же вопрос: «Не опасаетесь ли вы, что на следующем съезде депутаты

внесут поправку в конституцию и упразднят Конституционный суд?»

Законодатель дал. Законодатель взял?

Они не опасаются. Юристы такого, как они, класса сейчас в цене и их возможности «на воле» не сопоставимы с чиновничьим, государственным нежирным довольствием.

А что касается третьей власти...

— Мы готовы «умереть» достойно, — улыбнулся судья Гаджиев.

Он просто отвечает на мой вопрос, но я знаю, что на него и в самом деле устраивали уже несколько покушений, как и на некоторых других судей. И это было еще до съезда...

— Конечно, депутаты вольны упразднить Конституционный суд. Тут уж ничего не попишешь — законодатель дал, законодатель взял. Но каковы будут последствия? Конституционный суд — достояние всей России. Пока мы есть, мы не дадим событиям развиваться таким образом, чтобы у кого-то возникло искушение установить в России абсолютную власть. И если даже это попытается сделать съезд, мы будем сопротивляться, пока мы «живы», — говорит Валерий Зорькин.

Критики суда желают, чтобы тринадцать правоведов с лупой в руках, не выглядывая в окошко — как там жизнь, что происходит? — сверяли запястье в конституции и законах, и не дай бог им из кабинета выйти.

Судьи же видят свою роль в другом, и они показали это: они считают невозможным для себя бездействовать, если существует угроза основным ценностям нашего общества, провозглашенным в конституции — правам человека, безопасности граждан, государственному строю, разделению властей. Сколько бы новых поправок ни приняли депутаты, главные нормы конституции — превыше всего. И тут судьи полностью в своем праве.

Фото А. Сазонова

**КРУПНЕЙШИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ,
УПРАВЛЯЮЩИЕ ВЫСШЕГО ЗВЕНА,
МЕНЕДЖЕРЫ ДЕЛОВЫХ
И ФИНАНСОВЫХ КРУГОВ**

Ч И Т А Ю Т

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

"ПРОБЛЕМЫ

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УПРАВЛЕНИЯ"

Единственное в стране издание по управлению

А ВЫ?

Распространяется только по подписке,
которую можно оформить в отделении связи
(индекс 70732 - для индивидуальных подписчиков,
70952 - для организаций)
или в редакции (тел.: 973-05-42, 973-05-36)

209-95-81 **RUSSIAN**
209-76-52 **PRESS**
200-21-10 **SERVICE**

Живет ли Россия по веймарскому календарю?

Александр Янов

Представим на минуту, что живем мы не в начале 1990-х, но в конце 1920-х, в канун веймарской катастрофы в Германии — и вдруг узнаем, чем она для нас обернется. На какие жертвы не пошел бы в этом случае, допустим, французский народ, чтобы предотвратить позор национального разгрома и унижение оккупации, Виши, коллаборационизм, ужас подневольной жизни! Чего не сделали бы евреи, чтобы предотвратить Освенцим! Что не пожалели бы американцы и англичане, чтобы не допустить гибели сотен тысяч своих сыновей в мясорубке мировой войны! Да все, что у них было, отдали бы, наверное, никаких усилий не пожалели, если бы только знали заранее...

Демократы в Кремле?

Разве не знает мир уже сегодня, чем грозит всем новый деспотизм, замешанный на крайнем русском национализме, если придет он к власти в ядерной сверхдержаве? Знает. И что же предпринимают мировое сообщество, западные демократии по этому поводу? Чем готовы пожертво-

Может быть, российским демократам уже поздно помогать? Мир опоздал, как шестьдесят лет назад в Германии...

вать, чтобы помочь новорожденной демократии остановить российских герингов и гиммлеров? Какие принципиально новые идеи выдвинули, позволяющие на этот раз вмешаться в чужую политическую войну, пока она не разнесла наш мир на куски? Как, короче говоря, намереваются противодействовать повторению веймарской трагедии? Да, честно говоря, никак.

Опять, как и в 20-е годы, не принимаем мы эту угрозу всерьез. Одни — и их большинство — просто не осведомлены, представления не имеют, почему эти русские никак меж собою не договорятся, когда коммунизм больше им не мешает. Другие, знающие чуть побольше, предпочитают довериться иллюзии: немножечко поддержим российских реформаторов технической, гуманитарной и слегка даже финансовой помощью, и они сами избавят нас от новой веймарской катастрофы. А третьи, самые осведомленные, вообще махнули на веймарскую Россию рукой: что бы мы ни сделали, ничего не поможет.

Но скептиков и фаталистов было на десяток дюжина и в 1945-м, когда демократическому миру предстояла задача поистине беспрецедентная: гарантировать, что Германия и Япония никогда больше не поднимут меч.

Нужны были ресурсы и люди, обладав-

шие волей и могучим политическим воображением, чтобы взяться за такую головокружильную задачу. Нужны были принципиально новые идеи. Слава богу, не все оказались тогда скептиками и фаталистами. И дело было сделано — неслыханное в мировой истории.

Что и говорить, сегодня опять нужны принципиально новые идеи и могучее политическое воображение. И я готов допустить, что у наших скептиков просто нет ни того, ни другого. Им нечего предложить, оттого они и фаталисты. Если так, то единственный способ исправить дело — это не оставить у западной публики ни малейшего сомнения, что задача, которая стоит перед избранными ими политиками, сейчас ничем принципиально не отличается от той, что стояла перед их предшественниками в 1945-м. И что угроза националистического «нового деспотизма» в веймарской России куда более страшна в ядерном веке, чем была она когда-то даже в веймарской Германии.

С августа 1991-го хороших новостей не было. Судя по газетам, никто в Москве не понимает, куда идет страна. Сколько так может продолжаться? Как жалуется кинорежиссер Станислав Говорухин: «Сатанинское время... Скоро люди будут умирать только от одного страха перед будущим. Уже умирают. Столько отрицательных эмоций ежедневно — че же сердце выдержит? И это мы называем демократией?»

Запад все еще называет Джордж Буш уверял свою страну: «Демократы в Кремле могут обеспечить нашу безопасность, как никогда не смогут ядерные ракеты». Но кто обеспечит безопасность «демократам в Кремле»? И демократы ли они?

Правые привычно именуют новых людей в Кремле «временным оккупационным правительством». Шапка «оппозиционной» газеты через всю первую полосу кричит: «Правительство предательства и позора». Группа депутатов парламента публично требует «возбуждения ходатайства в Конституционный суд об отрешении от должности президента Российской Федерации за предательство национальных интересов России». Юрий Липатников, председатель «Русского союза», объясняет читателям: «Русские вымирают. Полтора миллиона человек в год — наш шаг в историческое небытие. Что же с нами? Нас грызает чужая оккупационная власть».

Либеральный лагерь относится к тому, что происходит в стране после августа, ничуть не лучше. Вот что пишет, например, один из самых авторитетных его идеологов Леонид Баткин: «Мы присутствуем при кризисе, тупике, исчерпании... «послеавгустовской» ситуации, которая воплощена в посткоммунистической номенклатуре. Так оно и будет,

пока у власти «демократы», те же хозяева жизни, что и раньше, необюрократический слой, поглощенный самосохранением и личным жизнеустройством... Главный итог послеавгустовского опыта выражается одним словом: разочарование». Я собственными ушами слышал, как один из лидеров Демократической партии России говорил на представительном собрании: «Пожалуйста, не называйте меня демократом, мне это неприятно».

Гадкий утенок

Послеавгустовский режим, который на Западе считают революционно-демократическим, похоже, повис в воздухе. На что он опирается? На инерцию августа? На штыки? На личный авторитет президента, которого оппозиция обвиняет в «предательстве национальных интересов России», а «патриотические» манифестации призывают «повесить, как Иуду»? Никто в Москве вам этого не объяснит.

У старого датского писателя Ханса Кристиана Андерсена есть странная сказка о лебеденке, высуженном уткой. Вылупившись, он так сильно отличался от своего утиног семейства, что казался уродом и окружающим, и самому себе. Утиное общество презирало его и потешалось над ним. А другого общества у него не было. И некому было объяснить бедному мальчику, что все еще у него впереди. Он был уверен, что он самый «гадкий утенок» на свете. И умер он в предвешую ему страшную одинокую зиму, так никогда и не узнав бы, что рожден лебедем.

Я не знаю более точной метафоры для новорожденной демократии. Во всяком случае для демократии веймарского типа, высуженной к собственному изумлению «уткой» вековой авторитарной традиции в великой имперской державе XX века. «Гадким утенком» была новорожденная российская демократия в краткий исторический миг между февралем и октябрём 1917-го, прежде чем погибла от рук диктатуры. И такой же была демократия после 1912-го в Японии в так называемую эру Тайсё, завершившуюся взрывом милитаризма в 1930-е. А разве не «гадким утенком» выглядела веймарская демократия в Германии после 1918-го — слабая, инфантильная, растерянная и коррумпированная, начисто лишенная авторитета,

Полковники зовут к генеральской диктатуре

Фото Дмитрия Борко

не способная реформировать ни судебную, ни образовательную системы, ни тем более положить конец бесчинствам на улицах и серии террористических убийств лучших своих сыновей?

В сказке Андерсена гадкий утенок с грехом пополам пережил отчаянную, голодную зиму, выдержал, другими словами, жестокое испытание переходным периодом.

В реальной истории новорожденные демократии в имперских державах его не выдерживают — гибнут, так и не узнав, что рождены лебедями. В начале века погибли они все без исключения — и в республиканской России, и в тайсёистской Японии, и в веймарской Германии.

И дело тут вовсе не в том, что к власти после антиавторитарного переворота приходят не идеалисты-бессребреники, но заурядные и грешные чиновники. Идеалисты были бы куда опаснее. Можно понять Леонида Баткина, когда он жалуется: «Многих из нас приводят в отчаяние не цены, а притворство, игра в демократию, корыстолюбие, напыщенность, привилегии, сохранение прежних прав и структур».

Но каким же еще может быть политический класс, вышедший из лона векового авторитаризма, кость от кости и плоть от плоти старого режима? Действительная проблема совсем в другом. В том, спо-

собны ли эти люди — многие из которых при всех своих грехах искренние реформаторы (этого и Баткин не отрицает) — вести страну в направлении демократии и вывести ее из фазы «гадкого утенка».

История свидетельствует, что это две совсем разные задачи. Вести страну в направлении необратимой демократии (к политической модернизации в моих терминах) они могут. Пусть в республиканской России 1917 года фаза «гадкого утенка» продолжалась лишь девять месяцев, но ведь в тайсёистской Японии и в веймарской Германии тянулась она по пятнадцать лет. Однако вывести ее в общество демократических лебедей они — без помощи всей лебединой стаи — не могут. Вот и Баткин на основании горького своего эмпирического опыта глубоко в этом сомневается: «Можно ли полагаться на то, что политики, которым настолько недостает социального такта, вытянут нас из ямы?.. Спустя год после августа 1991-го поверить в это все трудней и трудней».

Кто спорит, недостаток социального такта у нового политического класса России чудовищный. Неловко, чтоб не сказать стыдно, видеть бывших демократов въезжающими на второй день после победы в царские хоромы и сиятельные кабинеты. Самоубийственно дразнить отчаявшийся и голодный народ. Но разве социальный такт — единственное, чего им недостает?

Как насчет политического опыта? Будь у них достаточно этого опыта, разве не переиграли бы они своего главного соперника — реакционно-имперский слой, то есть Русскую Новую Правую, присвоившую себе титулы «национально-освободительного движения» и «защитницы народа»? Разве позволили бы они «патриотам» захватить в свое безраздельное распоряжение московскую улицу, которая до августа принадлежала демократам? Ведь они даже не попытались бороться за массы по-настоящему, не осознали, что в стране идет политическая война, а там, где война, нужна стратегия. Где их стратегия?

К сожалению, недостает правительству и интеллектуальной подготовки. Во всяком случае для того, чтобы понять, что судьба его зависит не столько от сбалансированности государственного бюджета, сколько от того, сумеет ли оно вернуть народу утраченную надежду. Короче говоря, нет у них всего, чего не доставало в свое время и «гадкому утенку» веймарской демократии.

Запад в замешательстве

Именно поэтому и называю я правящий сегодня в России режим не демократическим, но антиавторитарным. И действительная беда его

Российские неофашисты все ближе к своим германским предшественникам. Но почему-то их не принимают всерьез...

вовсе не в перечисленных выше недостатках. В переходном периоде они в порядке вещей. Единственная функция антиавторитарной элиты, если на то пошло, — продержаться еще несколько лет, не дав авторитарной оппозиции развязать в стране губительный процесс контрреформы, в надежде, что за это время мировое демократическое сообщество разберется наконец в ситуации и придет на помощь «гадкому утенку».

Вытащить страну из ямы можно лишь при условии, что демократическое сообщество сумеет вовремя мобилизовать для решения этой задачи все свои ресурсы — не только финансовые и менеджериальные, но и моральные, и политические, и интеллектуальные. Если, иными словами, оно примет непосредственное участие в политической войне, сотрясающей сегодня Россию, покуда она не переросла в гражданскую.

Действительная беда поэтому в замешательстве Запада. В том, что сама мысль о прямом участии во внутренней политической войне в суверенном государстве, даже если ее исход и способен изменить не только геополитическую картину мира, но и его судьбу, — сама мысль о коллективной ответственности за исход этой войны очень уж неприятно звучит для рафинированного западного уха.

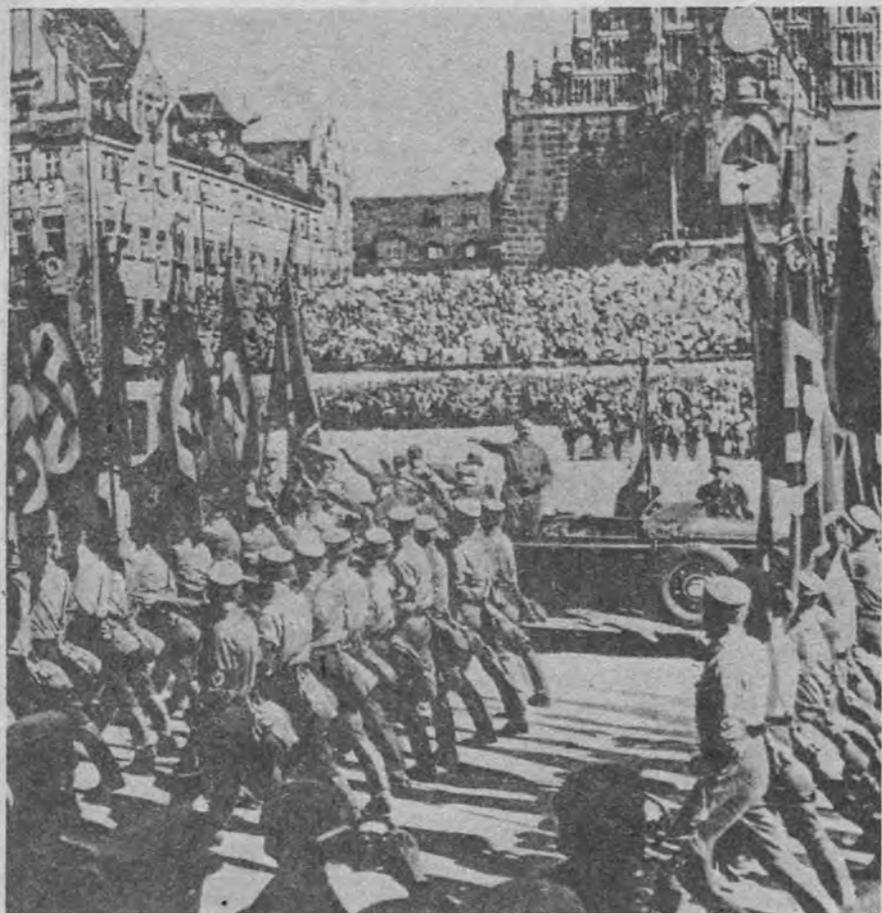
Западные союзники взяли на себя ответственность за демократическую трансформацию послевоенных Германии и Японии, потому что оба государства не были еще тогда суверенными. Они были оккупированы союзными войсками. И в лице оккупационной администрации неожиданно обрели мощное лобби, несшее прямую и персональную, если

удобно, ответственность за их демократическую судьбу.

Россия — суверенное государство, и, следовательно, вмешательство других государств в ее внутренние дела исключается. Механизм участия мирового сообщества в обеспечении собственной безопасности от неизвестно куда бредущего по краю пропасти ядерного гиганта должен быть несопоставимо тоньше и сложнее. Он может быть построен только на авторитете и убеждении.

Угроза демократии исходит здесь изнутри, и западной публике практически ничего о ней не известно. Западные государственные мужи предпочитают теперь удовлетворяться самим фактом свержения авторитарного режима в России и установлением демократических процедур. Они чувствуют себя гораздо более комфортно, поверив, что демократия в России уже победила и ничего экстраординарного от них не требуется.

Да, они готовы признать — авторитарная опасность в России сохраняется. Но почему-то уверены, что скромная финансовая помощь Запада вполне способна ее устранить. Их ли вина, что, как пишет крупнейший специалист в этой области профессор Стэнли Фишер, «западная помощь оказывается политически невидимой в России»? Или что «Запад пренебрег своей обязанностью сделать так, чтобы его (финансовые) усилия помогли реформаторам»? В таких тонкостях пусть разбираются финансисты. Дело государственных мужей — добиться, чтобы помощь была оказана. И пусть она даже обернется потом лишь формальностью, их совесть будет чиста. Они сделали что могли. Ну а если авторитаризм в Москве все-таки вернется к власти и ядер-

ные ракеты снова окажутся нацелены на Запад, что ж, не могли же они в конце концов гарантировать успех «демократов в Кремле».

Вот как, например, бывший госсекретарь США Джеймс Бейкер агитировал в августе 1992-го конгресс голосовать за Акт поддержки свободы в России: «Наша помощь не подачка. Реформаторам придется самим принимать трудные решения и исполнять трудную работу. Наша помощь не может гарантировать им успех... Если российские реформаторы потерпят поражение и авторитаризм вернется... оборонный бюджет снова возрастет, и страх конфронтации, с которым мы жили на протяжении 40 лет, будет опять с нами».

В 1945 году такой аргумент показался бы, очевидно, неадекватным и конгрессу, и тем более публике. От людей, которые взялись тогда за демократическую трансформацию бывших агрессоров, требовалось именно **гарантировать**, что Германия и Япония никогда больше не посягнут на демократию. Эти люди не простили бы себе, если бы «авторитаризм вернулся» и все началось сначала.

Никто не боится фашизма?

...Когда корреспондент спросил Михаила Горбачева: «Можно ли

сказать, что страна на пороге фашизма?», тот осторожно ответил, что это не исключено. Казалось бы, такой вопрос и такой ответ должны были напугать западных наблюдателей до смерти. Не напугали. В этом и заключается действительная опасность, делающая шансы веймарской России на выживание примерно равными шансам в веймарской Германии.

Понимают ли это в Москве? Смотря кто. Антизападная «патриотическая» оппозиция понимает. Она вообще оказалась в этом смысле куда пронизательней и дальновидней либералов-западников. Почему она затеяла всю эту истерику насчет «оккупационного правительства», когда никакой оккупацией и не пахнет? Когда Запад практически отказывается принимать какое-либо участие в российской драме? Они развязали такую шумную превентивную кампанию в надежде взбудоражить народ, поднять его на борьбу с «иностранным нашествием» — и тем самым нейтрализовать Запад, удержать его от принципиального решения.

В конечном счете вся сегодняшняя «антиоккупационная» лихорадка в «патриотической» прессе сводится к тому простому факту, что «патриоты» не доверяют собственному народу. Дважды, в 1990-м и в 1991-м, нанес он им сокруши-

тельное поражение на свободных выборах, безоговорочно отказав в доверии в пользу демократов-западников.

Либералы, с другой стороны, тоже живут воспоминаниями о прошлых выборах. Для них это был, без сомнения, триумф. И он до сих пор питает в них иллюзию, что они всегда смогут справиться с «патриотами» в открытой и честной предвыборной борьбе. Несмотря даже на то, что живем мы сегодня в совсем другой стране и говорить придется вовсе не с тем народом, который шел тогда на выборы, окрыленный надеждой и полный антикоммунистических страстей, а с изверившейся массой.

Дмитрий Быков пишет: «Я остаюсь убежденным сторонником демократии, но не могу не видеть, что моя страна отторгает эту идею, противостоит ей, тяготеет к радикальному поправению, ибо не может больше дышать разреженным воздухом полной свободы... Политик в сегодняшней России, не заигрывающий с национализмом, по-моему, обречен на провал... Идеологи российской независимости, умеренные политики, ярые коммунисты, религиозные философы, православные публицисты — все объединяются сегодня на базе национальной идеи».

Бывший либерал Говорухин не выдержал испытания переходным периодом и провозглашает: «То, что происходит сейчас, никакая не демократия... Никогда великие идеи демократии не были так сильно опорочены, как сегодня. Их опорочили сами демократы, вернее, люди, так своеобразно назвавшие себя демократами... Все нынешние свободы оказались свободами призрачными. Потому что истинная «свобода — это освободить людей от обнищания... от страха перед будущим».

Говорухин парадоксальным образом отправился искать свободу и истинную демократию в лагере авторитарном. Он из когорты «демократических перебежчиков», вливающих сегодня в ряды Русской Новой Правой, укрепляя тем самым ее интеллектуальный потенциал. Феномен «демократических перебежчиков» — симптом, свидетельствующий о силе националистической реакции.

Демократия — «несчастье для России»

Вот говорухинское: «Происходит невероятное. У нас на глазах растет уродливый ребенок, со всеми патологиями, которые известны в медицинской практике. Даун. Несчастье родителей. Пожизненное. Между тем примерно тридцать процентов населения (примерно столько считают, что все, что происходит, правильно) уверяют нас: ничего, по-прежнему, оправится и станет кра-

сивым молодым человеком. Так не бывает. Из уroda вырастет урод».

Звучит правдоподобно, но на самом деле совершенный вздор. Говорухин совсем не знает истории. Если бы он имел хоть малейшее представление о том, через какие испытания пришлось пройти, скажем, «уродливому ребенку» послевоенной немецкой демократии, прежде чем она стала «красивым молодым человеком», он постыдился бы сбивать свой народ с толку такой «философией».

Выпуск промышленной продукции в Германии 1946 года не превышал одной трети того, что она выпускала в 1936-м. В ее разбомбленных городах было пять миллионов бездомных и вдобавок шесть миллионов беженцев — из Польши, Чехословакии, Восточной Германии. Люди жили в подвалах разрушенных домов, в бомбоубежищах и просто на площадях. Лишь треть урожая попадала в руки властей для распределения по карточкам, остальное шло на черный рынок, где тотчас становилось недоступным всем, кроме воров и нуворисей. Средняя зарплата колебалась между 200 и 400 марок, а фунт кофе стоил 600, пачка сигарет — 150, фунт масла — 300 марок. Это ли не обнищание?

Дневной рацион в 1550 калорий (около половины нормального потребления в Западной Европе) пришлось в марте 1946-го снизить до 1015, что по заключению оккупационных властей было равносильно медленному умиранию от голода. Удивительно ли, что в одном Гамбурге обнаружили в том году 10 тысяч случаев голодной водянки, в стране было зарегистрировано 260 тысяч случаев туберкулеза и уровень смертности подскочил по сравнению с 1938 годом на 50 процентов?

Топлива практически не было. Рур не производил даже четверти довоенной продукции: шахтеры голодали, нельзя было ждаться от них большего. Люди жгли мебель, книги, деревья из городских парков. Полки магазинов были пусты. Если перегорала лампочка, жили при свечах. Когда кончались свечи, жили в темноте. Вот что писал в 1947 году Стефан Шпендер в «Кельнском журнале» о жителях своего родного города, где обследование обнаружило только 12 процентов детей нормального веса: «Племя бродяг, набредших в пустыне на развалины древнего города и живущих в своих подземельях охотой за обломками умершей цивилизации».

Еще суровой был приговор Генриха Столпера, эмигранта и антифашиста, навестившего Германию в 1947-м: «Нация с неисправимой поврежденной генетической структурой, интеллектуально искалеченная ужасами нацистского деспотизма, многолетней изоляцией от мира и

морально разрушенная... Нация, чья социальная ткань уничтожена массовым бегством, гигантской эмиграцией, неизбежным расчленением страны... Нация, живущая без всяких гарантий личной свободы или демократии... Страна, в которой среди голода и страха умерла надежда».

Можно ли представить себе «ребенка» уродливый? Решительно все, что ставят сейчас в вину сегодняшнему антиавторитарному режиму самые оголтелые националисты, содержится в этих скорбных свидетельствах — и много больше. И что же, разве остался этот «даун» на всю жизнь уродом? «Так не бывает», — утверждает Говорухин. Так было. Слава богу, не все немцы опустили тогда руки, как Быков, или перебежали в авторитарный стан, как Говорухин.

Впрочем, у российской авторитарной оппозиции свои проблемы. В отличие от ее предшественницы в веймарской Германии у нее покуда нет общепризнанного харизматического вождя, способного поднять нацию на штурм «оккупированного» Кремля. Газета «День» печатает полосу под отчаянной шапкой «Россия ищет лидера».

Вторая волна

Послушаем главного фаворита «Дня» отставного генерала Альберта Макашова: «Россия на грани гибели... Правительство спешит надеяться побольше пакостей перед своим уходом... выполняет все указания Международного валютного фонда... На смену этому режиму должно прийти патриотическое правительство, которое будет защищать русских, в какой бы из республик они ни находились. Оно вообще будет защищать интересы трудящихся, а не предпринимателей (читатель должен помнить, что Макашов убежденный коммунист. — А.Я.). Опыт других государств говорит о том, что генерал у власти — не худший вариант... Даже Пиночет на стадионы загонял не одних коммунистов, но проституток, воров, наркоманов, бандитов. И вывел свое государство в число тех, с кем мы хотим сейчас завязать знакомство и даже получать от них помощь».

Итак, перед нами программа генеральской диктатуры и разжигания гражданской войны. По сути, главное, что обещает России Макашов, — это превратить ее в новую Югославию. И надежды свои основывает он вовсе не на смягчение кризиса, но на его обострение.

Сходную идею предлагает и Ричард Косолапов, идеолог коммунистов-сектантов, не желающих в отличие от Макашова сливаться в единый фронт с «патриотами». Только Косолапов уверен, что «вторая волна» кризиса будет походить скорее

на русскую революцию 1905 года и непременно принесет на своем гребне новые Советы рабочих и крестьянских депутатов, доминировать в которых будут, разумеется, коммунисты.

Еще поразительней, что «вторую волну» кризиса с надеждой ожидают не только отвергнутые народом коммунисты, но и люди демократических убеждений. Вот как обьяняет это Баткин: «Первая волна демократического наступления (1989—1991) сделала незабываемое историческое дело и выдохлась, ушла в песок. Когда, как поднимется с той же внутренней необходимостью ВТОРАЯ ВОЛНА? Я считаю: многократно повторенное торжественное обещание Ельцина, что уже к концу 1992 года обозначится всяческая стабилизация... неосуществимо. И тогда?»

Как видим, в отличие от послевоенной Германии в сегодняшней России никто не связывает свои надежды с мировым демократическим сообществом. Все надеются на обострение отечественного кризиса. Другое дело, что одни ожидают от него окончательного триумфа «патриотов», другие — коммунистов, а третьи — демократов. Но все стоят на одной и той же позиции, о которой заявил в свое время товарищ Мао: опора на собственные силы. Я не знаю, как назвать ее иначе, нежели изоляционистской.

Ситуация вроде бы безвыходная. С одной стороны, российским элитам чужда идея вмешательства демократического сообщества в их политическую войну: одни смертельно этого боятся, другие не могут себе этого представить. И Запад, как мы видели, тоже не готов к такому вмешательству — ни морально, ни интеллектуально, ни политически.

Как ни крутись, придется-таки искать какой-то выход из этого положения. После того как рассеется иллюзия, что от веймарской угрозы в России можно просто откупиться финансовой помощью под руководством Международного валютного фонда, западные политики вынуждены будут всерьез задуматься над стратегией вмешательства в российскую политическую войну.

Югославскую ситуацию, продемонстрировавшую миру, что погасить гражданскую войну, когда она уже разгорелась, практически невозможно, в России допустить нельзя. Слишком много вокруг потенциальных Чернобылей. Поэтому, я думаю, политическое вмешательство Запада в веймарскую Россию раньше или позже неминуемо.

Однако если Россия действительно сейчас находится уже где-то в конце 1932-го по веймарскому календарю, то мир так же безнадежно опоздал, как шестьдесят лет назад в Германии.

Но я исхожу из того, что мы по этому календарю еще в 1920-х и что при всей своей браваде и победительном тоне «патриотическая оппозиция» не только не готова к штурму «оккупированного» Кремля, но и находится пока что в фазе переходной, делающей ее крайне политически уязвимой по меньшей мере в трех отношениях.

Русская Новая Правая

Во-первых, ее политическая база в высшей степени ненадежна. Приоритеты народа, судя по крайней мере по всевозможным опросам общественного мнения, резко отличаются от приоритетов правых.

Именно потому, что «патриотическая оппозиция» не располагает безусловной поддержкой масс, опираться она может лишь на их разочарование в западническом антиавторитарном режиме. Демократия, утверждает она, не смогла и никогда не сможет обеспечить народу нормальную жизнь. Это демократия свергла страну в перманентный кризис. Это она вызвала драматическое падение жизненных стандартов. По этой причине, упорно пытаясь внушить она народу, нам в России западная демократия не подходит. По сути, главный прием «патриотической» пропаганды — это сведение демократии к фазе «гадкого утенка». Иначе говоря, кризис — питательная почва оппозиции. В нормальных условиях у нее не будет общего языка с народом.

Вторая проблема Русской Новой Правой в том, что состоит она из принципиально разнородных партий, каждая из которых вдохновляется своим собственным идеалом и стремится к отличной от других политической цели. Скажем, самая влиятельная из этих партий видит себя наследницей белогвардейцев, тогда как коммунистическая, «красная», оппозиция — наследница тех самых большевиков, которые и нанесли страшное поражение «белым».

Если одни — за свободное фермерство, то другие блокируют земельную реформу. Если одни поддерживают отечественных предпринимателей, то другие — трудящихся в их борьбе против предпринимателей.

Головы врагов летят одна за другой. «коричневые» торжествуют по поводу «падения оккупационного правительства Гайдара»

Кроме «белых» и «красных» есть еще и партия «коричневых», вдохновляющихся нацистскими идеалами, лишь слегка орнаментированными монархической архаикой. Говоря словами одного из лидеров многочисленных «Памятей» Дмитрия Васильева, стремятся они к «монархическому фашизму». Их политика начинается и кончается антисемитизмом.

Назвать организации всех этих «белых», «красных» и «коричневых» партиями можно лишь очень условно. В реальной жизни все эти цвета расколоты на множество оттенков-фракций, свирепо друг с другом враждующих. Достаточно сказать, что только организаций, называющих себя «Память» («коричневые»), в 1992 году насчитывалось в России десять, а коммунистических партий, союзов и движений («красные») — восемь. И каждая из них считает всех остальных опасными еретиками, если не врагами отечества.

Бесспорно, у всех у них есть достаточно точек соприкосновения. Это дает им возможность функционировать в некоторых отношениях как единое политическое целое против антиимперского, прозападнического и антиавторитарного правящего режима. Объединенная «красно-белая» оппозиция сегодня уже реальность — и в парламенте, и на московских улицах.

Русский национальный собор под руководством Александра Стерлигова всерьез взялся за наведение идеологических мостов между «белыми» и «красными» (с помощью, правда, «коричневых» идей). Но достаточно услышать, что говорит «белый» Виктор Аксютин о «розовом» Стерлигове, чтобы представить себе разделяющую их пропасть: «Стерлигов — генерал-майор КГБ, и его затея с Собором — очередная попытка паразитировать на патриотических идеалах. Мы не хотим иметь дело со Стерлиговым». «Против» — они вместе, но лишь доходит дело до «за» — начинается драка.

Без объединяющего идеологического знамени не сможет идти на штурм Кремля Русская Новая Правая. Но даже если ей и удалось бы каким-нибудь образом им овладеть, на следующий же день Васильев с Филимоновым и Аксютин со Стерлиговым

вцепятся друг другу в глотки, что сделает гражданскую войну и «коонец России» неминуемыми.

Третья, наконец, и, может быть, не менее серьезная проблема, резко ослабляющая политический потенциал «национальной оппозиции», в том, что из-за идеологической фрагментарности и мелочного личного соперничества нет у нее покуда — и в ближайшее время не предвидится — бесспорного, общепризнанного лидера, своего Ленина или своего Гитлера.

Таковы в общих чертах соображения, позволяющие мне заключить, что время для расшатывания западных стереотипов у нас еще есть и что от 1932 года по веймарскому календарю отделяют нас годы. Варвары еще не у ворот Рима.

Все это не означает, однако, что Русская Новая Правая не набирает очки — методично и неутомимо.

Раньше или позже эволюция страны к фашизму может оказаться необратимой. И мечта о российской демократии будет опять, во второй раз в нашем столетии, похоронена.

Я не хочу оставлять у западной интеллигенции ни малейших сомнений: она опять, как в 1920-е, проигрывает историческую гонку, опасно отставая от имперско-реваншистской оппозиции.

Паны ошибаются, а у холопов чубы трещат

Известный экономист и писатель **Николай ШМЕЛЕВ** отвечает на вопросы собственного корреспондента «НВ» **Александра ПОЛЮХОВА**

«Новое время». Какой период переживает сегодня страна? Переход от социализма к капитализму?..

Николай Шмелев. Не верю я в деление на «капитализм» и «социализм». Для меня мир делится на нормальную и аномальную политические системы. Собственно, и экономика бывает нормальной и аномальной. Есть общество здорового смысла и есть общество сумасшедшего дома. Другого не дано.

Лучше бы эти два слова («капитализм», «социализм») вообще исчезли из нашего лексикона. Они попросту делают из людей врагов. Как в средневековье, когда придумывали химеры и убивали из-за них друг друга.

«НВ». Тем не менее движение происходит, пусть и на фоне условных декораций. В каком направлении?

Н.Ш. В сторону более разумного, человеческого и эффективного общественного устройства. В ходе его должна быть устранена крайность нашей современной истории: тотальная государственность, при которой государство — хозяин всего, начиная от жизни человека и кончая последним гвоздем у него на кухне.

Разумеется, государство нужно, хотя бы для того, чтобы тебя на улице не убили, чтобы дом твой не ограбили. Оно должно быть сильным, но умеренно влиятельным. Пусть оно регулирует хозяйственную жизнь макроэкономическими методами, а общественную — законодательными. Его функции — обеспечить единые «правила игры» в стране, а напрямую руководить лишь относительно небольшим сектором экономики: энергетика, связь, транспорт и часть военного производства.

«НВ». Есть ли такое понимание в нынешних структурах власти?

Н.Ш. В теории да. Но жизнь зависит не столько от теоретического восприятия проблем, сколько от человеческой психологии. Индивид или группа могут понимать оптимальную роль государства, но превьше этого для каждого вопрос: «А я-то где? Как с моими-то претензиями на влияние?» Когда идет борьба

за стулья в кабинетах, не до теорий.

«НВ». Отсюда и столкновения между президентом, парламентом, правительством?

Н.Ш. Всегда старался не выглядеть экстремистом, но по данному вопросу у меня экстремальная точка зрения. Я считаю, что весь наш исторический кризис порожден главным образом людьми, их психологией.

«НВ». А как же «базис» и «надстройка»?

Н.Ш. Об этом жрецы долдонили, дабы оправдать свое существование.

Наш кризис начался 75 лет назад. Но нынешний «обвал» создан в первую очередь ошибками Горбачева и его окружения. Я не сомневаюсь в его добрых намерениях, но ими, как известно, вымощена дорога в ад. Не хватало «малости» — грамотности действий и высокой нравственности. И получилось: ошибались паны, а у холопов чубы трещат по сей день.

И сегодня за столкновением программ я отчетливо вижу лица и амбиции отдельных людей.

«НВ». За схоластикой всегда скрываются схоласты?

Н.Ш. К сожалению. Да и за горячими «человечьими лозунгами» явно просматриваются их авторы. Не только экономика пошла наперекосяк из-за них. Чертовщина на окраинах бывшего СССР также лежит на их совести. Ссылки на «объективные факторы» — во многом блеф.

При предельном упрощении сути проблемы сводится к взаимоотношениям сумасшедшего лидера и потерявшей рассудок толпы. Национальные и прочие моменты не объясняют воцарившегося средневековья. Помните из детства присказку: «Назло мамке уши отморожу»? Стремление к децентрализации и национальному самовыражению понятны, но зачем же экономикой разваливать...

«НВ». ...и людей убивать.

Н.Ш. Не питаю симпатий ни к Ландсбергису, ни к Гамсахурдиа, ни к же с ними. Ради ничтожного сиюминутного личного выигрыша мелкие бесы готовы пожертвовать и благом, и жизнью взбудораженной ими толпы.

«НВ». Поднимаемая ими волна их же и сметает.

Н.Ш. А тут уж дьявол за их спиной ухмыляется! Эти лидеры обречены, причем иным из них даже смертью

своей вряд ли удастся примириться с согражданами.

«НВ». Но страна-то наша остается?

Н.Ш. Это вопрос веры. Я государственный. Но не в примитивном смысле этого слова. Убежден, что в России нужен процесс децентрализации политических прерогатив и экономических полномочий. Главное — налоги: не 75 процентов центру и 25 — местным властям, а наоборот: надо три четверти оставлять на местах и только четверть отдавать центру.

Но не след забывать, что Российская империя формировалась тысячу лет и не была искусственным образованием. В основном, хотя и не без насилия, она сложилась органически. История учит, что такие организмы распались под ударами извне, а не из-за внутренних противоречий. Люди способны потерять голову на время. Но не совсем, под воздействием шпаны, рвущейся в местные князьки или президенты.

«НВ». За равноправие начали бороться республики, затем области, а теперь и города. Но постепенно выяснилось, что «все животные равны, но некоторые равнее»: налоги в госказну кто платит, кто нет; федеральный договор кто подписывает, кто нет. Что это — эхо развала СССР или начало распада России?

Н.Ш. Не национальные вывихи, а паралич рубля погубил Советский Союз и губит Россию. Основную ответственность, несут Рыжков и Павлов. Еще в 1989 году страна пере-

шла, по сути дела, на всеобщий бартер, поскольку деньги перестали выполнять свои функции. Именно поэтому отделение от «дурдома» выглядело как путь к спасению.

Коди Москва и ныне ведет политику, вгоняющую регионы в обнищание, то дезинтеграция продолжается. Если бы Москва не оставляла Казани шип от нефтяных доходов, то с Татарстаном вполне можно было бы договориться.

«НВ». По уму ли Москве сия мудрость? Иные считают, что правительство вообще не имеет продуманного курса.

Н.Ш. Политика есть, и вполне отчетливая. К сожалению, она не удалась. Конечно, гайдаровские ребята заслужили славу тем, что первые рискнули поставить головы на кон, начав реформы. Но они запустили процесс перемен с максимальной жестокостью.

Экономисты моего поколения (речь идет не о заскорузлых ученых) предлагали проделать операцию мягче. Да, паралич рубля необходимо было ликвидировать, устранив гору пустых денег. Можно их отнять — сталинский рецепт 1947 года, обновленный Гайдаром, а можно их выкупить. Нужно-то было не более 15 миллиардов долларов — часть занять на Западе, а часть получить от продажи населению земельных участков и других активов. Или на худой конец заморозить на время вклады в сберкассах. Но именно на время.

«НВ». Однако Гайдар близок к цели. Деньги вроде бы заработали?

Н.Ш. Да, появился шанс, что рубль

заработает, а значит, заработают люди и предприятия. Увы, ситуация еще не стала необратимой, учитывая темпы печатания денежных знаков. Тем не менее налицо реальное достижение команды Гайдара.

Второй ее успех — некоторое оживление частной инициативы. Проявляется оно порой уродливо — уличная торговля; порой серьезно — фермерское движение.

И третье, быть может, самое важное — меняется менталитет. И улица, и директора заводов, и бюрократия осознают, что назад движения нет. Идем вперед, хотя никто не знает, что будет дальше.

«НВ». Нет ли опасности в том, что общество пришло в движение, но маршрут его неизвестен? «Наших планов громадь» кануло в Лету. Но какие-то наметки нужны?

Н.Ш. Нечего думать об отдаленной перспективе! Футурология позволяет человечеству загадывать в лучшем случае лет на 15. В нашем отчаянном положении лучше ограничимся пятью годами. Не дано нам предугадать, какими будут демократия, экономика, духовная жизнь в XXI веке.

«НВ». Что же пальпируется пальцами экономиста?

Н.Ш. Главное не в том, как поделят министерские портфели. Важнее конфликт между, условно говоря, Гайдаром, который прав теоретически, и, тоже условно, Вольским, который прав по-человечески. Будущее во многом зависит от того, где пройдет линия компромисса между двумя позициями.

Гайдар прав, что не прошибешь наших директоров ничем иным, кроме как угрозой банкротства. Только страх перед физической смертью предприятий заставит их снижать цены, повышать качество, заботиться о сбыте. Я симпатизирую директорам, но до сих пор они исходили из того, что при крепких нервах они смогут сбавить любую дрянь. И последнюю схватку, потребовав взаимозачета долгов предприятий и кредитной помощи государства, они выиграли, вынудив летом Ельцина «купить» их «товар».

«НВ». «Клиническая смерть» в виде всеобщих неплатежей их не напугала?

Н.Ш. Они знали, что «доктор» спасет. И все же «искусственное дыхание» — временная мера. В будущем от банкротства (не всех, а лишь части заводов) их спасет только переход к активной рыночной деятельности. Понятно — страх берет! Легко понять «директорское лобби»: ведь минимум треть рабочих в нашей промышленности лишняя. Придется закрывать даже некоторые регионы. Поэтому компромисс двух курсов необходим, но чувство меры обязано победить.

Надеюсь, линия взаимопонимания пройдет ближе к гайдаровской позиции. Тогда самые ущербные заводы своей гибелью докажут, что виновато не правительство, а нецивилизованное хозяйствование тупых директоров.

«НВ». Что еще просматривается уже сегодня?

Н.Ш. Распространение частной собственности. Закон о земле не покажет страну личными фермами, но резко изменит ситуацию в сельском хозяйстве. Замена создания частных предприятий на простую их регистрацию развяжет инициативу.

Добавлю, что разгул преступности и звериной безжалостности должен быть остановлен. Никто не ожидал подобного взрыва, но сегодня пора трезво оценить его разрушительное влияние на общество.

«НВ». Кого «благодарить» за взлет преступности?

Н.Ш. В первую очередь отцов антиалкогольной кампании. Вместо трезвого образа жизни получили «Чикаго» в российском масштабе.

Еще одна задача на следующий год: сообща решить, как делить налоги между центром и регионами. Москва понимает, что сделать чудовище управляемым можно, лишь отдав многие полномочия на места. Так сделано в США, ФРГ — везде. Какая Россия нужна конституция, судить не мне, но убежден, что любая не будет эффективна без решения проблемы нового распределения доходов и расходов между Москвой и регионами.

«НВ». К чистой экономике в этой деликатной сфере примешиваются интересы безопасности России и СНГ.

Н.Ш. Команду Гайдара справедливо критиковали за отсутствие ясной концепции отношений с бывшими советскими республиками и с российскими автономиями. Не хочу вдаваться в политику, но с экономической точки зрения ясна еще одна задача: пора прекратить финансировать «сотоварищей», то есть бывшие союзные республики. Даже тех, кто остается в рублевой зоне и в политической конфедерации. Знаете, дружба дружбой, но лучше по реальной стоимости! Давайте перестанем говорить о «льготных ценах» и «технических кредитах». Нет больше ни политических, ни моральных причин для российских субсидий и, на мой взгляд, самое время выпускать российский червонец.

«НВ». Есть ли надежда на получение Россией экономической помощи от Запада?

Н.Ш. Пока из обещанных 24 миллиардов долларов предоставлен только один. Дальше добрых слов дело не движется. Запад предал своего любимого Горбачева — путча не было бы, получи президент реальную финансовую поддержку Запада. Боюсь, сейчас также нерасчетливо Запад предал и Ельцина.

«НВ». Ожидаете ли вы многого от президента Клинтона? Способен ли он начать с чистой страницы?

Н.Ш. Старая администрация США безнадежна. Она дальше похлопывания по плечу не пошла. Клинтон и Гор — молодые ребята, без зашоренности. Шанс есть, но, думаю, нам не следует очень-то надеяться на других: надо своими силами выбираться из той ямы, в которую мы же себя и загнали.

СТОКГОЛЬМ

Рисунок
Мирата
Таипова

Андрей Чанов:

Я, бывший следователь...

Авторы проекта «Новые российские предприниматели» (проект финансирует коммерческий банк «Технобанк» и АО «РИ-НАКО», руководитель — доктор политологии Игорь Бунин) представляют одного из немногих у нас предпринимателей-производственников.

Воспитание. Меня воспитывали в хорошем традиционном духе: учили быть честным, порядочным, справедливым, за что я очень благодарен своим родителям. В общем, воспитывали по принципу «ты должен»... В общем, в 17 лет я поехал по комсомольской путевке на КамАЗ. Точно так же для меня было совершенно естественным выбрать профессию следователя.

Следователь. Работу следователя я представлял себе по детективам в кино: романтика, занятие для настоящих мужчин... И первое мое дело было совершенно фантастическим — я верил абсолютно всему, что мне говорили, и не допускал, что кто-то может солгать. Года три ушло на обретение чисто профессиональных навыков, на то, чтобы научиться воспринимать действительность такой, как она есть.

Если раньше, «по детективам», все казалось простым и ясным, то теперь появилась масса вопросов. Постепенно начал анализировать, откуда возникают убийства и для чего я все это делаю. Оказалось, что 90 процентов дел — бытовые: муж — жену, жена — мужа. Основная причина — скотское наше существование.

При нашей системе юриспруденции следователь практически и определяет — будет ли человек осужден. Следователь ведет дело несколько месяцев, а судье надо вынести приговор в течение дня, фактически по заключению следователя. У судьи и времени нет на проверку. Получается, что осуждаешь ты, следователь.

К тому же я занимался экономическими преступлениями. Подолгу беседовал с людьми, занимавшими высокие посты, пока не понял: наша система устроена так, что человек просто не может не украсть. Вот директор ресторана. Ресторанов десять, а яблок — девять. Изначально так по-

строено, чтобы он дал взятку, сама система толкает. Я понял, что не имею морального права осуждать. Словом, написал рапорт об увольнении. Никаких политических установок у меня не было. Это сейчас мы на все «наворачиваем» политику. А тогда был 1985 год...

Кооператор. Через какое-то время позвали меня в кооператив. Он только организовывался и назывался «Пластик». Для меня это было ново. Набрали на работу несколько сотен человек, начали с изготовления элементарных пуговиц. Достаточно быстро я стал там первым заместителем. Однако месяцев через восемь мы, к сожалению, с директором разошлись. Он не ставил никаких задач, кроме получения денег, а это скучно. Меня же деньги интересуют как инструмент.

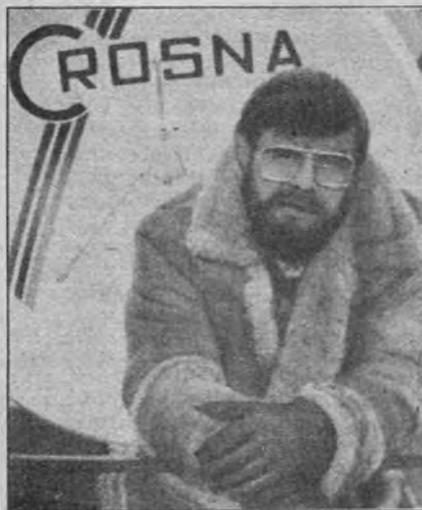
Смысл. В это время у меня такое внутреннее состояние наступило, что не хотелось быть привязанным ни к чему. Короче говоря, я ушел из кооператива и восемь месяцев не занимался ничем. Точнее, занимался очень важным и трудным делом — определением смысла своего существования. Для того чтобы осмысленно жить и работать, мне нужно было разобраться с собой.

Четыре месяца я систематически, каждый день, читал Библию. Потом — Коран, древнегреческих философов, Гегеля, многое другое. Я понял, что за тысячелетия своей истории человечество так и не выработало определенного отношения к главным вопросам. Достоверного ответа о смысле существования как не было, так и нет, хотя мне нравится формула Канта о звездном небе и нравственном законе внутри нас. На такие вопросы каждый должен отвечать сам.

Предпринимательство как нравственный императив. Я понял еще, что невозможно пребывать в неопределенности и видеть, как все кругом разрушается. Человек должен, просто обязан что-нибудь делать. Мы находимся на такой стадии развития, когда нам жизненно необходимо предпринимательство, именно частное и как можно менее «скованное». Потом оно ограничится, но прежде чем регламентировать, ему надо помочь родиться.

Так я принял решение. А дальше — просто работа. Кое-какой опыт у меня был. Почему следователь хороший организатор? Потому что он все время сталкивается с нестандартными ситуациями.

Особенно интересно реализовывать коммерчески выгодную идею. Выпускать толковую продукцию, например. Понимание своей полезности должно присутствовать обязательно. Но не как служение обществу вообще, а для конкретных людей. Можно и в конкретном человеке увидеть общество. По сути, ведь это мы приобщили Россию к зарубежному спутниковому телевидению. И когда видишь на

«Авторитарность в руководстве экономикой обязательна»

АНКЕТА

Чанов Андрей Кузьмич, 36 лет. Отец — летчик на международных авиалиниях, мать — преподаватель средней школы. Окончил юридический факультет МГУ. С 1983 по 1986 год работал следователем прокуратуры. В настоящее время — предприниматель. Организовал и возглавил научно-производственное объединение «Кросна».

крышах наши «тарелки» — антенны «Кросны», — на душе приятно.

Поодиночке люди не в силах решить проблему смысла жизни. Если мы решим ее, то только вместе. И для этого тоже необходимы система коммуникаций, обмен информацией.

Настоящее дело. Для начала нам нужно было изделие, дающее максимальную отдачу при минимальных вложениях. Искали месяц, два, пробовали разные варианты. Провели массу встреч и переговоров. Я продал все, что у меня было, взял в долг у родителей. Мои потребности минимальны, но мой друг, с которым начинали, человек женатый, поэтому я сам платил ему зарплату. Наконец набрали на идею выпуска антифрикционных присадок к машинным маслам. Ведь все, что сопряжено с автомобилем, стоит на порядок дороже. Скажем, обычная гайка — три копейки, а автомобильная — уже тридцать. Таков государственный порядок ценообразования.

Нужен любой разваливающийся завод: Все равно какой — производственный процесс в принципе повсюду одинаков: что галоши выпускать, что ракеты. Могут это утверждать, потому что имел дело со многими производствами.

Совершенно случайно вышли на этот полуостановившийся завод. Он был построен, кажется, еще в 1856 году, оборудование, похоже, тоже с тех пор стояло, стенки протыкались кулаком-насквозь. Завод умирал. После зарплаты по нескольким дням цеха не работали, а когда запивал уникальный специалист дядя Вася — стояли все. План выполнялся процентов на 50–60. Увольнялись лучшие.

На заводе было два вида производства. Одно было особенно убыточным — двигатели постоянного тока. Мы предложили: отдайте нам в кооператив эти цеха, завод получит то, что ему по плану положено, а остальное мы продадим уже по другой цене. Тогда как раз разрешили договорные цены, но за план спрашивать еще продолжали. На заводе постоянно сидел начальник главка из министерства, они с директором все время названивали по телефону, шла бесконечная «бодяга» с этим планом. И директор завода согласился. Он был скверным хозяйственником, но директором оставаться хотел. И еще одно. Наш кооператив оказался тринадцатым по счету на этом заводе. Все, что были до него, были «ручными», и каждый приносил директору что-нибудь «в клюве».

Сперва мы арендовали на заводе маленькое помещение, где можно было бочку-мешалку поставить. И потихонечку начали развиваться. Вся прибыль уходила на стимулирование основного производства. Зарплату себе мы назначили минимальную, но рабочим нашим платили неплохо. Где-то месяца через три у нас уже работало 300–400 человек. Но появились новые проблемы.

Организовали мы в столовой бесплатное питание для своих. Так там просто до драки доходило. Люди по двадцать лет за соседними станками стояли, а теперь одни кооператоры, а другие нет! Возникла зависть. Транспортный цех заявил, что если так будет дальше, они отключат рубильники.

Очень тяжелая наступила пора. Люди выражали недовольство директором. На нас пошли анонимки во все инстанции. Проверяли суд, прокуратура, КГБ, КРУ, народный контроль... Мы все прошли как положено. Но проблемы это не решало. Еще по прошлому опыту ясно было, что не может быть двух форм собственности на одном заводе, это — единый производственный организм. Поэтому мы наперед задумали перевести все в кооперативную форму. Расширяться-то надо.

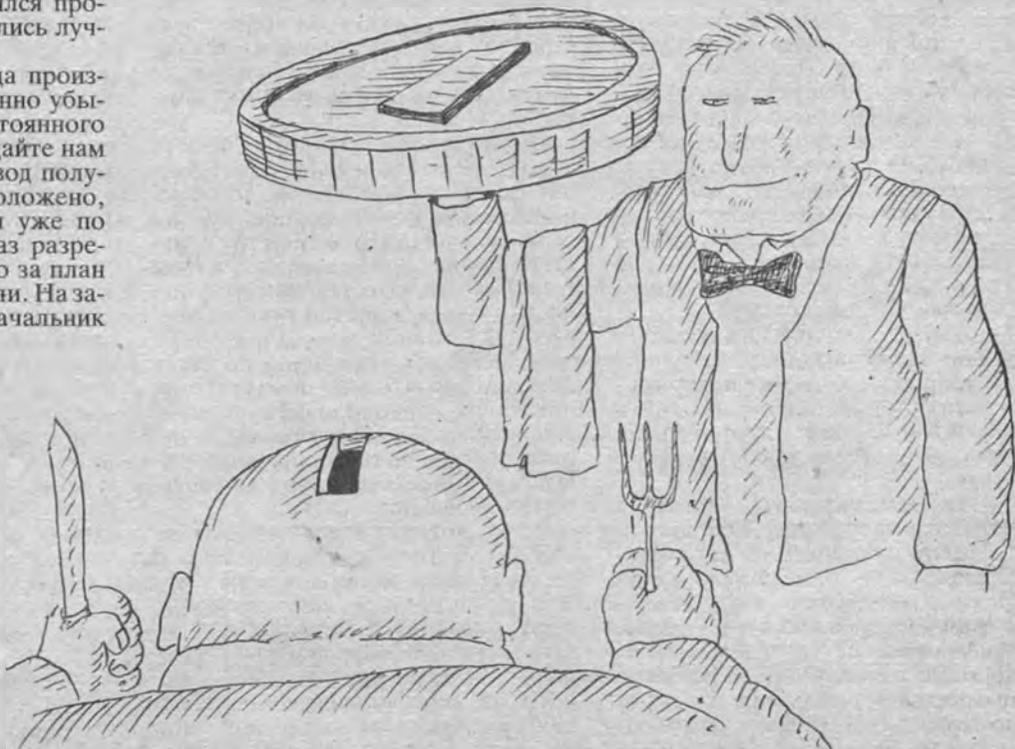
Короче, выставил я свою кандидатуру на место директора. Понимал, что иначе вопроса не разрешить. Избрали единогласно. Или нет, выступал кто-то из боявшихся, что будет уволен. Но мы никого не уволили.

Через три года. Вот так я стал директором. Текучесть поначалу у нас была огромная. Особенно среди вновь набранных. Услышали, что зарплата хорошая, но оказалось, что и работать требуется. Сейчас у нас на заводе обстановка более или менее стабильная. Считаю это реальным достижением. С самого начала мы решили, что у нас не будет «бешеной» зарплаты, зато она будет гарантированной. Можно, конечно, сразу просить всю прибыль, но что тогда будем есть завтра?

За это время построили новые цеха, развили совершенно новую отрасль. Приезжают министры и говорят, что это фантастика. Западные бизнесмены утверждают, что мы выпускаем продукцию нормального качества. Но когда им говорят, за какой срок это было сделано, у них просто челюсть отвисает.

Создаем собственные центры по реализации нашей продукции дома и за рубежом. Снимаем помещения, берем людей, даем им возможность первоначального накопления, отдавая первые партии продукции бесплатно, финансируем рекламу. Торговля начинает требовать усилий больше, чем производство. И это нормально.

Философия управления. Когда я был первым заместителем в кооперативе «Пластик», то делал почти всю работу. Но если не мог принять какого-то решения, говорил: пусть решает начальник. Было на кого спихнуть. Сейчас, кроме себя самого, спихнуть не на кого. Всегда сочувствую президентам, потому

что знаю — им не на кого спихнуть.

Обязательность и целеустремленность считаю очень важными качествами. Для успеха в бизнесе это, кстати, неременное условие. Ведь 90 процентов дел у нас просто разваливаются: начали — бросили, начали — бросили.

Каждый готов считать себя бизнесменом, особенно когда появилась возможность делать огромные деньги на спекулятивных операциях... Правда, необходимо понять, что такой период неизбежен. Мы должны пройти через это — разоряться, набираться опыта или отказываться от ответственности — лучше-де у станка отстоять. Будет хуже, если большинство так ничего и не поймет. Вынесет убежденность, что голубая мечта стать бизнесменом не сбылась, потому что кто-то им помешал. Понимаете, не «я виноват», а снова виноват «кто-то другой».

Конечно, постепенные преобразования лучше, чем крутая ломка. Если мы хотим избежать крови и потрясений, то одна система должна постепенно другую выдавливать. Параллельно с новыми структурами должны существовать старые, хотя экономически это будет дороже. Люди ведь ни в чем не виноваты. Увольнение — это всегда трагедия. Надо каждому дать возможность реализовать себя, если у него есть желание и не утрачена способность работать. Пусть найдет свое место. А уж если не сможет — ничего не поделаешь. Переделать человека мы не можем, но дать ему возможность — почему нет?

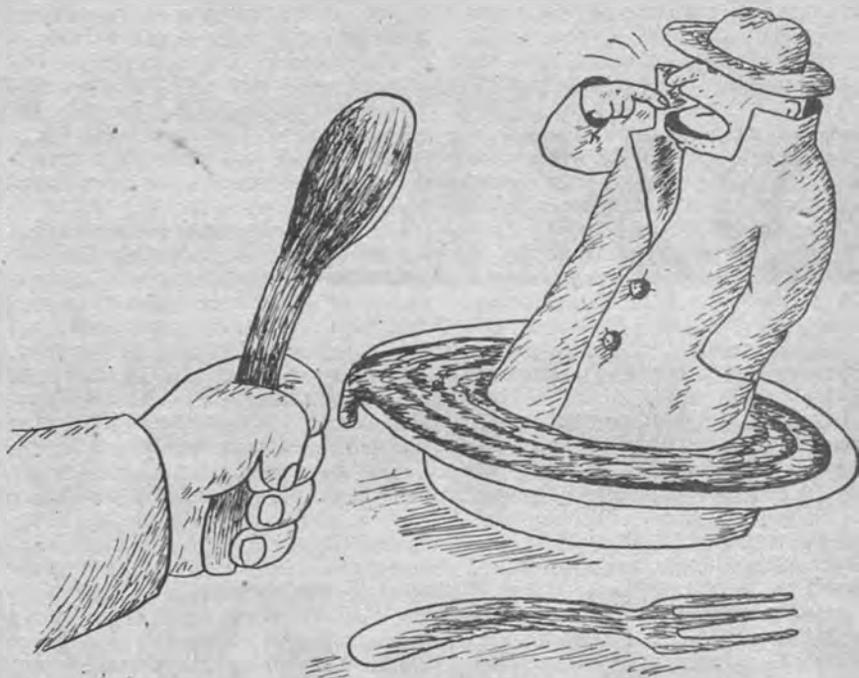
У некоторых моих замов была идея воспитывать преданность своему предприятию. Я говорил: ребята, не надо этого. Мне глубоко чужда японская модель семейно-производственных отношений. Мы ничего не строим: ни социализм, ни какое-нибудь другое справедливое общество. Мы просто работаем. И не надо никому навязывать стиль отношений. Никто не знает, что есть человек и для чего он живет. С какой стати я должен решать это за других?

Нас связывают только взаимный договор. И дисциплина.

Недобросовестность я воспринимаю как обман. Один раз обмануть меня можно. А после второго раза перестаю этого человека воспринимать.

То же самое на работе. Человеку дается один-два шанса исправиться. Потом совершенно спокойно его увольняют. А за появление на работе в нетрезвом виде увольняют сразу. За опоздание — денежное наказание.

Жесткая дисциплина — первое условие для нормального предприятия. Авторитарность в руководстве экономикой обязательна.

Если мы и здесь введем демократию, то от экономики ничего не останется. Кто, например, из рабочих нашего завода три года назад проголодал бы за освоение проблем космической телесвязи? Ведь они не имели к ней ни малейшего отношения.

К бизнесу очень подходит девиз Ильи Репина: 10 процентов — талант, а 90 процентов — это труд. Никакого другого секрета нет. Просто надо вкалывать, постоянно и каждый день, с утра и до поздней ночи. И так до конца жизни.

Образ жизни. Не умею просто ходить на работу. Если просто ходить, пить на работе чай, то обманываешь в конце концов только себя самого. Потому что единственная ценность в нашей жизни — это время, которое нам отпущено. Других ценностей просто нет, это фикции.

Семья моих родителей не была бедной. Так что мне повезло — не пришлось преодолевать в себе синдром нищеты, переживать период первоначального насыщения. И в принципе мои запросы достаточно скромны.

Есть, правда, одна слабость — люблю машины с большой скоростью. И такая машина у меня есть. Это единственное мое серьезное приобретение. Быстрая езда — естественная потребность организма в разгрузке от накопленного за день нервного напряжения: на большой скорости либо врежешься, либо сосредоточишь-

ся на дороге и отключишься от всего.

Я разведен и, наверное, просто несемейный по характеру человек. Очень люблю художественную литературу. Читаю по ночам — и это мой единственный отдых.

Я спокойно чувствую себя в любой политической ситуации. Ведь любому правительству, чем бы оно ни было, нужно нормальное, функционирующее предприятие. Которое ничего не просит, а наоборот, создает рабочие места и еще то, что называется «социальным спокойствием». Именно этим мы и занимаемся.

Россия. В свое время я три года прожил в деревне у бабушки: доил коров, пас телят, узнал всю эту жизнь. Больше двух-трех дней не могу находиться за границей — меня начинает преследовать картина осени и скошенного поля... Я русский человек, но ощущаю себя только в российском контексте. У нас российская история, российская экономика, российская культура. А чисто русской, стопроцентно русской культуры нет. Если оставить в культуре одно только русское, то придется выкинуть Пушкина, Лермонтова, Гоголя... С чем останемся?

Материал подготовили
Марина Топаз
и Александр Зудин

Рисунки Марата Таирова
Фото из журнала «Деловые люди»

Dubai based International Company

DXB GENERAL TRADING LTD.

Мы предлагаем Вам:

- чай индийский трех сортов;
- парфюмерию;
- кожаные куртки;
- спортивную одежду и обувь;
- мужские рубашки;
- продукты питания.

Мы купим:

- цветные металлы;
- черные металлы, металлопрокат, металлоконструкции;
- цемент;
- хлопок.

Снимем в аренду

на длительный срок (свыше одного года) помещения под склады в Москве площадью от 300 до 500 м².

Наш адрес:

Москва, ул. Станкевича, 11/1.

Телефон: 229-18-55.

Факс: 229-96-77.

Ждем Ваших предложений!

209-95-81
209-76-52
200-21-10

**RUBIN
PRESS
SERVICE**

«Государь войны» побеждает «человека мира»

Геннадий Сысоев,
соб. корр. «Нового времени»

Декабрьские выборы в Югославии заранее окрестили судьбоносными и даже самыми важными в Восточной Европе после слома коммунизма. В глазах Европы эти выборы были не просто пробой сил властей и оппозиции.

Европейцы не скрывали надежд, что с помощью избирательного бюллетеня будет отстранен от власти в Белграде режим, который многие считают основным виновником войны в Югославии. Международное сообщество ставило на Милана Панича. Этот американский бизнесмен сербского происхождения за полгода пребывания на посту югославского премьера сумел создать себе имидж «человека мира» в отличие от Милошевича, которого многие называют не иначе как «государь войны».

Накануне выборов две крупнейшие мировые державы — США и Россия — устами своих министров иностранных дел недвусмысленно дали понять, на чьей они стороне. Европейское сообщество обещало закованной санкциями Югославии возвращение в Европу, если она сделает правильный выбор. А Объединенные Нации сулили скорое снятие блокады. Параллельно, правда, ужесточались санкции, которые по расчету мирового сообщества должны были помочь Паничу.

Однако большинство сербов проголосовало за Милошевича и социалистов. Кроме того, неожиданно большое количество голосов — около четверти — получили радикалы Воислава Шешеля (югославский вариант В. Жириновского). И что совсем непонятно мировому сообществу, позиции в парламенте обеспечили себе и те, кому Европа давно зарезервировала места на скамье подсудимых на возможном процессе над военными преступниками в югославской войне.

Политическая ось страны явно сместилась в сторону правого национализма. Голоса, отданные за радикалов Шешеля, свидетельствуют, что многие сербы поддерживают идею силового решения сербского вопроса. Видимо, на фоне успеха крайних

Слободана Милошевича международное сообщество считает основным виновником войны, но сербы отдали голоса ему, а не стороннику мира Милану Паничу...

**Сербия
преподнесла
Европе
плохой
рождествен-
ский подарок**

националистов социалистическая партия попытается представить себя разумной и прагматичной, дав понять Европе: «Не хотите иметь дело с нами, будете разговаривать с Шешелем».

Впрочем, результаты выборов трудно назвать сенсационными. Победу С. Милошевича и социалистов предсказывали. В-первых, Социалистическая партия Сербии имеет прочные позиции в госаппарате, она хорошо организована — и победить ее разрозненной сербской оппозиции (пусть и усиленной Паничем) с первого захода было бы вряд ли под силу. К тому же армия и полиция в большинстве своем поддерживают режим.

Во-вторых, иностранное давление на Сербию, рассчитанное на то, чтобы ослабить режим, возымело противоположный эффект: большинство населения сплотилось вокруг него.

В-третьих, рядовой гражданин страны достаточно консервативен по природе. Он боится перемен и рассуждает по принципу: лучше затянуть пояс с нынешним руководством, чем пускаться в авантюру с новыми лидерами.

В-четвертых, основные слои населения

— рабочие и крестьяне — не отказались от поддержки режима. Тем более что режим накануне выборов снизил налоги с крестьян, повысил зарплату рабочим (хотя многие заводы простаивают), снабдил предприятия бесплатными мясными заказами. (Один из коллег-журналистов даже грустно пошутил: в случае волнений среди рабочих правительству не потребуется полиция, достаточно иметь несколько грузовиков с мясом.)

В-пятых, несмотря на иностранное давление, на выборы не вышли косовские албанцы (а это было бы 15 процентов за Панича). Албанские лидеры подсчитали, что нынешний режим в Белграде больше отвечает их интересам, поскольку против него все мировое сообщество, и албанцам будет легче достичь своих целей.

Наконец, режим прочно контролирует государственное телевидение, которое к главным кандидатам — Милошевичу и Паничу — относилось как к сыну и к пасынку. Одного представляли борцом за независимость Сербии, а второго — деятелем, защищающим неизвестно чьи интересы («навверняка шпион!»). В оппозиции к режиму, правда, находятся два независимых канала телевидения. Но даже в белградском корпункте «Нового времени», находящемся от этих студий в пяти километрах, их можно принимать с трудом. Что тогда говорить о сербской глубинке, где телевидение из-за дороговизны газет — единственный источник информации.

Оппозиция, как и следовало ожидать, заявила о незаконности выборов. Политическую ситуацию, в которой они проходили, действительно трудно считать абсолютно демократичной. Но факт остается фактом: Милошевича и социали-

стов выбрал народ Сербии, никто его к этому не принуждал. Стало быть, Милошевич представляет немалую часть сербского населения. И без учета настроений этой части сербов развязать югославский узел вряд ли будет возможно.

Может быть, это прозвучит парадоксально, но, похоже, после выборов в Сербии Запад вздохнул с облегчением: теперь на югославской политической сцене не надо проводить сложной грани между государственными деятелями. У власти в Белграде остались те, кто умудрился посориться со всем миром.

Можно предсказать и дальнейшие шаги мирового сообщества. Вопрос только во времени начала драмы. В ее первом акте Сербия лишится телефонной связи с внешним миром. Во втором будут закрыты диппредставительства в Белграде. В третьем акте готовится применение военной силы против сербов в Боснии и Герцеговине, а возможно, и против Сербии.

Однако для претворения в жизнь такого сценария необходимо «добро» пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Линию США, Великобритании, Франции в целом можно предугадать. Вопрос — какую позицию займут Китай и особенно Россия.

У руководства Сербии два пути. Первый — заявить: народ дал нам право плюнуть на мировое мнение и продолжать жесткую линию. Второй — сформировать коалиционное правительство и начать конструктивный диалог с международным сообществом.

Выбор на первый взгляд ясен, особенно с учетом возможных последствий. Но на Балканы логика не распространяется.

БЕЛГРАД

Памяти товарища

Трагически ушел из жизни Борис Асоян, один из известных наших африканистов, прекрасный журналист, обаятельный человек.

Он был, возможно, лучшим корреспондентом «Нового времени» в Африке. В конце 1973 года Асоян приехал в наш корпункт в Уганде, которой правил тогда полусумасшедший диктатор Иди Амин. За «антиимпериалистическую политику» Амина очень любили в Москве, и написать о нем правду Борису Асояну удалось лишь с наступлением гласности.

Вернувшись в Москву, он продолжал писать для нашего журнала. Наши постоянные читатели, должно быть, помнят его статьи и очерки, написанные легким и сильным пером. Он выпустил несколько книжек, защитил диссертацию.

Динамичный, с гибким умом и хорошим чувством юмора, Борис Асоян легко сходилась с людьми. Он стал заместителем директора Института Африки, потом перешел в министерство иностранных дел.

Два года назад он уехал послом в Ботсвану. Мы с радостью написали тогда в журнале, что еще один питомец «Нового времени» вышел в большие люди, что наконец-то по заслугам награждаются талант и профессионализм.

Борису Асояну по-хорошему завидовали; казалось, он был удачлив во всем — работе, книгах, друзьях. Увы, человеческие горести и страдания не обошли его стороной.

47 лет — прекрасный возраст для дипломатической карьеры, но не для того, чтобы уходить из этого мира.

А беженцы и идут и идут...

Фото из газеты «Гардиан» (Великобритания)

Чего стоят санкции?

Российские депутаты обсуждают: выгодно ли нашей стране в мировой политике вести себя цивилизованно

Ирина Лагунина

На седьмом Съезде народных депутатов Российской Федерации депутат Николай Павлов заявил, что «существует один крупномасштабный внешнеполитический вопрос, который съезд никогда не обсуждал и по которому не принимал никаких решений». Это вопрос об экономических последствиях участия в санкциях против Ливии, Ирака и Югославии для России.

Съезд обсудить проблему не успел и оставил ее Верховному Совету. Тот направил дело в Комитет по международным делам и внешнеэкономическим связям с просьбой разобраться.

Летняя «промашка»

Россия присоединилась к акции мирового сообщества против Югославии в самом начале прошлого лета. Произошло это на редкость быстро.

В мае российское министерство иностранных дел представило сербам целый пакет предложений по урегулированию югославского конфликта. Одно из них — взаимное признание Югославии, Хорватии и Боснии. В конце мая в бывших республиках федеративной Югославии побывал министр иностранных дел Андрей Козырев. И, хотя визит был прерван, Козырев смог убедиться, что ни на одну из предложенных мер в Югославии идти не собираются. В первых числах июня было принято решение о присоединении России к санкциям мирового сообщества против Югославии.

Однако через несколько дней парламентский комитет по международным делам провел специальные слушания по Югославии. Слушания прошли безрезультатно, депутаты поняли, что вмешались в вопрос о санкциях слишком поздно.

Тем не менее 26 июня были проведены слушания по Югославии в Верховном Совете. Претензии, которые предъявлялись Андрею Козыреву, как две капли воды были похожи на те, что выслушивал Эдуард Шеварднадзе, когда в 1990-м Верховный Совет СССР обсуждал присоединение Советского Союза к резолюции ООН, осуждавшей иракскую агрессию в Кувейт. И в том и в другом случае говорили, что нельзя предавать

старых друзей и традиционных партнеров — опору на Ближнем Востоке, опору на Балканах...

Российский парламент, впрочем, пошел дальше или отменить санкции — это международная акция. Россия может лишь присоединиться к ним или отказаться выполнить решение ООН. В результате в постановлении записали, что российскому МИД поручается рассмотреть вопрос о смягчении или полной отмене санкций со стороны России в том случае, если Югославия предпримет шаги по выполнению требований международного сообщества.

На июньском заседании парламента впервые появилась написанная в министерстве внешних экономических связей служебная записка с предупреждением о том, что санкции могут навредить экономике России. И в ней впервые подсчитывались «упущенные выгоды», то есть сумма долларов, которую Россия могла бы выручить из торговли с Югославией, если бы не санкции.

Кто лоббирует?

Может быть, за пристрастным вниманием депутатов к политике в отношении Югославии стоит элементарный экономический интерес могущественных лоббистов?

Традиционный объем торговли СССР с Югославией исчислялся 5–6 миллиардами долларов в год. Две трети поставок с советской стороны составляли нефть и энергоносители. Советский Союз поставлял довольно много оружия. Незначительная часть экспорта — машины и оборудование. Из Югославии шли лекарства, продовольствие и ширпотреб. Перечень нашего экспорта подсказывает, кто мог пострадать из-за санкций.

Однако на самом деле оборонная промышленность от санкций не пострадала: еще в 1991 году президент Горбачев подписал указ о приостановке военных поставок в Югославию. За год «оборонка» нашла другие рынки сбыта. Хотя, безусловно, нынешние российские военные в большинстве своем настроены про-сербски. Но это скорее не поиски экономической выгоды, а тради-

ционная идеологическая симпатия. Недавно, к примеру, генерал Филатов побывал в Югославии и представлялся там как «представитель Генерального штаба». Генштаб почему-то не возразил.

Тем не менее на последних слушаниях военные депутаты молчали.

Нефть с января 1992 года в Югославию не поставлялась — по внутренним причинам: нефти нет. Так что нефтяникам санкции были даже на руку.

Газ в прошлом году еще гнали, и газовщики могли бы противиться санкциям, но Югославия за газ не платила — нечем. Так что и у газовщиков не было причин выступать против санкций.

Санкции мешали частным предпринимателям и коммерсантам. Причем даже не тем, кто вел торговлю с Югославией, а банкирам, занимавшимся переводом денег через югославские банки. Однако, судя по тем законам, которые принимает российский парламент в отношении частного бизнеса, российские коммерсанты в Верховном Совете лоббистами выступать не могут.

Не дает ответа на этот вопрос и перечень нарушителей санкций. Специальная комиссия ООН регулярно посылает в Москву запросы и просьбы проверить происхождение грузов, нелегально провозимых в Югославию. Основная часть грузов идет по Дунаю. Один раз остановили караван под российскими и даже советскими флагами. Но выяснилось, что суда принадлежат Украине. Затем задержали несколько сухогрузов, везших руду из России.

Остановили судно, спросили: что везете? С судна ответили: руду. А куда? В Боснию. Но в Боснии нет портов! На судне задумались, а потом назвали один из металлургических комбинатов Югославии.

Поймали несколько нефтеналивных барж. Арестовали довольно много грузовиков, принадлежавших совместным российско-югославским предприятиям. Югославы в России как бы передали все свое состояние западным фирмам, но фактически по-прежнему контролируют его. Однако вряд ли бы они, находясь на нелегальном положении, стали вмешиваться в российскую политическую жизнь.

Поступали сведения, что сербы воюют российским оружием. Ни одна из проверок не подтвердила, что такие поставки осуществлялись Россией. Мелкие партии стрелкового оружия, как считают в министерстве безопасности России, Юго-

Суда, идущие по Дунаю, тщательно проверяются. Но санкции против Югославии все-таки нарушаются. В Белграде легче купить бензин, чем в Москве

Фото из журнала «Тайм» (США)

славия вполне могла закупать и в других государствах СНГ.

Так что же все-таки побуждает депутатов обращаться к вопросу о санкциях?

«Для служебного пользования»

Предлагая на седьмом съезде рассмотреть вопрос об экономическом уроне от эмбарго на торговлю с тремя странами, депутат Павлов сослался на Александра Руцкого: «По словам уважаемого вице-президента Руцкого, за один только год эти санкции обошлись для России в 18 миллиардов долларов. Это было сказано официально на встрече с руководителями Республики Карелия».

Никто не спросил у Руцкого, почему с руководителями Карелии вице-президент беседует именно на внешнеполитические темы. Как выяснилось, вице-президент цитировал справку, подготовленную министерством внешнеэкономических связей «для служебного пользования» депутатов. Справку эту во время съезда в Кремле распространил председатель комитета по международным делам Евгений Амбарцумов.

Так с чьей же подачи российские парламентарии вдруг в который раз начали обсуждать вопрос о санкциях?

Обсуждение внешнеполитических вопросов для большинства российских депутатов — площадка для борьбы за власть. И все разговоры об экономическом ущербе — игра. И демонстрация просербских настроений, и ультрадружественное отношение к Югославии — тоже.

Кстати, когда недавно в очень дружественной Черногории произошло наводнение, потребовалась

помощь. Гуманитарный груз собирали два месяца. Депутаты ничем не подействовали Черногории.

На слушаниях заместитель министра иностранных дел Сергей Лавров и эксперты из МИДа решили сыграть по правилам этой игры. Они стали доказывать, что вести себя в рамках международных приличий очень даже выгодно и на одни «липовые» цифры ответили другими.

Лавров доказывал, что никто не знает, смогла бы Югославия расплачиваться за поставки или нет — когда на государство накладывают санкции, его платежный потенциал сильно уменьшается. Так что о 18 миллиардах говорить не приходится.

Во-вторых, доказывал Лавров, если бы Россия не присоединилась к санкциям, то не смогла бы претендовать на кредитную поддержку Запада и просить об отсрочке платежей по долгам.

В-третьих, Россия до ввода санкций должна была Югославии 1,6 миллиарда долларов, которые пока что можно не отдавать.

Таким образом, следуя логике Лаврова, общая экономическая выгода от участия в санкциях составила 34,6 миллиарда долларов, что значительно превышает гипотетический урон от прекращения торговли.

Выгода, правда, тоже гипотетическая, потому что никто, никогда и нигде не ставил помощь России в зависимость от ее участия в санкциях против Югославии. Конечно, если бы Россия не присоединилась к ним, то в мире на нее посмотрели бы другими глазами. Но это — из области политики, а не экономики.

Игра проявилась и в другом варианте решения вопроса о санкциях,

который вынашивают в парламенте: принять санкции против трех воюющих сторон — боснийских сербов, боснийских мусульман и хорватов.

Когда два года назад в союзном парламенте обсуждали вопрос об Ираке, «мусульманский фактор» в своей собственной стране очень даже принимали в расчет — в том смысле, чтобы выступить за Ирак. А сейчас «мусульманский фактор» совершенно забыт, поскольку в нынешней игре надо демонстрировать любовь к сербам.

Да и как вообще вводить санкции против Сараева, куда с трудом прорываются самолеты с гуманитарной помощью и где нет отопления и воды? Это все равно как если бы мир установил бойкот блокадного Ленинграда в годы второй мировой войны.

Нет гарантий

Последний взрыв депутатских эмоций, видимо, был спровоцирован двумя факторами. Во-первых, усилилось «антимидовское» настроение, в частности из-за выступления министра иностранных дел в Стокгольме. Уже давно замечено: что бы ни говорил Козырев, депутаты обязательно будут настаивать на противоположном. Слушания были устроены, чтобы вызвать министра иностранных дел и «разобраться». После того как министр не пришел, депутаты решили принять закон, который обязывал бы министров являться по вызову не только парламента, но и его комитетов. Во-вторых, повлияли заявления США о возможном силовом решении балканского кризиса.

Итак, депутаты высчитывают экономические потери или прибыли от участия в мировой политике. Заместитель министра торгуется с ними. И никто не замечает, как дико звучат эти рассуждения.

Два года назад союзный парламент обсуждал свое отношение к Ираку. От того решения зависело, сможет ли пробить себе дорогу провозглашенное руководством страны новое политическое мышление. Это была борьба со старой партийной номенклатурой, с засильем военных во внешней политике, с патологическим неприятием Запада. Тогда формировалась новая политика нового демократического государства. И решение по Ираку было победой здравого смысла.

Прошло два года. Депутаты теперь уже нового государства доказывают: логика отсталого мышления неистребима. Участие в санкциях против государства, ведущего или поддерживающего войну, естественное для других государств, в России по-прежнему является чем-то, что требуется доказывать. И нет гарантий, что безумный язык съездов и сессий не станет в будущем основной внешнеполитической лексикой.

Загадки Билла Клинтона

Команда Клинтона

Евгений Русаков,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Впервые после гражданской войны прошлого века Америка обрела две столицы. Овальная кабинета Белого дома продолжает занимать Джордж Буш. Но основные события разворачиваются в двухэтажном красно-кирпичном особняке губернатора Арканзаса: Билл Клинтон в отличие от своих предшественников предпочел пока оставаться в родном Литтл-Роке. Формально президента избирают выборщики от штатов, итоги голосования которых подводятся только в начале января.

«Первый кот» «первой дочери»

Я приехал в Литтл-Рок по истечении первого месяца деятельности избранного президента. За исключением двух поездок в Вашингтон и одной в Калифорнию, он не выезжал из губернаторской резиденции, подъезды к которой блокированы полицейскими машинами.

Американский переходный период —

**После
предвыборных
баталей Буш и
Клинтон
перешли к
сотрудничеству.
Каким будет
собственный
курс новой
администрации,
знают только в
Литтл-Роке**

уникальное явление в мировой политике. В Англии, к примеру, новый премьер берет бразды правления в свои руки буквально через несколько дней, отведенных на то, чтобы его предшественник успел освободить особняк на Даунинг-стрит, 10.

Формально президента избирают выборщики от штатов только в конце декабря. В прошлом веке немалый переходный период требовался хотя бы для того, чтобы новый президент успел добраться до Вашингтона. Да и Белый дом не обладал такой властью, чтобы задержка на несколько месяцев много значила. В годы Великой депрессии в 1932 году передача власти была ускорена и перенесена с марта на январь.

Процесс формирования нового кабинета тоже был прост и непритязателен: еще при Джоне Кеннеди переходная команда состояла из небольшой группы, работавшей на общественных началах. Но за последние четверть века, особенно при Джимми Картере и Рональде Рейгане, передача президентской эстафеты от одной партии другой приобрела характер сложнейшего и громоздкого административно-политического действия. Переходная группа Клинтона насчитывает сотни людей. Их труд оплачивается государством и из фонда, образованного пожертвованиями.

Пробывание в Литтл-Роке дало возмож-

ность президенту-электу работать в привычной ему очень спокойной обстановке, располагающей к сосредоточенности и основательности. В Вашингтоне это почти невозможно: там все на виду, как в аквариуме. Столица буквально живет политикой и светскими слухами, которые люди в Литтл-Роке интересуют не больше, чем «возня под ковром» в китайском политбюро.

Литтл-Рок — провинциальный чистенький городок, привольно раскинувшийся по обоим берегам реки Арканзас. Для своих менее чем двухсот тысяч жителей он занимает весьма обширную территорию. Город бедноват на исторические и прочие достопримечательности, и, видимо, чувство местного патриотизма сыграло свою роль в решении Клинтона сделать его на время второй столицей. Теперь Литтл-Рок обрел настоящую достопримечательность: губернаторскую резиденцию, где двенадцать лет провел новый президент и где сейчас формируется новая администрация.

Пребывание президента и его свиты внешне незаметно. Клинтон появляется без помпы, без блокировки целых кварталов сотнями полицейских, чем обставлены выезды Буша.

Чтобы попасть на пресс-конференцию Клинтона, мне достаточно было предъявить нью-йоркскую журналистскую карточку и показать свой диктофон двум аппаратчикам из переходной команды. Лишь рядом с самим президентом стояли несколько сотрудников «секрет сервиса», которых легко узнать по строгим темным костюмам и полноте в талии, топорщащейся техникой. После пресс-конференции директора «переходной команды» Уоррена Кристофера я быстро вышел на улицу и вдруг оказался буквально между ним и другим ближайшим сподвижником президента — похожим на мальчишку Джорджем Стефанопулосом. Вместе с помощниками они уселись в малолитражку типа нашего «Запорожца». Сам президент ездит на лимузине, но в сопровождении эскорта всего из двух полицейских-мотоциклистов и нескольких машин.

Никакого оживления не наблюдается и у подъезда невысокого здания с темными полосами окон, два этажа которого занимает переходная команда. Рядом висит написанный от руки листочек — «переходный пресс-центр». Пресс-центр разместили в огромном торговом зале бывшего универмага, где шутники-журналисты нарядили завалы женский манекен. От губернаторской же резиденции пресса по существу отрезана, доступ туда разрешен буквально пяти-шести членам журналистского пула. За первый месяц после выборов Клинтон

провел всего одну пресс-конференцию. С отчаяния фотокорреспонденты поймали «первого», президентского, кота Сокса и насильно заставили его позировать, чем вызвали неудовольствие не только несчастного животного, но и первой леди Хиллари и «первой дочери» Челси.

Бенефис экономической команды

И вот, наконец, в один из декабрьских дней Билл Клинтон вышел к журналистам в зале на втором этаже старинного побеленного особняка с четырьмя колоннами — бывшего здания законодательного собрания штата. За несколько минут до этого сотрудница аппарата раздавала нам биографии и тексты выступлений назначенных чинов. Корреспонденты тут же по радиотелефонам стали диктовать: «Министр финансов Бентсен...»

Президент-элект порозовел после короткого отдыха в Калифорнии, где поиграл на пляже в волейбол («Это вот тот, который с белыми ногами» — так узнавали президента, не имевшего времени загорать). Но тайм-аут был минимальным, и Клинтон выглядел слегка уставшим, с мешками под глазами.

Новый президент выполнил свое предвыборное обещание сфокусировать внимание на экономике. И символически, начав кадровые перемены с экономической команды, и по существу, сделав ее истинно ударной.

Посту министра финансов США возвращено то привилегированное место в кабинете, которое он занимал еще до второй мировой войны. Седовласый представительный Ллойд Бентсен буквально возвышается над своими коллегами и в прямом смысле этого слова (он приблизительно одного роста с Клинтоном) и вице-президентом Алом Гором), и в переносном. Бентсен — один из влиятельнейших сенаторов, бывший кандидат демократа в вице-президенты, буквально уничтоживший во время теледебатов своего соперника Дэна Куэйла. Он председательствует в бюджетном комитете сената и сам имеет солидный опыт предпринимательской деятельности.

Административно-бюджетное управление возглавит его коллега по палате представителей Леон Панетта, живой, среднего роста брюнет, в котором бурлит кровь итальянских предков. Его заместительнице Алис Ривлин, руководившей аппаратом конгресса по финансово-бюджетным проблемам, чтобы дотянуться до микрофона, пришлось приподняться на цыпочки.

Новым творением, создаваемым по образу и подобию Совета национальной безопасности, — Советом национальной экономики будет

руководить помощник президента Роберт Рубин, невысокий, загорелый, выглядящий моложе своих лет сопредседатель инвестиционной компании «Голдман, Сакс». На Уолл-стрите его чтут как одного из самых умных и удачливых финансистов (первая, чисто бытовая реакция американских журналистов свелась к вопросу: «И зачем человеку, делающему себе десятки миллионов долларов в год, пост с копеечной зарплатой в администрации?» — «Наверное, хочется и денег, и власти»). Уолл-стрит представляет и заместитель министра финансов Роджер Алтман, личный друг Клинтона.

Финансовый и деловой мир вздохнул облегченно: «леваков» в первом эшелоне экономической команды не оказалось, а Панетта и Ривлин относятся к категории «ястребов» — ярых сторонников сокращения дефицита федерального бюджета. Финансовый консерватизм у склонного к либерализму Панетты воспитал бережливый отец, устроивший ему как-то выволочку за пользование дорогой сердцу американских покупателей кредитной карточкой.

Представленные в первый день высшие чины много шутили, смеялись и всячески подчеркивали единодушие и сплоченность команды и ее лояльность президенту.

Как и в предвыборной программе, свои либеральные настроения Клинтон проявил в социальных проблемах. Уже на следующий день им были представлены новые люди с новыми идеями: министр труда и давний друг и советник Роберт Рейш и сразу три представительницы прекрасного пола — председатель совета экономических консультантов при президенте Лора Тайсон, министр здравоохранения и социальных служб Донна Шелайла и руководительница управления по охране окружающей среды Кэрол Броунер.

В отличие от первых назначенцев, явно чувствующих себя как рыба в воде в коридорах власти и в лучах телеогней, эта группа держалась более скованно, за исключением Рейша, задавшего тон шуткам по поводу своего очень маленького роста. Пришлось отшутиться и Броунер, которая, похоже, будет в кабинете самой высокорослой: она выше президента. Все равно атмосфера была почти семейной. Во время выступления Клинтона подвывал сидевший рядом на руках у чернородого отца пятилетний сын Броунер; президент то придвигал, то отодвигал ногой стоявшую у трибуны маленькую подставку, предназначенную для не самых высоких членов новой администрации.

Из назначений загадкой пока кажется будущий руководитель аппарата Белого дома Томас Макларти. Близкий друг и «свой человек» Клинтона с детских времен, он

проявил себя неплохо как бизнесмен, менеджер, но практически не знаком с вашингтонскими коридорами власти. Это может обернуться одним из немногих отступлений Клинтона от подготовленных бывшими высокопоставленными чинами нескольких администраций рекомендаций по усовершенствованию организации исполнительной власти. Среди рекомендаций — тщательный неспешный подбор членов администрации, упор на ее артельный, коллективный характер («подбор команды, а не группы индивидуумов»), лояльность президенту и психологическая совместимость с ним и друг с другом, назначение влиятельного шефа аппарата Белого дома и так далее.

Характерно, что для совместной подготовки доклада «Осуществление политики в новую эру» во имя интересов страны, интересов укрепления института президентства демократы и республиканцы раскурили трубку мира, отвлекшись на время от междоусобных политических битв.

Загадкой остается будущая роль Ала Гора и Хиллари Клинтон.

Пожалуй, еще никогда в истории Америки президент и вице-президент не были так близки и политически, и чисто по-человечески: они не только бегают трусдой по утрам, но и вместе обсуждают важнейшие решения. Называя членов администрации, Клинтон произносил вступительное слово, а Гор — заключительное.

Остается открытым вопрос, как будет осуществлено на практике планируемое повышение статуса вице-президента. Ведь обычно он занят преимущественно председательством в заштатных комиссиях и поездками за рубеж на пышные похороны. Наш вице-президент Руцкой, открыто проводящий оппозиционную президенту политику по ряду вопросов, — явление сугубо российское, а точнее «совковое», происходящее от невежества в конституционных и иных государственных делах.

По поводу Хиллари Клинтон страна раскололась. Многие, особенно американки, ожидают признания первой леди как влиятельной политической фигуры. Хиллари входит в сотню лучших юристов Америки, не уступая, а скорее превосходя своего супруга по части организованности и твердости. Сам президент публично заявил, что в последние двадцать лет не принимал и не принимает ни одного важного решения без совета с Хиллари, которая и сейчас активно участвует в подборе членов новой администрации. Однако немало американских избирателей морщатся при мысли о превращении первой домохозяйки Белого дома в его хозяйку.

Клинтон и вице-президент Гор свысока смотрят на похожего на мальчишку Стефанопулоса

Рональд Рейган заслужил почетный титул «великого коммуникатора». Его умение общаться через телеэкран с простыми американцами стало одним из главных составных успеха в осуществлении «консервативной революции». Билл Клинтон явно намерен стать «великим просветителем и объединителем». Таково его понимание роли лидера страны и путей обеспечения успешного президентства с прицелом на два срока.

Замах на доллар...

В атмосфере всеобщего братания прошла встреча Клинтона с руководством конгресса в Литтл-Роке. Правда, все участники этого действия принадлежат к одной партии, хотя в свое время это не помешало Картеру основательно испортить отношения со своими коллегами-демократами на Капитолийском холме. Но весьма тепло прошла и встреча Клинтона с Джорджем Бушем в Белом доме, откуда совсем недавно доносились потоки предвыборной брани в адрес «скользкого Билли». Полное почтение новый президент проявил к патриарху консерваторов Рейгану, который был польщен паломничеством демократа и охотно поделился с ним опытом своего президентства. Довольны остались проявленным к ним вниманием и члены конгресса от республиканской оппозиции.

Билл Клинтон не стесняется говорить, что готов поучиться не только у бывших президентов, но и

у менее именитых людей, если у тех есть интересные идеи. Во всей красе «великого просветителя и объединителя» предстал новый президент на экономической конференции в Литтл-Роке. Он выступил одновременно в роли телеведущего, мудрого учителя и прилежного ученика.

Участники конференции были приятно поражены тем, что Клинтон свободно («без бумажки») владеет цифрами и сложнейшими категориями экономических и социальных проблем, способен впитывать как губка новую информацию и новые идеи.

По части ответа на традиционный российский вопрос «Кто виноват?» особых разногласий не было, как и по второму сакраментальному вопросу «Что делать?». «Народ» сошелся со своим избранным лидером в мнении о том, что экономике нужно стимулировать федеральными финансовыми вливаниями в краткосрочном плане, но в дальнейшей стратегии сделать упор на сокращении четырехтриллионного дефицита федерального бюджета. Того самого, который не только вытесняет частных инвесторов в очереди за кредитами (хотя и справа и слева есть несогласные с этой точкой зрения), но и сулит жизнь в долгах как в шелках детям, внукам и правнукам.

Между тем вопрос об экономическом пакете новой администрации пока повис в воздухе. Дело осложнилось, как это ни странно, тем, что в третьем квартале прирост американской экономики до-

стиг довольно внушительных 3,4 процента, а в ноябре и уровень безработицы снизился. Консерваторы в один голос твердят: «Главное в экономике — следовать принципу «не навреди». Стимулы ей противопоказаны».

Ответ Клинтона состоит в том, что преодоление циклического спада не решает долгосрочных структурных проблем — понижения конкурентоспособности американских товаров, уменьшения числа высокооплачиваемых рабочих мест в промышленности, падения темпов роста производительности труда да и сохраняющегося высокого уровня безработицы. Его любимые идеи об увеличении средств на образование и профессиональную подготовку и переквалификацию рабочих, на транспортную и информационные инфраструктуры, на новые технологические разработки, о стимулировании капиталоинвестиций в производство остаются на повестке дня и были поддержаны «народом» в Литтл-Роке. Но президент настроен и на решительную борьбу с дефицитом. Тут и начинается самое интересное: сколько, за счет чего и когда взять деньги на стимулирование; сколько и когда — на уменьшение долга государства. Как накормить волка — дефицит и оставить целыми овец — экономические, социальные и военные программы?

Клинтону удалось добиться того, что внимание Америки сфокусировано на экономике, подобно обещанному им «лазерному лучу». Замах внушительный. Каков будет удар?

В Литтл-Роке я поинтересовался мнением на этот счет у одного из ведущих арканзасских журналистов Пола Гринберга, который много лет знает и комментирует деятельность Клинтона с позиций скептика.

— Не думаю, что Клинтон изменился в ходе предвыборной кампании или после победы на президентских выборах, — сказал он. — В нем наблюдаются все те же присущие ему на посту губернатора умеренность, стремление избежать крайностей, жажда консенсуса. Я не предвижу каких-то решений с его стороны, которые станут водоразделом. Скорее, это будет продолжение политики Буша, только более эффективное.

Конечно, и в самом Арканзасе, и за его пределами многие не согласны с таким мнением, полагая, что Билл Клинтон сумеет вернуть американский корабль к новым берегам и рубежам, которые открывают вызовы и возможности постсоветской эры. В ходе предвыборной кампании Клинтон проявил способность к принятию смелых решений в самой сложной обстановке. Что ж, дышат по осени считают.

Как два президента «империю» поделили

Злые языки на страницах американской печати утверждают, что

Бейкер расстается с постом госсекретаря

Джордж Буш до последнего момента был уверен в своей второй победе на президентских выборах и пережил депрессию, когда его надеждам не суждено было сбыться.

Поначалу он даже сокрушался, что междуцарствие (или двоецарствие) слишком длительно и «неблагодарно». Но после отдыха на рыбалке во Флориде и некоторых философских размышлений Буш снова воспрял духом. Он даже проявил не слишком ранее афишируемое им чувство юмора, тайком пригласив на рождественскую елку комика Карви, смешно и достаточно едко пародирующего самого Буша. Тот пошутил, что, ночуя в Белом доме, позвонил «сикрет сервис» и президентским голосом объявил: «Мне хочется сегодня побегать. Нагишом».

Вовремя подоспело адресованное зарубежным деятелям заявление Клинтона, что пока остается один президент — Буш и его внешняя политика пользуется поддержкой самого Клинтона. Да и во время беседы в Белом доме уходивший его глава с удовольствием делился своими познаниями в области острых международных проблем, а избранный президент внимал с соответствующим почтением и даже выразил некоторое понимание ранее критикуемой им политики в отношении Китая.

Столь великодушное поведение Клинтона вызвано помимо всего прочего ясным пониманием высших интересов страны. В Америке еще в годы «холодной войны» сложился определенный комплекс страха, как бы бывшая «империя зла» не воспользовалась неопределенностью двоецарствия для сильного удара по интересам США.

Если римские власти делили империю на Западную и Восточную, то у двух президентов довольно естественно сложилось разделение труда по проблемам. Буш взял на себя внешнюю политику, а Клинтон — внутреннюю. Уходящий глава Белого дома хранит молчание по поводу вну-

тренних дел, а будущий глава предельно скуп и осторожно высказывается по поводу дел международных.

Буш явно решил воспользоваться предоставленным ему шансом, для того чтобы закончить свое президентство на высокой ноте. И вот уже американские пехотинцы высаживаются на сомалийских берегах для проведения операции «Возрождение надежды», президенты США, Канады и Мексики подписывают соглашение о свободной зоне торговли в Северной Америке, западноевропейцев угрозами торговых санкций вынуждают к уступкам на переговорах в рамках уругвайского раунда ГАТТ, а сербским «ястребам» грозит международным трибуналом и военными ударами в воздухе и с воздуха... Наш российский президент, сам большой любитель драматических жестов, тоже поддался этому ажиотажу и собирается в январе подписывать соглашение СНВ-2, как будто и у него истекает срок президентства. И как будто соглашение, по мнению некоторых здешних экспертов, не вполне готовое и осуществление которого завершится в начале следующего века, не может подождать лишнего месяца или даже больше ради того, чтобы потом не спотыкаться на каждом шагу при его практической реализации.

В такой ситуации, конечно, большой загадкой остается будущая внешняя политика Вашингтона. Назначение неулыбчивого высокопрофессионального дипломата и адвоката Уоррена Кристофера на пост госсекретаря США, а председателя комиссии палаты представителей по вооруженным силам Леса Эспина на пост министра обороны свидетельствует скорее о стремлении не раскачивать дипломатическую ладью, хотя и сохраняя возможность выжать из Пентагона дополнительно экономические средства на внутренние нужды.

Но и скупые высказывания Клинтона на международные темы не оставляют сомнений, что он погрузился в изучение внешних проблем с присущей ему догадливостью. Достаточно упомянуть его проницательные замечания в интервью «Уолл-стрит джорнэл» о том, что не надо драматизировать смену главы правительства в России и что дело не только в кознях бывших коммунистов, но и в «широко распространенной дезориентации» среди россиян, переживающих «болезненные» перемены.

Так что и во внешней политике сюрпризы со стороны «великого просветителя и объединителя» вполне возможны.

ЛИТТЛ-РОК — НЬЮ-ЙОРК
Фото из журнала «Ньюсуик»
(США)

КПСС и КПК

Леонид Васильев

Что общего и в чем разница между этими двумя могущественнейшими в истории структурами? Ответ на этот вопрос может много дать тем, кто в нашей стране мечтает о китайском пути реформ.

По образу и подобию

Лет десять-одиннадцать назад, на исходе брежневского правления, в нашей пропаганде решили признать КНР социалистической страной — до того ее долго и энергично отлучали от истинно марксистского социализма. Отлучали напрасно и безосновательно, безоговорочно и бездоказательно затем стали доказывать, что СССР и КНР — чуть ли не единоутробные близнецы.

Когда на очередной конференции синопологов в Институте востоковедения я попытался было осторожно опровергнуть эту единственность, то получил серьезное внушение от начальства.

Обе правящие партии — и КПСС, и КПК — структуры ленинского «нового типа». Сходными были генеральные параметры партгосвласти, будь то иерархическая лестница номенклатуры с соответствующими каждой ступени привилегиями или никем практически не оспариваемое право распоряжаться абсолютно всем, даже если при этом создается видимость «демократии» или «парламентаризма», а то и, как в Китае, «многопартийности».

Однако за этим принципиальным структурным сходством, которое бросалось в глаза и логично — во всяком случае тогда, когда это было выгодно, — рождало иллюзии о единственности Китая и СССР (партия вполне закономерно отождествлялась с созданным ею режимом, а режим — со страной), всегда таились весьма серьезные различия, те самые, что сегодня так наглядно определили очевидную для мира разницу между СССР и Китаем.

Почва

Великий парадокс марксизма как теории и марксистского социализма как практики в том, что зерна революционной доктрины оказались способными прорасти не там, где им нашел место основоположник, а там, где они по его идее взрасти никак не должны были бы, ибо для этого просто не было той почвы, которая согласно доктрине требовалась.

Почему одна из этих могущественных партий рухнула, а другая остается всесильной?

Уловивший это трагическое несоответствие, Ленин попытался было в начале нашего века обосновать, почему именно остальные страны Востока (а Россия в интересующем нас плане всегда была ближе к Востоку, чем к Западу) годятся для марксистского эксперимента. И что показательно: он не ошибся!

История доказала, что только некапиталистический Восток с его деспотическими традициями и распределительной (нерыночной) экономикой мог стать подходящей почвой для семени марксистского социализма. Идея диктатуры пролетариата удобно вписалась в рамки классического восточного деспотизма, а отказ от капиталистической частной собственности — в распределительную экономику, издревле противостоявшую частным собственникам, и административно их ограничивавшую, и жестко их контролировавшую.

Выдвинутый марксизмом лозунг беспощадной классовой ненависти во имя великой справедливости, высшего равенства и общего владения имуществом был горячо воспринят именно на Востоке, где эгалитарные традиции были хорошо известны. Правда, не везде.

Индо-буддийский мир, как известно, гасил эгалитаризм религиозными ценностными установками, прежде всего идеей кармы, что, впрочем, не помешало Пол Поту изуродовать Камбоджу во имя усовершенствованного им марксизма. Мир

Под руководством коммунистической партии капитализм в Китае живет и побеждает

ислама привычно направлял эгалитарные устремления в русло религиозных движений, в принципе враждебных марксизму. Африка, отдавшая немалую дань марксистскому социализму, выглядит чересчур карикатурно с точки зрения буквы доктрины основоположника.

Именно в России и в странах дальневосточной цивилизации, прежде всего в Китае, не слишком жестко обусловленный религиозными ценностями и установками эгалитаризм оказался наиболее легко подверженным марксистской интерпретации. Именно здесь коммунистические партии и созданные ими режимы обрели поддержку значительной части обманутого примитивизованными лозунгами населения и потому укрепились, вросли в подходящую для них почву.

Жесткость или гибкость?

Всем деспотическим режимам, и прежде всего всему Востоку, в той или иной степени присущ так называемый сервильный комплекс, то есть принцип «поголовного рабства» с хамством по отношению к низестоящим и холуйством по отношению к стоящим выше.

В Китае этот комплекс, однако, издревле был заметно смягчен конфуциан-

ской традицией с ее культом высокой нормативной нравственности, доброты и внутреннего достоинства, с развитым церемониальным ритуалом, предписывающим строго разработанные и достаточно уважительные по отношению к верхам и низам нормы этикета.

Разумеется, на практике не все и не всегда соответствовало норме, но при всем том сервильный комплекс как таковой был поставлен в определенные рамки и тем самым заметно ограничен, смягчен. Взаимоотношения на административно-бюрократической иерархической лестнице при всей их предписанной ритуалом строгости были достаточно гибкими.

Гибкость проявлялась в том, что правящие верхи считались с давлением снизу и были готовы к компромиссу, что на практике обычно проявлялось в стремлении погасить кризис, провести необходимые реформы.

В России ситуация была противоположной. Сервильный комплекс здесь не был смягчен, но, напротив,

Придя к власти, КПСС и КПК столкнулись соответственно с разными традициями в сфере политической культуры. И соответственно различно себя вели. Верхи КПСС и КПК сами были носителями определенной традиции, естественными сторонниками тех или иных принципиальных установок.

Речь не о том, что Мао, скажем, не хватало жесткости. Он был жесток, даже с избытком. Как и не о том, что, скажем, Киров — приди он к власти в 1934-м — был бы много мягче, чем Сталин. Речь о том, что объективные факторы были сильнее субъективных.

КПК практически целиком копировала советский эталон, во всяком случае вначале. Лозунги, приемы, методы борьбы, установки были теми же и такими же. Но жесткость классовых битв здесь привычно смягчалась традицией, установкой на компромисс. В Китае традиции диктовали генеральную установку на гибкость, на поиск взаимопонимания, на стремление к прагматическому сглаживанию конфликта, к социальной гармонии.

Крови в ходе экспериментов Мао было много, даже очень много. Но если вычтешь число умерших от голода и бедствий в ходе «большого скачка» и принять, что репрессии по отношению к врагам и классово враждебным элементам никогда здесь не поднимались до высот сталинских застенков и ГУЛАГа, то окажется, что жертв в Китае было едва ли не на порядок меньше, особенно если учесть масштабы страны.

В России правящая партия, вне зависимости от того, кто ее возглавлял или мог бы возглавить (Ленин, Троцкий, Сталин, Киров), в любом случае была ориентирована на жесткость мер и углубление классовых конфликтов. Этого требовали интересы мировой революции, которые были превыше всего и в жертву которым и Ленин, и Троцкий с легкостью готовы были принести всю Россию. Этого требовали и привычные, умело использованные Сталиным традиции и установки на конфликт, на русский бунт, на предельную жесткость и жестокость. Крови могло быть больше или (допустим, при Кирове) меньше, но она в любом случае должна была литься реками. И лилась.

Только силой, принуждением, железной волей и железной диктатурой, сопровождавшейся непрекращавшимся террором по отношению к собственному населению, можно было — как то считали вожди КПСС — добиться желаемых результатов. Кровавый террор вписывался в традицию.

Различие судеб

Внутренние различия КПСС и КПК были настолько ощутимы и весомы, что именно они сыграли роковую

обычно действовал во всю свою силу, включая привычное унижение всех низестоящих и бесцеремонность вышестоящих, их право существовать по принципу «чего моя левая нога желает».

Православная церковь, которая одна только и могла бы реально противостоять властям в их произволе, была на деле подчинена властям и оказалась вынужденной вписываться во все тот же комплекс. Ни о гибкости, ни о стремлении к компромиссу в такого рода условиях говорить не приходится.

Это не значит, что верхи в России не прибегали к реформам и не стремились порой к поиску взаимопонимания с низами. Речь о том, что политической культуре России была присуща именно жесткость. На кнут власти всегда возлагали больше надежд, чем на реформы.

Фото из журналов «Шпигель» (ФРГ) и «Ньюсуик» (США)

роль для судеб одной из этих партий и способствовали гораздо более благополучному закату другой из них.

Внутренним импульсом развития нашего партгосрежима была обостренная забота о единстве партии. Забота о сохранении единомыслия с течением времени превратилась в страх власти имущих за свою власть. Страх выродился в болезненную паранойю, высшим олицетворением которой стал Сталин.

Любое отклонение от своих решений и намерений, любое сомнение, не говоря уже об открытом споре, воспринималось им как угроза его власти. И любой носитель сомнений и потенциальный оппонент безжалостно уничтожался при первом же удобном случае. Массовые чистки и тотальный террор стоит рассматривать в этом смысле как превентивные меры ради сохранения власти и запугивания тех, кто мог бы позволить себе в будущем отклониться либо усомниться.

Гипертрофирование идеи единомыслия и жесткого послушания сделало КПСС органически неспособной к гибкой политике, к самосохранению перед угрозой гибели. Жесткая структура была столь круто завязана и обмыта столь большим количеством крови, что все расчеты пришедшего к власти Горбачева в момент, когда эту пошатнувшуюся структуру могла спасти только решительная перестройка, оказались напрасными. КПСС рухнула сразу и безвозвратно.

В принципе тот же путь и у Китая, где коммунистический режим явственно агонизирует. Но какая разница! Для китайского коммунистического режима, даже в его наиболее жесткой маоистской модификации, проблема единомыслия никогда не была столь острой, как у нас.

Власти вождя отклонения от единомыслия, сомнения и споры не угрожали. Авторитет вождя держался не на страхе и терроре, но на традиционном уважении к старшему. Это не значит, что Мао не боролся за чистоту идеи или легко прощал возражения и тем более открытое неповиновение. Судьба Пэн Дэхуа говорит о другом. И все же в Китае правилом было традиционное право возражать, советовать и поучать даже самого императора. И ставка на компромисс, на поиски гармоничного оптимума. И природная традиционная гибкость структуры.

Мао по натуре был похож на Сталина. Он не любил и порой не терпел возражений, споров и сомнений. Но он жил и действовал в иных условиях. И был вынужден считаться с ними, считаться с традицией.

Мао не простил своей партии резкую критику его неудачного эксперимента с «большим скачком».

Именно ради этого он пошел на второй свой великий эксперимент с «культурной революцией», острие которого было направлено против бюрократической структуры партгосаппарата — того самого, откуда раздавалась критика.

Партгосаппарат был в немалой мере разрушен усилиями хунвэйбинов. Но... уцелел. Уцелел прежде всего потому, что никакие хунвэйбины заменить его не могли. Правда, аппарат был обновлен — и в этом опять же сходство с тем, что делал Сталин. Однако обновленный аппарат тоже был китайским традиционным аппаратом власти со всеми свойственными ему особенностями. И с этим Мао ничего уже сделать не мог.

А как только Мао умер, аппарат в лице ближайших помощников Мао показал миру все свои традиционные особенности: и склонность к компромиссу, и гибкость, и установку на прагматичный оптимум, и, что очень существенно, обостренное чувство самосохранения и готовность ради этого пойти на многое.

Горбачев и Дэн

Горбачев как великий реформатор не только сопоставим в этой ипостаси с Дэн Сяопином, но и сыграл, пожалуй, более важную роль в истории. Хотя бы потому, что именно он покончил с империей зла и освободил мир от страха за свое существование. Не будучи столь великой ядерной державой, Китай не был и таким пугалом для мира, как СССР. Но на этом сходство Горбачева с Дэном и тем более преимуществ его по сравнению с Дэном и кончаются.

Китайская реформа началась вскоре после смерти Мао, причем КПК была не только готова к ней, но и понимала ее необходимость для зашедшей в тупик страны.

Весь партгосаппарат выступил в функции обычного китайского правительства, приступающего в обстоятельствах сурового кризиса к необходимым стране преобразованиям. Такое в истории Китая случилось не раз, и все необходимые рецепты были известны. Правда, на сей раз мало было восстановить нарушенное, что бывало главным прежде. Нужно было наметить путь дальше.

Путь этот для трезвомыслящих китайских лидеров был очевиден: рынок и частная собственность, те самые, что принесли столько благ Японии и другим странам дальневосточной конфуцианской цивилизации, включая части Китая — Гонконг и Тайвань. Правда, для этого следовало поступиться марксистско-социалистическими ценностями. Но к этому КПК была готова. Обостренный инстинкт самосохранения, начисто отсутствовавший

у КПСС, ей был присущ в весьма большой степени (должен оговориться, что некий инстинкт был и у КПСС, но у нее это был инстинкт страха, который сводился к отказу от всяких перемен).

Пойдя на необходимые уступки и преобразования, КПК сохранила свою власть, самое себя и обрела даже некоторые перспективы. И хотя ход рыночно-частнособственнических реформ неизбежно сталкивает КПК со сложными проблемами, ибо требует привести в соответствие новые реалии с необходимыми для их нормального функционирования политическими преобразованиями (демократизация, права и свободы собственника и гражданина), пока что КПК эти проблемы решает. Другое дело — как решает. С точки зрения современного восприятия мира — варварски (побище на площади Тяньаньмэнь).

С точки зрения привычного инстинкта самосохранения структуры — вполне логично. Когда совсем подопрет, страна и сама КПК созреют для этого, можно будет постепенно осуществить и демократизацию. Правда, ее торжество неизбежно будет означать конец КПК, но к тому времени КПК будет уже к этому готова и сойдет с исторической сцены достойно. Не так, как КПСС.

Многие из руководителей нашей страны сегодня ищут причины того, почему наша реформа идет с таким скрипом, тогда как китайская столь успешно. Кое-кто из них склонен считать это чем-то вроде нашего недосмотра (не туда пошли, не так повернули). Другие полагают, что еще не поздно выкрутить на правильный (китайский) путь. Я не хочу сказать, что ничего из опыта китайской реформы для нас не годится. Совсем напротив, многое уже подошло. Кое-что даже теперь может быть с успехом заимствовано. Но это не означает, что мы можем просто так взять и пойти китайским путем. Увы, не можем. Наши проблемы как раз в том, что нет для нас этого пути, ибо нет у нас ни китайских реалий, ни китайских традиций и ценностных установок, ни самих трудолюбивых и непьющих в массе своей китайцев.

Многие тоскуют по сильной власти. Власть должна быть достаточно сильной и эффективной, без этого никакая демократия не выживет. Вопрос лишь в том, какая власть, прежняя или новая. И если новая, то какая именно. И каким бы ни был ответ на эту отнюдь не теоретическую проблему, какой бы ни стала власть в нашей стране завтра, одно для меня несомненно: такой, как ныне в Китае, она не будет и быть не может. Китайский опыт в этом аспекте нам никак не поможет. Коммунисты у власти больше не станут.

Президент Республики Корея Ким Ён Сам: все началось с голодовки

В то время как в России призывают идти по южнокорейскому пути и доверить власть генералам, сама Южная Корея подводит черту под «военным прошлым».

25 февраля в Голубом доме в Сеуле появится новый президент, в прошлом диссидент, противник участия армии в политической жизни. Уходящий президент Ро Дэ У, кажется, последний в истории этой страны генерал, узурпировавший власть.

На декабрьских выборах было три кандидата: два диссидента — Ким Ён Сам и Ким Тэ Чжун и крупный бизнесмен Чон Чу Ён.

Победу одержал Ким Ён Сам. Человек, который каждый день начинает с пробежки. Но, разумеется, не пристрастие к спорту принесло ему популярность, а его долгая борьба в защиту прав человека.

Президентом стал человек, который первым из южнокорейских политиков приехал в Москву и первым встретился с Михаилом Горбачевым, открыв дорогу установлению дипломатических отношений между нашими странами. Первым московским изданием, которое опубликовало интервью с Ким Ён Самом, был журнал «Новое время».

Его путь к тому, чтобы стать президентом Южной Кореи, начался в тот майский день 1983 года, когда он объявил голодовку в знак протеста против действий военного режима. Он голодал двадцать дней.

В первый раз он был избран депутатом еще в 1954 году и в течение многих лет был лидером оппозиции. В 1980 году, после очередного военного переворота, его просто удалили из парламента и подвергли домашнему аресту. Через четыре года он создал Союз в защиту демократии, затем Демократическую партию за воссоединение.

Ким Ён Сам — опытный и умелый политик. В 1990 году он совершил рискованный маневр, который мог

Один Ким становится президентом, другой уходит из политики

Седьмым президентом стал бывший диссидент

стоять ему карьеры. Он вошел в коалицию с президентом Ро Дэ У, объединил свою партию с правящей.

Ро Дэ У получал поддержку в парламенте, а Ким Ён Сам — мощный партийный механизм для победы на выборах. Ро Дэ У обещал Киму, что не станет выдвигать свою кандидатуру на второй срок.

Ким Ён Сам ощущал недовольство и справа и слева. С одной стороны, оппозиционеры были недовольны блоком с правительством. С другой — армия, сторонники президента не хотели видеть своим лидером либерального демократа.

Нынешняя президентская кампания тяжело далась Ким Ён Саму. Часть его собственной партии вышла из повиновения. Кандидат от правящей партии фактически не имел ни привилегий, ни льгот. Президент Ро Дэ У и правительство заняли нейтральную позицию и не помогли фавориту собрать дополнительные очки. Армейская верхушка демонстрировала свой скептицизм.

Радикальные оппозиционеры предпочитали поддерживать его конкурента — Ким Тэ Чжуна, которого когда-то южнокорейская разведка выкрала из Токио, где он скрывался, чтобы приговорить его к смертной казни. Ким Тэ Чжун остался жив только благодаря международной кампании протеста.

Разумеется, нынешний Ким Тэ Чжун отличается от прежнего радикала. Он один из самых богатых людей Кореи, он сумел установить разумные отношения с армией, выработать умеренные лозунги.

Ким Тэ Чжун, лидер Демократической партии, получил 34 процента голосов. После того как стало ясно, что он проиграл, Ким, который занимался политической сорок лет, объявил, что уходит из политики.

Вместе с ним уходит целая эра. Два Кима были и единомышленниками и соперниками одновременно. Они вместе вступили на путь борьбы с авторитарией, военной диктатурой. Судьба то сводила их под одним знаменем, то

разводила по разные стороны баррикады.

Хотя в выборах участвовало 82 процента избирателей, многие на самом деле испытывали разочарование: «эра двух Кимов» как бы исключала альтернативы. Новые, молодые, политики еще не проявили себя. Избиратели недовольны и той большой ролью, которую играют деньги в любой избирательной кампании, когда кандидаты попросту покупают своих избирателей.

Вызов двум Кимам бросил Чон Чу Ён, которого иногда называли корейским Россом Перо. Чон тоже сумел стать мультимиллионером. Он тоже объяснял избирателям, что человек, способный образцово управлять индустриальной империей и сделать ее процветающей, справится и с высшим государственным постом.

Во время предвыборной кампании он казался серьезным конкурентом двум Кимам, но собрал только 16 процентов голосов.

За Ким Ён Саму проголосовало 42 процента избирателей.

Корейские обозреватели так формулируют пять важнейших задач, которые стоят перед новым президентом:

развитие демократической системы, в которой еще много рудиментов авторитарного правления;

преодоление спада в экономике, придание нового импульса промышленному развитию;

подготовка к объединению двух Кореи;

преобразования в социальной структуре общества, где сильны региональные различия;

подготовка достойного преемника.

Чжун Хон,
соб. корр. «Нового времени»

СЕУЛ

Ким Тэ Чжун в свое время чудом избежал смертной казни.

Чон Чу Ён пытался последовать примеру Росса Перо. И тоже проиграл

Похвала Слову

Радость бытия на грешной земле выше веры в Бога, считали великие персидские поэты

Яков Боровой

На могилу Хафиза в Ширазе падали разноцветные осенние листья. Золотой осенью я стоял в благоговейном оцепенении перед надгробием гения, которого в Иране называют «языком сокровенного мира». Тоненькая девушка остановилась неподалеку, бережно прижимая к груди томик стихов поэта. Временами она наугад открывала книжку и читала, беззвучно шевеля губами, строчки газелей. Ее лицо, фигура безумно напоминали ширазскую красавицу Шах-Нэбат, в которую был так безнадежно влюблен Хафиз.

Как издавна повелось в Иране, девушка гадала по томику стихов Хафиза, по «кораблю» его газелей, который называют «лисан-уль-гайб» — «языком тайн». Туманные лирические образы, зачастую без видимой связи вплетенные в беспредметную тематику стихов — субъективные ассоциации и непонятные намеки, — все это дает простор всевозможным догадкам и уже много веков делает его стихи любимой книгой для гадающих.

Ассоциации возникли и у меня невзначай, наугад. У Хафиза: «Ты — словно утра свет, а я — в ночи печальная лампада...», у Бальмонта: «Мы говорим на разных языках. Я свет луны, а ты усталый холод...» Приходила на ум строка: «Рубинам сладких уст пристойна и эта горькая хула...» и тотчас — пронзительное ахматовское: «От других мне хвала — что зюла, от тебя и хула — похвала»

...Все, казалось, дышало «великим старцем» в Ширазе. «Хафиз» («храпящий в памяти») — прозвище, данное человеку за то, что он, выходя из бедной семьи, выучил наизусть Коран — был живой плотью прекрасного города. Но тщетно искал я лавку, где он во время своих детских бедствий торговал дрожжами. Деньги Хафиз делил на три равные части: треть — матери, треть — учителю и треть — нищим...

Напрасно я проглядел глаза в поисках хлебопекарни, куда безвестный тогда поэт поставлял свой товар. В

те далекие времена это был своеобразный дом литераторов, где за кувшином ширазского вина (лучшего в стране!) собирались именитейшие, как тогда представлялось, поэты. Но причудливо перетасовывает карты неумолимая история! Тогда именитые издевались над Хафизом. Мухтесебы (специальные полицейские чины, наблюдавшие за благочинием в городе и за благонаравием граждан) зачастую выгоняли его взышей. И к страданиям по ширазской красавице Шах-Нэбат с ее великолепными «фиалками» (в персидской поэзии синоним кудрей) приращивалась горькая обида за неудачу собственного творчества, за непонимание тех, у кого в руках и деньги, и власть...

Не удалось мне побывать и на речке возле Шираза, носящей поэтическое имя Рокнабад, пройтись по знаменитому саду Мусалла — излюбленному месту гуляний древних ширазцев. Где же, где «счастливы берег Рокнабада, иль сад такой, как Мусалла!»? На берегу Рокнабада, в саду Мусалла, когда-то родились бессмертные строчки:

«Я вышел на заре, чтоб роз нарвать в саду,

И трелей соловья услышал череду;
Несчастный, как и я любовью к
розе болен,
И на лужайке он оплакивал беду...»

Поэтическому герою Хафиза присущ философский скептицизм, выраженный в форме лирического «разочарования». Великий поэт всю жизнь искал «великую истину» и, хотя принадлежал к одному из дервишских орденов — суфиям, одинаково ненавидел и строгости мусульманского закона, и показной аскетизм суфиев. Но главное в том, что он был поразительно свободолобив и смел для своего времени. Лишь бесстрашный человек мог написать:

«Склонюсь я пред величием тех,
кто пьянствует и нищ,
Кому и тот и этот мир — лишь два
ничтожных слога.

Лишь в погребке моей мечты свершение я найду,

Противны сердцу медресе и суфиев берлога!»

Именно поэтому, наверно, мы и сегодня вместе с поэтом повторяем сакраментальное «не горюй!» и думаем о нем, как о живом существе. «Хафиз сказал бы об этом так...» — и ныне говорят в Иране. Остается

лишь гадать, как отнесся бы великий поэт к тому или иному событию в мире, в нашей душе. Что ж, не будем суеверными и тем не менее откроем наугад любую страницу бессмертного «корабля»...

Гёте выделил среди великих классических поэтов средневековья Ирана «семь величайших». Один из них поэт, носящий «тахаллус» (поэтический псевдоним), — Омар Хайям. Его называли «умнейшим мужем века», «царем философов Востока и Запада». На рубеже XI и XII веков он был в подлинном смысле энциклопедистом, предтечей деятелей западноевропейского Ренессанса и знаменитых просветителей XVIII века. Математик, выведший формулы, подтвержденные лишь спустя пять-шесть столетий... Врач, который сумел вылечить от оспы 11-летнего царевича... Звездочет, предсказывавший погоду, солнечные и лунные затмения... Человек, которого правитель Бухары во время бесед сажал с собою рядом на престол в знак высшего уважения...

Но все же не этим вошел в нашу жизнь Омар Хайям. Хайям — поэт «волей Божьей». Его четверостишия — рубаи — воплощение лаконизма, законченности, совершенства.

В Нишапуре, где похоронен Хайям, напитки, как и в древности, подают уставшим путникам в больших глиняных кувшинах с красочным орнаментом. Красноватая глина комками ложится во время дождей под ноги. Но почему, по какому непонятному наваждению боюсь я ступить ногой на податливые кусочки размякшей глины. Причина — в философских строчках Хайяма, которые нельзя забыть, прочитавши хоть однажды:

«Осторожно ступай по земле!

Каждый глины комок,

Каждый пыльный комок был красавицы юной зрачком»

...Гончар, гончарный круг, мастерская, глина — «прах отцов», которую мнет гончар, — вот темы, вокруг которых столь часто ткется тонкое полотно хайямовских стихов. Поэт-философ, он размышлял о вечном круговороте материи. Под его чудодейственным «калямом» рождались чеканные строчки о траве, в которую превращается человеческий прах.

«Всех, кто стар и кто молод, что ныне живут,

В темноту одного за другим уведут.

Жизнь дана не навек. Как до нас уходили,

Мы уйдем; и за нами — придут и уйдут» —

писал поэт. Кем являемся все мы, подчиняющиеся законам круговорота природы? Этот вопрос мучил Хайяма всю его жизнь.

«Кто мы? — Куклы на нитках, а кукольщик наш — небосвод.

Он в большом балагане свое предстательство ведет.

Он сейчас на ковре бытия нас прыгать заставит,

А потом в свой сундук одного за другим уберет».

Так где же выход из этого жесточайшего, predeterminedного без нас, мира? Хайям считает, что, хотя Бог и является первопричиной всего сущего на земле, все же на судьбу человека эта первопричина влиять не может, а посему радость бытия на грешной земле выше веры в Бога.

В его стихах появились не только «луноликие» красавицы — возлюбленные Хайяма, но и «саки» — виночерпий, кравчий; «ринд» — бродяга, кутила, гуляка — воплощение свободомыслия. Не мечеть, а «харабат» — питейный дом и место веселья риндов — воспевается Хайямом как символ свободы и радости.

Как сказочный Джемшид — легендарный царь древнеиранского эпоса, Хайям обладал великокопной чашей, в которой отражался весь мир. Он, казалось, нашел источник живой воды, прикоснулся к нему сам и обрел для всех нас вечную жизнь.

— В это хочется верить.

Старый афганский крестьянин сидел на берегу Джейхуна, как называют по-старинному Амударью. Он был одет в рубище и напоминал странствующего дервиша. Свои натруженные, с выпирающими венами ноги он опустил в желтоватую от ила воду. Все в нем дышало веками. Казалось, современная цивилизация прошла мимо него, не коснувшись даже мимолетным дыханием. Лишь одна «игрушка», стоявшая чуть поодаль, роднила его со временем. Это был транзисторный приемник «Сони». Старый дехканин с одинаковым вниманием — нет, не то слово, с благоговением! — слушал и сводку последних известий, и сказку для детей, и политический комментарий, и молитву, и финансовый отчет банка... Он причмокивал губами, изредка радостно повторял полюбоившиеся ему слова, а когда играла музыка, подпевал в такт. И вселенная с ее повседневными заботами и тревогами исчезала на время, уступая место прекрасному миру гортанных звуков. И понял я, что для него, почти наверняка безграмотного человека, важно было не то, что говорят по радио, а то, КАК говорят. Он поэтически воспринимал этот мир в его звуках. Как истинный поэт, он подбрасывал полюбоившиеся слова, словно разноцветные мячики, и любовался ими. Слова не растворялись в воздухе; возможно, вопреки его воле они образовывали невидимую цепь... и становились музыкой. И он уже напевал песню из этих прекрасных слов. Когда в радиопередачах наступил перерыв, дехканин встал и пошел прочь, растворяясь в раскаленном воздухе...

Даже в самых отдаленных кишлаках — везде читали стихи на фарси. В честь гостя или по случаю праздника, а просто так, ради собственного удовольствия. Без них не было самой

Буквы «алеф» и «даль» — символы молодости и старости

жизни. И это не были зачастую даже стихи прославленных мэтров — нет! — простые строчки, из недр народных, повторылись влюбленно и простодушно.

«Я охотился за дичью — и попался сам.

Приходи! Я изнываю по твоим глазам.

Если ты за сладкий финик сахар своей отдашь,

Поменяемся, красotka, — баш на баш!»

Здесь любили Поэзию чистосердечно и горячо потому, что без стихов, положительно, жить нельзя.

Не понятные нам, европейцам, ассоциации: полугой — пример прекрасного и мудрого создания; «лик, прекрасный, как курдюк» — вовсе не насмешка, а вполне естественное — и прекрасное! — для скотовода сравнение.

И в самой графике письма — чудо! Таинственные «алеф» и «даль» — не просто буквы арабского алфавита, а обозначение юности и старости. Вглядитесь в их очертания! «Алеф» — прямая высокая палочка, а «даль» — подобие скобки, согнутой под углом 70–80 градусов.

...Любимые поэты. Рудаки — первый по времени из великих, основатель философской лирики — умер в нищете в родной деревне с поэтическим названием Панджрудак (Пятиречье); Анвари, в молодости отдавший дань панегирикам, понявший под конец жизненного круга пагубность положения придворного поэта для истинного таланта, он предпочел на склоне лет «убогую келью пышному дворцу»; поэт-энциклопедист Хагани также тяготился положением придворного поэта при дворе Ширваншахов. Он чувствовал себя там как «птица со сломанными крыльями в железной клетке»; поэт-гуманист Низами имел смелость не состоять на государственной службе, жить в бедности, но не пойти в услужение к венценосным особам... Лишь потом, много веков спустя, над их могилами поставили белокаменные мавзолеи. Но все это было потом... В небытие канули имена придворных льстецов (а как много, между прочим, было среди них людей, отмеченных печатью Божьей!), вечными стали имена тех, кто не погнался за прижизненной славой.

«О небо, ты души не чаешь в подлецах!

Дворцы, и мельницы, и бани — в их руках;

А честный просит в долг кусок лепешки черствой...

О небо, на тебя я плюнул бы в сердцах!»

Нет, рубаи не стареют, потому что истинная поэзия остается вечнозеленой веточкой на почерневшем от горя древе жизни.

ТЕГЕРАН—КАБУЛ—МОСКВА

«Русские грядут!»

77 процентов поляков опасаются наплыва «гостей» и беженцев из стран СНГ. Хуже относятся только к румынским цыганам

1 января 1993 года к нам пришла новая свобода, завоеванная еще в горбачевскую эру: свобода въезда и выезда бывших совграждан за рубеж некогда герметичной нашей державы.

Соседям из ближнего зарубежья наша законная радость видится иначе: с тревогой и подозрением.

Поляки встретили Новый год со смешанными чувствами, причем преобладает неопределенность. С одной стороны, как следует из доклада Европейской экономической комиссии, Польша оказалась **единственным** государством посткоммунистической Европы, где налицо признаки оживления экономики. С другой — все еще не утвержден расплывчатый бюджет, растет безработица, инфляция за истекший год приблизилась к 50 процентам, а парламентские распри вокруг составленного в духе мрачного средневековья закона о запрете аборт и уголовном за них преследовании вообще грозят расколом правящей коалиции.

На таком фоне все чаще, все настойчивей звучит тревожное: «Русские грядут!». Поляки начали беспокоиться, еще когда Верховный Совет СССР принял закон о свободном въезде-выезде, дав ему на разбег два года. Но о конечной дате карантинного срока — 1 января 1993 года — со славянской беспечностью забыли. А теперь на повестке дня грозный «старт 20 миллионов» (такую пугающую цифру готовых перейти через польскую границу граждан СНГ здесь называют уже официально).

41 процент поляков уже сейчас считают СНГ — его нестабильность и непредсказуемость — «источником наибольшего беспокойства». «Старт 20 миллионов» это беспокойство доводит до паники. В 1992 году Польша приняла 7 миллионов граждан бывшего СССР, что стало для страны с менее чем сорокаmillionным населением непростым испытанием. Что будет, если цифра утроится?

Есть целый комплекс причин, вызывающих нервную дрожь всей общественной пирамиды — от простых граждан до пограничников с таможенниками и высо-

ких политиков. Первая в том, что вместо преобладавшего недавно вывоза товаров из СССР/СНГ, что стимулировало производство и оживляло польский рынок, теперь происходит **вывоз из Польши долларов**, которые свободно и легально продаются и покупаются здесь в меняльных лавках. По ориентировочным подсчетам одна «туристская ходка» «гостя» из СНГ приносит ему 100–200 долларов. Помножим даже не на семь, пусть на четыре миллиона и получим **более полумиллиарда долларов**. Такую примерно (а я думаю — значительно большую) сумму конвертируемой валюты вывели бывшие граждане СССР из Республики Польша в прошлом году.

Вторая причина — **нарастающая преступность**, от тривиального рэкета и дешевой проституции до наркомании, вооруженного бандитизма и убийств, отмеченных особой жестокостью. Причина третья — **нелегальная, как здесь говорят, работа по-черному**, которая помимо прочего из-за непомерно низкой оплаты отбирает рабочие места у почти трехмиллионной армии польских безработных. Далее — **проблема беженцев**. Как сообщило недавно МВД РП, участились случаи невыезда граждан СНГ из Польши: границу переехали — и растворились где-то на просторах Среднеевропейской равнины между Бугом и Одером.

Это последнее обстоятельство, пожалуй, тревожит польские власти всего более. И вот почему. Германия, обеспокоенная нарастающей лавиной непрошенных иностранцев, намерена существенно укрепить

свою восточную границу. Во что же превратится тогда Польша? В своеобразный «предбанник», накопитель для граждан с Востока? Граница государства Польского с бывшим СССР — тысяча с лишним километров. Сейчас это четыре границы: с Россией (Калининградская область), Литвой, Беларусью, Украиной. Решать вопрос единообразно, для всех государств? Или с каждым в отдельности?

Вице-премьер Хенрик Горышевский, выступая по телевидению, высказался за введение для **граждан СНГ виз**. Директор консульского департамента МИД Польши, напротив, категорически возражает. Ибо как в таком случае будет выглядеть поляки в глазах объединяющейся и упраздняющей границы Европы, всего цивилизованного мира? Заместитель министра внутренних дел Владзимеж Бляерский предложил проект нового закона, который бы регулировал въезд в Польшу не вполне желательных граждан, в том числе и из СНГ. Суть предложений сводится к усложнению процедуры оформления приглашений. Граждане бывшего СССР, а также Румынии и Болгарии (из списка предлагается исключить Литву) могли бы приезжать в Польшу, лишь имея кроме загранпаспорта еще и приглашение нового образца, предварительно зарегистрированное приглашающим в муниципалитете. Гостеприимный хозяин должен при этом дать подписку о покрытии расходов в случае возможного медицинского обслуживания и, если возникнет необходимость, расходов по депортации своего гостя. За приглашение придется уплатить солидную пошлину, как планируется, «несколько сотен тысяч злотых» (сто тысяч — это примерно 6–7 долларов). МВД настаивает, чтобы такой законопроект парламент пропустил вне очереди, ибо вступить в силу он должен уже в первом квартале 1993 года.

Что ни говори, как ни решай, а проблема для Польши действительно **серьезная**. 77 процентов поляков решительно высказываются за «ограничение въезда в РП граждан СНГ». Как свидетельствует обследование, проведенное в канун Нового года социологической службой «Пектор», хуже относятся только к румынским цыганам.

Рудольф Борецкий,

соб. корр. «Нового времени»
Фото автора

Привезенный товар превращается в злотые, злотые — в доллары. Миллионы долларов...

Внимание!

**"Универсальный
компьютерный центр"**
проводит новогоднюю распродажу.

Скидка 25%
Компьютеры производства США:

- IBM PC/AT - 286
- IBM PC/AT - 386 DX
- IBM PC/AT - 486 DX

Широкий выбор товаров
народного потребления:

- пуховые изделия высокого качества
- фирмы "Диадора", "Доломит";
- мужские двубортные костюмы;
- перчатки женские, ангора;
- пуловеры мужские фирмы "Фейдер";
- обувь зимняя и демисезонная
- европейского производства.

Телефоны в Москве: 111-00-58,
250-44-37, 251-89-35, 251-92-33.
Факс: 250-80-79.

МЫ МОЖЕМ И ХОТИМ ВАМ ПОМОЧЬ ОБОРУДОВАТЬ ПО ВАШЕМУ ВКУСУ:

АССОЦИАЦИЯ
МЕБЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
"ИНТЕРЬЕР"

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ФИРМЕННОЕ ТОРГОВО-ТЕХНИЧЕСКОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ
"ИНТЕРЬЕРМЕБЕЛЬ"

ПОМНИТЕ, НАШИ ЦЕНЫ НИЖЕ НА 15-20% РОЗНИЧНЫХ!
ПО ВАШЕМУ ЖЕЛАНИЮ НАШ ТРАНСПОРТ ДОСТАВИТ ВАШ ГРУЗ ПО МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ.

- офис, кабинет руководителя, зал заседаний, компьютерный зал, рабочие места, холлы;
- гостиничные номера;
- зрительный зал, ресторан или кафе;
- загородный дом, квартиру или дачу.

Наш адрес: г. Реутов Московской области, ул. Победы, дом 9;
Проезд: ст. метро "Измайловский парк",
"Новогиреево", авт. 509 до ост. "Горсовет";
Телефоны: 528-47-52, 528-34-09, 528-10-43,
528-92-22;
Телетайп: 846055 "ЛАССО".

Адрес магазина-салона: Юбилейный проспект, 30/2.
Проезд: Курский вокзал (Горьковское напр.) до ост. "Реутово";
Телефон: 528-16-13.

209-95-81
209-76-52
200-21-10

ИЗДАНИЕ
PRESS
1992

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

РАССЛЕДОВАНИЕ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»

Рауль Валленберг. Его миссия в Будапеште закончилась трагически

Рапорт доктора Смольцова

Владимир Абарин

В «меморандуме Громько» от 6 февраля 1957 года вина за задержание Рауля Валленберга и его смерть возложена на Виктора Абакумова, бывшего главу контрразведки СМЕРШ, бывшего министра госбезопасности, расстрелянного в 1954-м. Тогда же, в 57-м, появился документ, известный как «рапорт Смольцова». Это рапорт о смерти Валленберга 17 июля 1947 года «предположительно вследствие инфаркта миокарда». Рапорт на имя министра Абакумова подписал начальник санчасти Лубянской тюрьмы подполковник медицинской службы Смольцов. По сей день это единственное доказательство официальной советской версии смерти Валленберга.

Документ, прямо скажем, подозрительный. Хотя бы потому, что составлен не на бланке и лишен каких бы то ни было реквизитов. Отсутствует на рапорте и резолюция начальства — имеется лишь при-

Кто же автор записки о смерти шведского дипломата?

писка за подписью самого Смольцова: «Доложил лично Министру. Приказано труп кремировать без вскрытия». Закрадывалось сомнение: а не изготовлен ли рапорт задним числом, когда Виктор Абакумов, расстрелянный в декабре 1954 года, уже не мог его завизировать собственноручно?

Почерк Смольцова сомнению никогда не подвергался. И, как выяснилось, зря.

Подделка

Сравнительно недавно достоянием гласности стал еще один мрачный эпизод истории Лубянки — так называемый «процесс шестнадцати», или, как гласит официальный титул, «следственное дело № 7859 по обвинению организаторов и руководителей польского подполья в тылу Краевой Армии на территории западных районов Украины и Белоруссии, в Литве и Польше».

Процесс под председательством генерал-полковника юстиции Ульриха состоялся в Москве в июне 1945 года. Коман-

лом Валленберга, у меня нет. Но есть косвенные, причем в большом количестве. Независимый исследователь Вадим Бирштейн, восстановивший по минутам график допросов сокамерников Валленберга и его шофера Вильмоша Лангфельдера, обнаружил, что этих заключенных допрашивали в числе других следователей Соловов и Гришаев (см. статью «Допросы на Лубянке»). В разное время ими допрошены, в частности, Райнер Штагель, Густав Рихтер, Хорст Кичман, Эро Пелконен, Эрнст Хубер, а также Генрих Томсен (он же Гросгейм-Крысько) — важнейший свидетель по делу Валленберга.

«В условиях строгой изоляции»

Всех перечисленных лиц допрашивали также следователи Вайндорф, Карташов и Копелянский. Но ведь это означает, что речь идет об одном и том же деле. Именно Соловов, в то время уже майор, в качестве помощника начальника отдела по особо важным делам МГБ СССР подписывал приказы о направлении этих заключенных во Владимирскую тюрьму и о том, что содержащихся там следует «в условиях строгой изоляции, лишив общения с другими заключенными и переписки». Он не мог не знать причину, по которой приказывал изолировать узников. Да она и указана в отдельных случаях: контакт с «особо важными заключенными».

Наконец, вряд ли Соловов стал бы лично допрашивать такую незначительную персону, как финский солдат Пелконен, если бы не этот контакт.

Тем не менее ни Соловов, ни Копелянский, ни Гришаев не рассказали членам двусторонней комиссии ничего заслуживающего внимания и были отпущены с миром. Причем все бывшие следователи госбезопасности заручились обещанием не разглашать их имена. Как это могло случиться? Все очень просто: беседовавшие с ними плохо владели материалом и не могли поставить точные, конкретные вопросы — разговор оказался беспредметным.

17 декабря минувшего года комиссия заседала вновь. Но похоже, что официальное расследование — в тулупе. Надежда, скорее, на независимых исследователей...

Допросы на Лубянке

Рауль Валленберг не дожид до показательного процесса

Вадим Бирштейн

Большинство сокамерников Валленберга и Лангфельдера на Лубянке вечером 22 июля 1947 года были по очереди вызваны на допрос. Цель его была двойной: выяснить, что сокамерники знают о Валленберге, и запретить упоминать это имя. По архивным документам удалось восстановить по минутам последовательность допроса.

Лубянская тюрьма. На допрос вызывают Э.Хубера, бывшего немецкого разведчика, сокамерника Лангфельдера. Присутствует начальник 4 отдела 3 Главного управления МГБ СССР (то есть контрразведки) полковник С.Н.Карташов и, судя по описаниям Хубера, сам министр МГБ В.С.Абакумов. Высокий ранг следователей указывает на важность дела Валленберга.

Лефортово. К начальнику отделения 4 отдела 3 ГУ МГБ СССР майору А.Н.Кузьмишину вызываются:

Г.Рихтер, бывший полицейский атташе германского посольства в Бухаресте, сотрудник СД, штурмбанфюрер СС, представитель А.Эйхмана, отвечавший за уничтожение евреев в Румынии. Он находился в камере, куда поместили Валленберга 6 февраля 1945 года. Валленберг был с ним (и с Шлиттером-Шауэром, который сотрудничал со следователями) в течение двух месяцев.

В.Родде, сокамерник Рихтера сразу после Валленберга.

Э.Пелконен, финский солдат, сокамерник Лангфельдера.

Х.Кичман, бывший германский военный атташе в Финляндии и Швеции, сокамерник Лангфельдера.

Э.Крафт, бывший контрадмирал, сокамерник Лангфельдера.

Р.Штагель, бывший начальник «Зондерштаба Штагель» при верховном командовании вооруженными силами Германии, бывший военный комендант Рима и Варшавы, генерал, сокамерник Лангфельдера.

Есть данные, что последним, уже 23 июля, был вызван Лангфельдер.

Допрос 22–23 июля явно готовился заранее. Хубер к этому времени был уже осужден и находился в Ивдельлаге. 26 апреля он был направлен в Москву, куда прибыл 2 мая. Уже через два дня его допрашивал следователь Д.Копелянский. Заодно в Москву, вероятно по ошибке, был привезен из того же лагеря однофамилец Рихтера.

Все допрошенные в эту ночь были надолго помещены в одиночки. Пелконен пытался покончить жизнь самоубийством. Хубера же в августе еще раз допросил Копелянский, а потом, уже в феврале 1948 года, следователь Б.Соловов.

Что знали о Валленберге сокамерники и обитатели камер Лефортовской тюрьмы, с которыми пере-

Султан	Морозов В. 19	10-30	16-44	78
Герей	ст. следоват. ОВД	20-30	24-00	С.Турин
Ф.Т.	оуправа зам. упр.			

Султан	Морозов В. 19	10-30	16-44	С.Турин 48
Герей	ст. следоват. ОВД	20-30	24-00	С.Турин
Валленберг	Копелянский	2110-40	12-20	Минин 203
Ф.Т.	оуправа зам. упр.			
Манаха	Куликов И.	10-40	16-10	Манаха 61

Запись в тюремном журнале Лубянки была замазана тушью. Эксперты восстановили текст: Валленберга допрашивал следователь Копелянский...

Мало кто верит, что Валленберг умер на Лубянке своей смертью. Неужели его действительно сочли шпионом?

стукивался Валленберг через стены?

Письмо Сталину

По воспоминаниям Рихтера, в начале февраля 1945 года Валленберг был вызван на допрос через два дня после помещения в тюрьму. Среди прочего следователь сказал: «Вы нам хорошо знакомы. Вы принадлежите к знаменитой семье шведских капиталистов». Валленберг был обвинен в шпионаже. Допрос продолжался 1—1,5 часа.

Далее Рихтер свидетельствовал: «В начале февраля Валленберг написал письмо, адресованное начальнику тюрьмы, в котором он протестовал против обращения с ним и против его ареста. Валленберг также ссылался на свой дипломатический статус и требовал связать его со шведским посольством в Москве. Он вручил это письмо дежурному охраннику на первом этаже».

Я. Лойда, который в течение двух месяцев находился в камере №140 вместе с Валленбергом и его будущим долгим сокамерником В. Ределем (бывшим адъютантом посла и начальником информационного отдела германского посольства в Бухаресте, бригадиром СА), вспоминал: «Швед (Лойда никогда не называл имени Валленберга. — В.Б.)... в камере сказал, что у русских не было оснований арестовывать его. Он представлял русские интересы в Будапеште. Но русские не верят ему. Следователь сказал, что он богатый шведский капиталист, а такой человек ничего не сделает для русских».

«Русская тема» в деле Валленберга? Но ведь в шведском посольстве в

Будапеште русским сектором заведовал Г. Гросгейм-Крысько (Томсен). Ошибка? Бывшему заключенному, немецкому дипломату Г. Штарке запомнился рассказ Э. Хилле (сокамерник Лангфельдера): «Так как Швеция представляла русские интересы в Венгрии, обязанностью Валленберга среди прочего было защищать русских граждан в Венгрии. Когда начались сражения в Венгрии и русские подошли к Будапешту, Валленберг и его шофер поехали на встречу с русскими. Он сообщил о себе командованию армии и особенно отметил, что в Будапеште есть русские граждане под защитой шведского посольства, которые находятся в определенном квартале. По словам шофера, это было целью их поездки. Русские, однако, не поняли этого и арестовали Валленберга и его шофера».

Летом 1946 года Валленберг пытался написать Сталину. Еще один бывший немецкий дипломат В. Рензингоф, перестукивавшийся с Валленбергом, свидетельствовал, что в письме Валленберг указывал на свой дипломатический статус и настаивал на допросе. Кроме того, Валленберг просил предоставить ему возможность связаться со шведским посольством. Письмо было написано по-французски. «Через некоторое время Валленберг получил подтверждение о вручении письма адресату».

Где сейчас может находиться это письмо? Сохранилось ли?

В июле последовал длительный допрос и, по-видимому, была устроена очная ставка Валленберга с Лангфельдером.

Через некоторое время состоялся

еще один допрос, на котором Валленберг спросил следователя о том, какова будет его судьба. Следователь сказал, что в марте в Москве состоится «конференция, на которой решится судьба узников» (В. Береманн, бывший сотрудник германского посольства в Бухаресте). Остается неясным, что, собственно, должно было произойти в марте.

И, наконец, как сообщил Б. Рензингоф, незадолго перед переводом Валленберга и Ределя из Лефортова на Лубянку в конце февраля — начале марта 1947 года Валленберга вызвали на допрос еще раз. Он «отстучал» об этом следующее: «Инспектор информировал

его, что дело абсолютно ясное, оно — политическое. Лучшее доказательство вины Валленберга то, что шведское посольство в Москве и шведское правительство ничего не предприняли (это было ложью. — В.Б.). Валленберг попросил предоставить ему возможность связаться непосредственно с посольством или представительством Красного Креста или по крайней мере написать им. Следователь отклонил просьбу со словами: «Если бы шведское правительство интересовалось вами, оно давно вступило бы в контакт с вами».

Всего за период с февраля 1945 по март 1947 года Валленберга вызывали на допрос пять раз.

Бывшие сокамерники Лангфельдера впоследствии вспоминали, что ему, как и Валленбергу, предъявлялось обвинение в шпионаже. Адмирал Э. Краффт, скончавшийся во Владимирской тюрьме 27 июля 1954 года, говорил Пелконену в 1946 году, что следователи пытались доказать, что Лангфельдер — шпион союзников. Следователь, руководивший допросами, утверждал, что Валленберг был не дипломатом, а «посланцем для контакта с еврейской организацией» Будапешта.

Итак, Валленберг и Лангфельдер обвинялись в шпионаже в пользу союзников. Чуть ранее, в Будапеште, при опросе других временно арестованных сотрудников шведского посольства возникло еще одно обвинение: помощь немцам. В вину ставились и контакты с еврейскими организациями. Вероятно, имелось в виду, что деньги для гуманитарной работы Валленбергу предоставляла небольшая американская благотворительная организация «Джойнт».

Деньги были переведены в стоковый банк, принадлежавший Якобу и Маркусу Валленбергам, на «специальный счет Рауля Валленберга». Далее деньги переводились швейцарскому представителю «Джойнта» С.Майеру, который оттуда переправлял их через разных людей уже в венгерских пенно. Не истраченные Валленбергом 10 000 шведских крон были возвращены «Джойнту» после окончания войны.

Имя не упоминать...

«Не охваченными» допросом 22–23 июля 1947 года оказались два сокамерника Лангфельдера Э.Хилле (впоследствии на свободе давший основные показания о пребывании Валленберга и Лангфельдера в заключении) и Лойда (бывший в камере Лубянки сначала с Лангфельдером, потом с Валленбергом). Вот документ за №3/78258 из тюремного дела Хилле, датированный 10 октября 1947 года. Цитирую: «По указанию зам.министра госбезопасности т.Селивановского нами вызваны из лагеря МВД СССР военнопленные бывшей германской армии Хилле Эргард и Лойда Ганс, которые будут доставлены во Внутреннюю тюрьму МГБ. По прибытии указанных военнопленных прошу принять их в прием арестованных и поставить меня в известность. Начальник 4 отдела 3 Главного управления контрразведки МГБ полковник Карташов». На документе имеются пометки: «Лойда прибыл 16/1-48 и убит в Лефортовскую тюрьму». Хилле был доставлен 31 января 1948 года. Тем же днем датировано другое распоряжение Карташова начальникам Лубянской и Лефортовской тюрем: «Доставленного в прием арестованных военнопленного Хилле прошу направить в Лефортовскую тюрьму МГБ СССР, где поместить в камеру № 92 к Пелконен и зачислить на паек военнопленных».

Хилле и Лойду ждали допросы и запрет на упоминание имени Валленберга. Лойда проговорился об этом своему следующему сокамернику Г.Гофштеттеру.

В августе – сентябре 1947 года на допрос к Копелянскому вызывались те, кто находился в одиночных камерах с июля: Хубер, Штагель, Кичман.

Следующий «раунд» допросов – февраль 1948 года: Хубер, Штагель, Кичман (всех допрашивает следователь Соловов), глава секции советских интересов в шведском посольстве в Будапеште Гросгейм-Крысько (следователь Асинкритов). Сотрудники МГБ явно организуют что-то, связанное с Валленбергом или Венгрией: ведь единственное, что объединяет этих заключенных, – то, что они были сокамерниками Валленберга и Ланг-

фельдера, а Гросгейм-Крысько знал Валленберга в Будапеште и работал с ним в посольстве.

Судьба сокамерников

Новый «тур» допросов сокамерников Валленберга и Лангфельдера начался в марте 1950 года, когда дела военнопленных стали готовить к рассмотрению Особым совещанием. В марте – апреле следователь Соловов (теперь он уже помощник начальника отделения следотдела 2 ГУ МГБ СССР) вызывает на допросы Хубера, Пелконена, Хилле, Кичмана.

Особенно интенсивно Соловов допрашивал Хилле; последний настолько был истощен в ходе допросов, что его пришлось освидетельствовать врачу санчасти Бутырской тюрьмы. Тот же Борис Алексеевич Соловов подписывал направление во Владимирскую тюрьму Пелконена, Хилле, Кичмана, Штагеля. Подпись Соловова имеется и в документах Гросгейма-Крысько, датированных 1951 годом.

Дела Пелконена, Лойды, Хилле рассматривались ОСО при МГБ СССР в один день, 14 апреля 1951 года. Приговор стандартен: «Заключить в тюрьму сроком на двадцать пять лет». У каждого из осужденных значится: «Поместить в одиночную камеру со строгой изоляцией». По дороге в тюрьму все трое должны были быть изолированы друг от друга.

Хубера осуждают позже, 28 апреля 1951 года. У него в документах проставлено: «Поместить в одиночную камеру, со строгой изоляцией, главным образом от заключенных Лойда Ганса, 1910 г/р, Пелконен Эро Даниловича, 1922 г/р, Хилле Пауля-Эргарда, 1913 г/р».

Рихтера направляют во Владимирскую тюрьму лишь 18 марта 1952 года. У него значится: «Содержать его в условиях строгой изоляции, лишив общения с другими заключенными и переписки».

«Советский закон» во Владимирке

Некоторое время все бывшие сокамерники Валленберга и Лангфельдера действительно находились в одиночном заключении. Условия содержания в тюрьме были таковы, что Хилле пишет начальнику тюрьмы Журавлеву следующее заявление: «А если существует намерение меня дальше без конца в теперешний условия держать, тогда я прошу, меня застрелить. Я знаю, что Советский закон не знает смертной казни, но я прошу в таком случае для меня сделать исключение...» (орфография оригинала).

Через несколько месяцев ситуация меняется: Хилле помещают к Пелконену, Рихтер находится с

Кичманом, Лойда с Гофштеттером. Только Хубера подсаживают к сумасшедшему мексиканцу-коммунисту Вадилью, который находился в советских лагерях и тюрьмах с 30-х годов. Похоже, кто-то внимательно следил за тем, чтобы информация о Валленберге не вышла за пределы круга тех, кто о нем и так знал: потрясший рассудок Вадилью, разумеется, не в счет. Лишь в июле 1954 года следует распоряжение поместить заключенных в общие камеры, где содержатся по 10–13 человек. Впоследствии все выжившие репатриировались в Германию.

Виноваты американцы

В 1959 году ФБР получило следующую информацию от венгерского эмигранта: «В начале 1952 года советские сотрудники начали интенсивную кампанию преследования евреев. Все евреи были смещены с важных постов в Будапеште и в феврале 1952 года примерно 500 евреев было арестовано венгерской службой безопасности. Источник (информации) полагает, что советские следователи хотели доказать, что Валленберг был американским шпионом и что американцы ответственны за его исчезновение».

Это сообщение не единично. Более развернутую версию дал в 1987 году английский журнал «Форин рипорт»: «До смерти Сталина в марте 1953 года следователи во главе с полковником Н.Абрасимовым, высокопоставленным советским «советником» секретной венгерской полиции, заставили «сознаться» сотни людей. Источник информации, занимавший в то время высокий пост в венгерской службе безопасности, процитировал Абрасимова: «Для нас и для вас наиболее важно получить адекватные доказательства, подтвержденные показаниями, что Рауль Валленберг был американским агентом». Множество таких «показаний» было получено. В них говорилось, что Валленберг в действительности хотел спасти только влиятельных евреев, которые могли бы служить (в дальнейшем) агентами «капиталистического Запада»...

Из-за смерти Сталина процесс не состоялся. Приехавшая из Москвы новая комиссия сотрудников госбезопасности начала опрос людей, дававших «показания», для того чтобы выяснить, чем занимались полковник Абрасимов и его команда.

Был ли жив Валленберг во время подготовки показательного процесса над ним? Или цель запланированного процесса заключалась в том, чтобы продемонстрировать, что американцы виноваты в его аресте и смерти? Пока что приходится только гадать.

Ночь с шаманами

Леонид Млечин

Это было странное обручение. Через сорок девять дней должна была последовать свадьба. Но присутствовавшие не испытывали обычной радости. Только облегчение.

Молодых людей соединили навеки не ради совместной жизни. Все знали, что у этой пары не будет ни детей, ни общего дома. Молодые присутствовали на церемонии, устроенной в их честь, лишь фотографиями с траурной лентой.

Это было обручение мертвых.

Свадьба духов

При жизни обручившиеся не были даже знакомы. Они встретились единожды — в самолете. Она стюардесса, он пассажир.

Самолет, на котором они летели, потерпел катастрофу. Океан поглотил самолет и всех пассажиров.

Горе родных усугублялось тем, что погибших не удалось даже похоронить. По древним корейским поверьям, если умерший был лишен положенного каждому живущему — семьи, детей, достойного погребения, то его несчастный дух вернется на землю и будет преследовать семью.

И тогда отец молодого человека попросил служащих корейской авиакомпании помочь семье и избавиться дух сына от вечных страданий. Семья побиблей стюардессы согласилась на брак духов.

Я внимательно наблюдал за родителями погибших. Это не были необразованные или суеверные люди. Напротив, современные пары, преуспевающие, из Сеула. Настоящие новые корейцы, такие, какими хотел видеть своих сограждан президент Пак Чжон Хи, превративший Южную Корею из аграрной в индустриальную страну.

Но, изменившись внешне, внутренне корейцы остались теми же. Среди прочего они сохранили и веру в своих древних богов и в шаманов. Паку бы не понравилась церемония, на которой я побывал. Скорее всего, он бы ее запретил. Он презирал шаманов как олицетворение старой Кореи.

Пак Чжон Хи, который был президентом шестнадцать лет, полагал, что «примитивное идолопоклонство» только мешает модернизации страны.

Впрочем, власть никогда не любила шаманов, предпочитая

Отчет о мистерии с танцами, музыкой и спиритическими сеансами, в которой участвовал корреспондент «НВ»

Древний рисунок: шаман исполняет обряд в сопровождении двух музыкантов

язычеству другие религии, проникавшие в Корею.

Христианство высмеивало шаманов, буддизм не принимал их всерьез, конфуцианство подавляло. Но шаманы выжили.

Шаманов спасли женщины

Женщинам не разрешалось участвовать в общественной жизни и даже в конфуцианских обрядах; их жизнь была ограничена домом. За помощью и советом они могли обратиться только к шаманам.

Переезд в новый дом мог состояться только после умиротворения Духа Балки Крыши, который предпочитал рис, вино и фрукты. Если в доме случалось несчастье, следовало предположить, что Дух Балки Крыши чем-то недоволен.

Деревенским шаманам платили рисом после сбора нового урожая. Каждая семья вносила свою долю. Особые услуги оплачивались отдельно, например помощь бесплодным женщинам: отсутствие детей — самое большое горе для корейской семьи.

Но главным образом крестьяне просили дождя. Такие обряды могли продолжаться несколько дней. Шаманы пели и танцевали под иконой, изображавшей Дракона Дождя.

В начале века шаманство чуть было совсем не искоренили. Раз Корею включили в состав Японской империи, то и молиться следовало японским богам. Но насаждение синто не вытеснило любовь к старым богам. Обряды проводили тайно, чтобы не узнали ни японцы, ни свои корейцы, служившие колонизаторам.

После 1945 года на Севере всякая религия была запреще-

Один из военных духов — Генерал на белом коне

на. На Юге первый президент Ли Сын Ман принял христианство и религией предков не интересовался.

Во времена Пак Чжон Хи в Сеуле собравшихся послушать шамана разогнала полиция. Правда, деревенские полицейские — вдалеке от начальства — не рисковали вступать в противоборство с древними и грозными врагами. И оказались правы: шаманы продолжают существовать. Теперь за шаманами больше никто не гоняется. Древние верования неохотно признаются частью культурного наследия.

О чем попросить Бабушку?

Окружающий мир полон бесчисленным количеством духов, добрых и злых. Добрых следует призывать на помощь, злых — отгонять или умастить.

Шаманы, достигшие высшего искусства, именуется «мансин» — то есть «десять тысяч духов». Это означает, что шаман обладает способностью вызывать множество духов, которые откликаются на бой барабанов или требуют изощренных заклинаний и изысканных подношений.

У каждого шамана есть своя «специальность» — те или иные духи, которых он (чаще она, многие шаманы — женщины) предпочитает вызывать. Полный обряд продолжается целый день, но многие из современных шаманов способны выдержать такую нагрузку.

В Сеуле действует строгий закон о борьбе с шумом, и все обряды должны проводиться от восхода до захода солнца. Но на самом деле общение с духами должно проходить ночью. Меня и пригласили на ночную встречу с духами подалеке от Сеула.

На алтаре стояли изображения духов, схожие по манере исполнения с православными иконами, сладкие рисовые лепешки, ломтики дыни и яблок, клубника, бананы, корейские сладости, бумажные цветы, зажженные свечи. Пахло благовониями.

Шаману ассистировали несколько музыкантов. Речитатив, музыка и танцы призывали нужного духа.

Во время первой части обряда присутствовавшие просили об исполнении желаний. Можно попросить Духа Математики помочь сыну сдать экзамен в университет, Бабушку Рождения — об облегчении родов.

Во время второй части вызываются духи предков. Иногда блуждающие в ином мире духи настроены благодушно и только заставляют шаманов передать семье свои советы и пожелания.

Иногда духи бывают разгневаны.

Мансин заплакала. Дедушка одной из женщин, заказавших ритуал, жаловался на то, что его родственники плохо ухаживают за его могилой, а в день поминовения усопших не поставили перед алтарем его любимое блюдо. Женщина покорно слушала злые слова, срывающиеся с губ мансин, но принадлежавшие на самом деле ее дедушке.

Рассыпанное просо должно было несколько успокоить этого блуждающего духа. Женщина кланялась и клала на алтарь все новые мисочки с праздничной едой, чтобы дух отведать угощения.

Во время третьей части вызыва-

Икона с изображением семи божеств

лись военные духи, которые должны были прогнать духов злых, причиняющих страдания семьям, заказавшим обряд.

Мансин дико тряслась, вызывая Генерала верхом на ноже, Генерала на рыжем коне, Генерала на белом коне и Огненного генерала. Когда обряд закончился, мансин без сил опустилась на землю. Шаманы часто доводят себя до изнеможения. Для них все это часто заканчивается шизофренией.

Проводы души

На следующий день было устроено самое главное представление — ритуал в честь умерших.

Эти ритуалы сформировались под сильным влиянием буддизма, который в Китае, Корее и Японии взял на себя основное бремя заботы о душах умерших. Но ша-

манские красочные представления несравнимы с обычными буддийскими похоронами, когда группа монахов нараспев читает сутры.

В шестом веке в Китае возник обычай проводов души. Важнее всего были первые сорок девять дней после смерти. Семь, как известно, счастливое число. Семью семь дней — это время, когда решается судьба души в ином мире. Решающая роль принадлежит карме (судьбе, божественному предопределению), но и оставшиеся на земле кое-что могут сделать для своего ушедшего родственника.

Больше всего корейцы боялись духов людей, умерших насильственной смертью, а также духов незамужних и бездетных женщин, потому что они могли отобрать мужа или детей у живущих. Если кто-то тонул или попадался в лапы тигру или если умирала одинокая женщина, соседи немедленно звали шаманов.

Шаманов приглашают для того, чтобы, во-первых, защитить дом и семью от злого влияния смерти и, во-вторых, помочь ушедшей в мир иной душе достичь умиротворения в загробной жизни.

Это очень дорогая церемония, потому что требует участия большого количества музыкантов и танцовщиц, а также обильного угощения — отдельные столы выставляются Королю Ада, Будде, Духу Вершины Горы. А поодаль столы для нечистых духов и голодных духов. И тех и других нужно как следует умастить.

Голодных духов шаманы позаимствовали из буддизма: эти несчастные не могут есть — у них горло сужено до размеров булавки. Когда голодный дух вселяется в мансин, она набрасывается на пищу, набивая рот всем, что попадает ей на глаза, а потом выплевывает, потому что не может ничего проглотить.

Свиная голова для посланца ада

Все началось с очищения пространства вокруг алтаря, а затем и очищения самого алтаря огнем и водой.

Одежда умершего была разложена возле алтаря — для того чтобы вызвать его дух. Мансин, пританцовывая, подхватила одежду и стала ею размахивать, постепенно в нее заворачиваясь — по мере того как вселялся дух.

Затем мансин начала другой танец. Вокруг головы у нее появились полоски белой материи, в правой руке — чистый лист бумаги, в левой — колокольчик. Это означало, что в мансин вселился посланник Короля Ада, который пытался разрушить алтарь и уне-

сти дух умершего человека прямо в ад.

Для спасения духа нужно было заставить посланца Короля Ада сесть за стол для нечистых духов, на котором выставлены свиная голова, очищенная фасоль, лук и рисовые лепешки.

Следующая сцена — обращение к Проводнице в Рай, седьмой дочери старинного императора, которая способна оживить и спасти родителей.

Мансин накрыла небольшую кучку риса куском ткани и поставила коротенькую свечу. Когда свеча догорела, мансин подняла ткань, чтобы увидеть следы, оставленные духом.

Если они похожи на следы птичьих лапок или крыльев бабочки, значит, душа готова к вознесению из ада в рай. Если след похож на змеинный, значит, душа еще не готова к вознесению. Хуже всего отсутствие следов — значит, душа в смятении, бесцельно бродит по аду и может принести несчастья семье, которая так плохо заботится об умершем.

Основной танец казался мне, непосвященному, совершенно непонятным. Мансин совершала какие-то круги. В руках у нее были ножи, она как будто что-то резала. Мне объяснили, что она должна открыть душе ворота, через которые душа вознесется в рай. Когда помощник шамана сжег бумажное изображение умершего, это означало, что обряд закончен, умерший человек превратился в дух.

Во время танца родственники постоянно бросали деньги под ноги мансин. Считается, что ад полон чиновников, которые столь же алчны, как и в жизни, и их нужно умастить, чтобы они отпустили душу.

Когда все закончилось, совершенно обессиленная мансин поблагодарила всех духов, которые присутствовали во время обряда и пожелала им приятного путешествия назад, туда, где они обитают. Затем музыканты и танцовщицы набросились на еду, принесенную родственниками умершего.

Мы подождали, пока мансин отдохнет, потом подошли к ней. Это оказалась мать большого семейства, которая осталась без мужа в результате несчастного случая. Когда ее муж погиб, она почувствовала в себе способность вызывать духов и беседовать с ними.

К ней постоянно обращаются женщины, у которых есть проблемы: больные дети, грубые мужья, злые свекрови.

«Врачи видят в людях больных, а надо видеть людей», — сказала мансин.

Она выполняет роль психолога для тех, кто не может или не хочет обращаться к такого рода врачам. Берет она очень мало, особенно с тех, кто находится в трудном материальном положении.

Развлечение или вера?

Шаманские ритуалы — больше развлечение, чем искренняя вера. Современная агротехника позволяет получать неизменно прекрасные урожаи и без вмешательства высшей силы.

Прежде было совершенно очевидно, что странные звуки на чердаке или соломенной крыше могли означать только присутствие Духа Балки Крыши, которого следовало улаживать подношениями еды и питья.

Но перемены в архитектуре нанесли смертельный удар по домашним духам, которые не могут найти себе места в современной, хорошо освещенной квартире без чердака и соломенной крыши. Дощатый туалет на улице уступил место канализации — и с ним погиб Дух Туалета.

Корея унаследовала от китайской древней космологии перечень «хороших» и «плохих» направлений: в определенные дни злые духи мешали передвигаться в ту или иную сторону.

Вся система была основана на лунном календаре. В первый и второй дни декады не рекомендовалось передвигаться в восточном направлении. Поездки на юг следовало избегать в третий и четвертый дни. Не стоило затевать поездку на запад в пятый и шестой дни. Седьмой и восьмой не годились для путешествия на север. Только девятый и десятый дни были абсолютно безопасны.

Но если кто-то из современных горожан и научился в школе, как легко определять стороны света, то ему все равно не заставить метро свернуть в другой тоннель.

И женщины рожают теперь только в больницах, под наблюдением врачей, а не шаманов, и Бабушка Рождения, которой следовало выставлять угощение три дня подряд, осталась без дела.

Тем не менее шаманство вполне вписалось в современную

Проведя ночь с шаманом, корреспондент «НВ» решил на всякий случай продемонстрировать всемерное уважение всем корейским богам

жизнь Южной Кореи и превращается в туристическую достопримечательность.

На горе Самгак в Сеуле приносят в жертву живых цыплят и огромных свиней, которые продаются на многочисленных сеульских рынках, в том числе и в самом центре города.

Даже христианские священники в Корее что-то унаследовали от шаманства, особенно протестантские пасторы, которые в случае недуга уповают не столько на медицину, сколько на лечение «верой», и прописывают больным некие ритуалы, больше похожие на языческие, чем на христианские.

Иногда корейкам, как это происходило и в давние времена, легче обратиться к женщине-шаманке, чем к мужчине-пастору. Так что шаманы еще не скоро останутся без дела.

Билет в одну сторону

Граждане и
«соотечественники»:

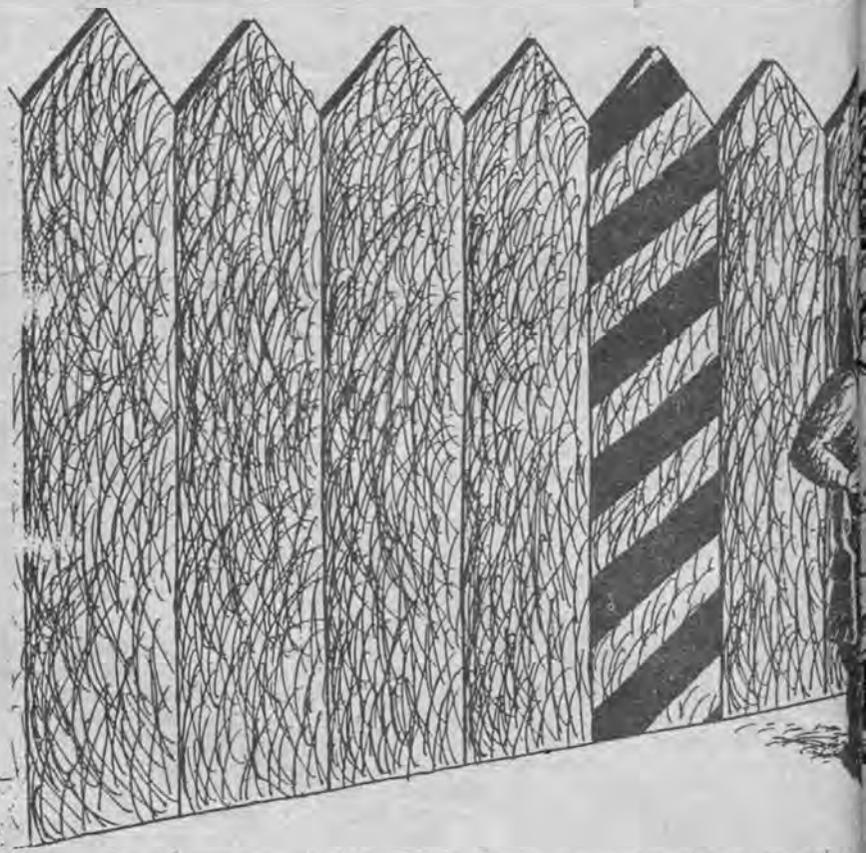
**Закон о «Гражданстве»
не устраивает никого:
ни «лишенцев»,
ни «невозвращенцев»,
ни россиян ближнего
зарубежья**

Кронид Любарский

В декабре 1990 года Борис Ельцин — тогда еще председатель Верховного Совета России — обратился с волнующим посланием к «соотечественникам за рубежом». «До сих пор, — говорил Ельцин, — в душах многих уехавших за рубеж моих сограждан живет горечь совершенной по отношению к ним несправедливости, не затихает боль. Ведь, покидая Россию, они имели право получить билет только в одну сторону, а народу предписывалось считать их своими злейшими врагами».

Б.Ельцин твердо пообещал эту несправедливость исправить: «Мы исходим из убеждения: Россия — для россиян, где бы они ни жили, к какой бы национальности ни принадлежали. И это не просто красивые слова. В ближайшее время будет учрежден институт двойного гражданства. Соответствующие статьи войдут в закон «О гражданстве в России». Наши зарубежные соотечественники будут обладать всей полнотой прав и ответственности на территории Российской республики, а желающие смогут вернуться».

С тех пор много воды утекло — за два года в стране произошли радикальные изменения, казалось бы, снявшие последние препятствия для решения проблемы «со-

отечественников за рубежом». Тем не менее проблема не только не решена, но и резко обострилась. Она превратилась в бомбу замедленного действия, которая может быть и наверняка будет использована противниками президентского курса реформ как инструмент для дестабилизации положения в стране.

Два события обусловили это резкое ухудшение ситуации. Они несоизмеримы по своей исторической значимости, но в отношении вопроса, который мы обсуждаем, оказались тесно связанными.

Первое событие — это развал Советского Союза. В результате «за рубежом» России неожиданно оказалось дополнительно около 25 миллионов россиян (по некоторым оценкам, даже до 30 миллионов). Проблема «соотечественников» долгое время казалась второстепенной, хотя она и раньше затрагивала интересы очень большого количества людей. Теперь же важность вопроса ясна каждому.

Дело тут не только в резком увеличении числа заинтересованных лиц. Новые «соотечественники» за новыми рубежами во многих случаях оказались в положении нежелательных иностранцев, «мигрантов», «оккупантов». Именно с ними связана внешне возникшая и приобретающая чрезвычайно острый, взрывоопасный характер проблема защиты прав «русскоязычного

Кронид Любарский, бывший астрофизик, бывший политзаключенный. Пять лет отсидел в Мордовских лагерях и Владимирской тюрьме. Составитель списков политзаключенных, издатель бюллетеня «Вести из СССР». Под угрозой нового ареста был вынужден в 1977 году эмигрировать из СССР. С тех пор выпускол в Мюнхене журнал «Страна и мир». С 1993 года — член редколлегии «Нового времени».

меньшинства». Именно они составляют львиную долю беженцев, стекающихся сейчас со всех сторон в Россию. Ясно, что число регионов, где проблема «соотечественников» ближнего зарубежья актуальна, будет только увеличиваться.

Второе событие — это принятие Верховным Советом России закона

лионы и даже не тысячи — а единицы.

Это касается не только «соотечественников» дальнего зарубежья, которых столь модно сейчас обвинять в эгоизме и нежелании разделить с родиной ее горькую судьбу. По сообщению «Литгазеты» в июне 1992 года, к тому времени даже в раздираемом бедами ближнем зарубежье гражданином России стал лишь один ныне судимый в Риге Сергей Парфенов. Добиться этого удалось лишь ценой невероятных усилий. С тех пор ситуация мало изменилась — новых граждан можно перечислять на пальцах. В ноябре прошлого года российский паспорт был выписан находящемуся в вильнюсской тюрьме «интерфронтовцу» Валерию Иванову. Но неужели надо сесть, чтобы стать гражданином России?

В чем тут дело? Только ли в «технических» причинах: нет достаточного количества бланков паспортов нового образца, с запозданием на несколько месяцев разработана инструкция по применению закона, в странах ближнего зарубежья еще не открыты российские консульства, которые должны заниматься оформлением гражданства?

Частично и поэтому, но это горе — еще не беда. Рано или поздно бюрократическая телега доедет до места. Нужно будет только совершить операцию, которая на юридическом языке называется «восстановлением пропущенных сроков». Дело в том, что закон дает многим категориям «соотечественников» всего лишь год на то, чтобы решить, хотят они или нет приобретать российское гражданство. Бюрократические задержки украли у них большую часть этого года. Это время им надо вернуть (например, отсчитывать срок со дня открытия российского консульства в бывшей союзной республике). Такие проблемы могут быть решены «в рабочем порядке».

К сожалению, дело не только в этом. Даже после ликвидации «тех-

нических» причин ситуация существенно не изменится. Дело здесь в органических пороках закона «О гражданстве Российской Федерации».

Я, как, наверное, и большинство российских граждан, не очень высокого мнения о приверженности нынешнего российского парламента демократическим институтам цивилизованного общества. Но в данном случае у меня нет оснований подозревать Верховный Совет в нежелании принять закон, соответствующий современным международным нормам. Как раз наоборот: я уверен, что закон «О гражданстве» был вершиной демократических усилий российского парламента, предпринятых на послевзвустовской волне энтузиазма. И если он не получился таким, каким ему следовало бы быть, то дело тут скорее не в нежелании, а в неумении.

Я хочу проанализировать закон «О гражданстве» вовсе не для того, чтобы лишний раз лягнуть законодателя. Я намерен не только указать на органические пороки закона, но и предложить конкретные способы их устранения.

Нет причин, по которым закон не может быть исправлен. Основания же, по которым это должно быть сделано, очевидны. Недолгий наш опыт посткоммунистического законодательства ясно продемонстрировал, к каким разрушительным последствиям может привести непрофессионально подготовленный закон, сколь бы благими намерениями ни руководствовался законодатель. Последний убедительный пример — закон «О реабилитации репрессированных народов», принесший на территорию Российской Федерации первую полномасштабную войну.

«Соотечественники», чьи перспективы стать гражданами обсуждаются в данной статье, могут быть разделены на три большие группы:

во-первых, бывшие российские граждане, проживающие в дальнем зарубежье и коллективно или инди-

«О гражданстве Российской Федерации». Закон был принят 28 ноября 1991 года, когда Советский Союз еще существовал, но вступил в силу только со дня его опубликования, 6 февраля 1992 года. Судьбоносные события, которые произошли за два с небольшим месяца, протекшие между этими двумя датами, закон не учитывает.

Прежде всего надо подчеркнуть, что по замыслу своему это очень хороший, демократический закон. В нем впервые в новейшей российской истории провозглашено, что гражданин России никогда, ни при каких условиях не может быть лишен своего гражданства. Закон открывает возможность возвращения в российское гражданство всем россиянам диаспоры и их потомкам, которых бури революции и войн разметали по земному шару. Казалось бы, обещание, данное Ельциным в его обращении к «соотечественникам», выполняется.

Закон не сработал

Увы, за без малого год, истекший после вступления закона «О гражданстве» в силу, гражданами России из числа «соотечественников» стали вовсе не ожидавшиеся мил-

Философ Александр Зиновьев, писатель Владимир Максимов, биолог Жорес Медведев. В 1990 году им специальным указом Горбачева вернули советское гражданство. Шаг достойный — но почему им, а не всем?

Рожденный в Латвии бывший омоневец Сергей Парфенов. Ему, как и литовскому «интерфронтовцу» Валерию Иванову, уже вручили российский паспорт. Неужели, чтобы стать гражданином России, надо сначала сесть в тюрьму?

видуально лишены своего гражданства против их воли;

во-вторых, все прочие «соотечественники» дальнего зарубежья;

и в-третьих, «соотечественники», проживающие в ближнем зарубежье.

Юридические проблемы, связанные с этими тремя категориями «соотечественников», совершенно различны. Реальные ситуации, в которых они находятся, — тоже.

Будем рассматривать эти проблемы по мере возрастания их сложности и начнем с самого легкого — с «лишенцев».

«Лишенцы»

Согласно части 2 статьи 20 закона «О гражданстве Российской Федерации» «считаются восстановленными в гражданстве», если они сами от него не откажутся, «бывшие граждане Российской Федерации; лишены гражданства без их свободного волеизъявления на основании утратившего силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1967 года № 818 либо на основании иных указов Президиума Верховного Совета СССР».

Указ 1967 года, о котором тут идет речь, — это печально известный ныне указ, согласно которому выезжавшие по так называемой «израильской визе» лица считались «выбывшими из советского гражданства с момента их выезда из СССР». Указ этот впервые в постсталинское время вводил понятие коллективной вины, и не мудрено, что само его существование тщательно скрывалось. Опубликован он был только в феврале 1991 года в соответствии с заключением Комитета конституционного надзора СССР.

Антисемитский по своей природе (ведь немцы, выезжавшие на постоянное жительство в ФРГ, или армяне — в США, советского гражданства не лишались!), указ этот использовался также и как орудие борьбы с инакомыслием: по «израильскому каналу» выдавливались из страны диссиденты всех национальностей — русские и узбеки, литовцы и украинцы, которые затем оседали едва ли не во всех странах мира. Ведь «выездная» виза в Израиль вовсе не означала обязанности для человека направляться именно туда. Ехали не «куда», а «откуда».

Действие этого указа было прекращено с 1 июля 1991 года. Те, кто выехал «по израильскому каналу» после этой даты, советского, а потом и российского гражданства уже не лишались. Однако обратной силы отмене этого указа придано не было, потребовалось принятие закона «О гражданстве», чтобы жертвам указа гражданство было возвращено.

В статье закона, говорящей о восстановлении гражданства, упоминаются также «иные указы Президиума Верховного Совета СССР». Здесь имеются в виду, очевидно, «индивидуальные» указы, которыми отдельные лица лишались гражданства за их реальные или воображаемые действия, «несовместимые с высоким званием гражданина СССР». В отличие от указа 1967 года, который с самого начала был антиконституционен (Конституция СССР «коллективного» лишения гражданства в то время не предусматривала), «индивидуальные» указы Конституции формально не противоречили. Эти указы частично были отменены еще Горбачевым (примерно для 30 человек, причем принцип, по которому

отбирали именно их, совершенно не ясен). Теперь закон «О гражданстве» завершил восстановление справедливости в отношении и этой группы лиц.

Изгнанники первого призыва

К сожалению, историческая память у законодателя оказалась коротка, иначе в соответствующем пункте закона упоминались бы не только указы ПВС СССР, но и законодательные акты, принятые иными властными органами СССР (например, ЦИК), а также РСФСР (до образования Союза).

Советское государство приступило к массовому лишению гражданства целых категорий своих «подданных» едва ли не с самого начала своего существования.

По-видимому, первым направленным на это законом был закон РСФСР от 15 декабря 1921 года, который объявлял лишенными гражданства сразу несколько обширных категорий лиц. Среди них лица, «выехавшие из России после 7 ноября 1917 года без разрешения органов власти»; служившие в Белой армии или участники «контрреволюционных» организаций; лица, которые, проживая за границей, не зарегистрировались в 5-летний срок в представительствах РСФСР, и другие. Заметим здесь, что последнее перечисленное правовое новшество было почти через 70 лет повторено в «горбачевском» союзном законе

Новых иммигрантов из России в Израиле встречают тепло. Сейчас это люди с двойным гражданством. До 1991 года выезжавших «по израильскому каналу» советского гражданства лишали

«О гражданстве». Даже 5-летний срок уклонения от регистрации был словно скопирован из 1921 года!

Затем был создан «нерушимый Союз», и 29 октября 1924 года появилось принятое ЦИК за подписью М.Калинина «Положение о союзном гражданстве». «Положение» подтвердило, что названный российский закон 1921 года остается в силе. Кроме того, отдельным пунктом лишались гражданства нынешние и будущие невозвращенцы — те, которые, «выехав за пределы территории Союза ССР... не возвратились или не возвратятся по требованию соответствующих органов власти».

Я не знаю, были ли изданы какие-либо формальные акты о лишении гражданства при административной высылке в 1922 году за рубеж более чем ста выдающихся представителей российской интеллигенции (в их числе Н.Бердяев, П.Сорокин, С.Булгаков, Ю.Айхенвальд, Л.Карсавин, Ф.Степун, М.Осоргин и многие другие). Подозреваю, что нет. Об этом, видимо, просто забыли, как забыли позднее, в брежневские времена, лишить гражданства при высылке В.Буковского. Однако, хотя по ленинскому декрету об административной высылке от 10 августа 1922 года срок возможной высылки за рубеж ограничивался тремя годами, устно высылкаемым «было разъяснено», что эта высылка — навсегда. Юрист по образованию, М.Осоргин melancholically замечает, что это было сделано «не по закону».

В соответствии с «практикой» закон был приведен лишь 13 августа 1926 года: постановлением ЦИК и СНК СССР в качестве одной из кар за «контрреволюционные преступления» было введено «объявление

Закон о гражданстве Германского рейха в 1935 году признавал гражданами Германии лишь лиц «германской или родственной крови». В 1952 году Верховный суд ФРГ признал, что с самого начала этот акт был лишен всяких качеств закона. В России до таких высот правосознания еще не дошли

врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда».

Вспомнив все это, логично было бы расширить формулу части 2 статьи 20 закона «О гражданстве Российской Федерации» так, чтобы она автоматически включала в себя перечисленные выше и иные возможные случаи. К этому наших законодателей обязывает принятый ими еще ранее закон «О реабилитации жертв политических репрессий». Статья 14 этого закона восстанавливает в российском гражданстве всех «лишенных гражданства без их свободного волеизъявления». В ней лишь не указывается процедура восстановления — сделать это как раз и призван закон «О гражданстве».

И не нужно ссылаться на то, что почти все жертвы этих забытых законов ушли в мир иной. Во-первых, все-таки не все. Кое-кто дожил и до наших дней и восстановление справедливости будет для него хоть и запоздалым, но подарком. Во-вторых, в добром здравии находятся их дети, разделившие с ними судьбу. Хотя бы на первое поколение потомков изгнанников восстановление гражданства должно быть тоже распространено. В-третьих, закон, восстанавливающий справедливость, помимо узко практического имеет еще и символическое, воспитывающее значение. Не случайно закон «О реабилитации жертв политических репрессий» ведет счет этих жертв с 7 ноября 1917 года.

Пожалуй, у Страны Советов был только один конкурент по части массового лишения гражданства. Разумеется, это нацистская Германия. Закон о гражданстве Германского рейха от 15 сентября 1935 года (один

из так называемых «нюрнбергских законов») признавал германскими гражданами только лиц «германской или родственной крови». Указ от 25 ноября 1941 года дополнительно объявлял евреев, проживавших за рубежом, лишенными германского гражданства, а их имущество — конфискованным. Это относилось и к вывезенным на Восток в концлагеря (тоже ведь «за рубеж!»).

Расистские законы нацистов были отменены союзнической Верховной администрацией для Германии еще в сентябре 1944 года, но долгое время было неясным, имеет ли эта отмена обратную силу. Проблему эту рассматривал Верховный суд ФРГ в 1952 году (в части конфискации имущества) и в 1962 году (в части лишения гражданства). Было признано, что соответствующие нацистские установления являются «ничтожными» с момента их издания. Суд определил, что ввиду их произвольного характера и «заклоченного в них abus de droit (злоупотребления правом)» акты эти с самого начала были лишены всяких качеств закона.

Нам бы подняться до таких же высот правосознания!

Жизнь надо сломать дважды

Но почему все же лишь единицы из примерно трех четвертей миллиона потенциальных претендентов получили российские паспорта? Ведь и другой возможностью, предоставленной им законом: заявить об отказе от возвращаемого им гражданства, — они тоже не воспользовались!

К сожалению, дело тут в самом законе, а точнее — в ведомственных инструкциях.

10 апреля 1992 года указом президента было утверждено «Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации», где во всех деталях расписана процедура применения закона «О гражданстве». В соответствии с этой инструкцией «лишенцы», которым гражданство закон возвращает, должны тем не менее, прежде чем получить российский паспорт, представить «документ, подтверждающий отсутствие или прекращение иного гражданства».

Требование это попало в инструкцию исключительно в результате административного восторга ее разработчиков. В законе такого требования нет.

Единственная статья закона, которая с натяжкой может быть сюда притянута, — это статья 37, где в части 3 требование об отсутствии иного гражданства предъявляется к лицам, «приобретающим гражданство Российской Федерации». Они обязаны приложить соответствующую бумагу к своему заявлению или ходатайству». Между тем «лишенцам» ходатайствовать не о чем: они уже «считаются восстановленными в гражданстве». Они его не «приобретают», им просто возвращается незаконно отнятое.

Излишнее усердие чиновников, освященное президентским указом, практически свело к нулю восстановление справедливости в отношении многих сотен тысяч бывших российских граждан.

«Лишенцы» оказались в своей нынешней ситуации в результате учиненного над ними беззакония. Они не могли предвидеть неожиданного изменения политической ситуации в России. Большинство их пустило корни в новых странах, получило новое гражданство — лишь единицам решились остаться в двусмысленном положении «беженцев». У многих за рубежом родились и выросли дети.

Теперь их «реабилитировали». Но в обмен на реабилитацию им предлагают сломать жизнь еще раз.

Но дело не только в этом. Большинство «лишенцев» не могут отказаться от нового гражданства.

Наиболее яркий пример — это выехавшие в Израиль. Всего в эту страну из бывшего Советского Союза с момента провозглашения Государства Израиль выехало около 500 тысяч человек (прочие выехавшие по «израильским визам» направлялись в другие страны), из них подавляющее большинство — после 1967 года, когда их начали по указу лишать гражданства. Видимо, около половины или несколько меньше из этого числа — бывшие граждане Российской Федерации.

Теперь им гражданство возвращено, однако российский паспорта им никто не выдает. Ибо в соответствии

Владимир Буковский. Еще один человек, которому недавно «вернули» российское гражданство. Российский посол в Лондоне вручил ему за чашкой чая советский паспорт. Впрочем, когда Буковского выслали, гражданства его просто забыли лишить

с израильским законодательством они не имеют возможности отказаться от своего нового гражданства. По закону 1952 года израильское гражданство предоставляется иммигранту по прибытии в страну автоматически. А отказа или выхода из гражданства закон вообще не предусматривает (только в течение первых трех месяцев после прибытия в страну новый иммигрант еще может изменить свое решение).

Коллизия эта некоторое время назад получила громкую известность в связи с делом д-ра Д.Бройде-Трешпера (Антонова), сына Леопольда Трешпера, героя антифашистского Сопротивления — члена знаменитой «Красной капеллы». Д.Бройде-Трешпер, получив в 1971 году по приезде из СССР в Израиль гражданство этой страны, через год по веским для него причинам решил от него отказаться. Просьба Д.Бройде-Трешпера, живущего ныне в ФРГ, не удовлетворена до сих пор — вот уже 20 лет! — невзирая на предпринятые им отчаянные усилия, вплоть до голодовок.

Аналогичная ситуация, когда выход из гражданства невозможен или сильно затруднен, существует и в других странах.

Но ведь «лишенцам» родина возвращена не только законом «О гражданстве», но и законом «О реабилитации». Реабилитация — это извинение государства перед гражданином, признание собственной вины, а то и преступления. Теперь же оказывается, что государство готово признать вину перед гражданином только в зависимости от того, как в дальнейшем сложилась судьба последнего. Что прикажете думать о таком государстве?

Ситуация становится совершенно абсурдной, если вспомнить, что с июля 1991 года уезжающие в Израиль сохраняют свое российское гражданство, приобретая при этом и израильское. Более того, для получения израильского гражданства необязательно туда даже переселяться. Российские газеты недавно оживленно обсуждали получение израильско-

го паспорта Геннадием Хазановым, ненадолго съездившим в эту страну. Теперь замечательный артист — обладатель двух паспортов. Однако то, что доступно Хазанову, не доступно тысячам других — и только потому, что они в свое время подверглись незаконным репрессиям.

Вот пример того, какие возмутительные вещи могут твориться со ссылкой на закон, который был задуман как предельно демократический. Бывший доцент Делийского университета А.Есаулов, потомок декабриста И.Поджою, а по другой линии — народолюбца М.Тригопи, уехавший с родителями в Индию в 1920 году и лишенный гражданства, вероятно, по закону 1921 года, пишет Б.Ельцину: «Скоро мне исполнится 80 лет, жить осталось недолго, все острее и мучительнее хочется вернуться...» «Литгазета», опубликовавшая это письмо, сообщает, что российское гражданство А.Есаулову возвращено, «но от индийского гражданства ему придется отказаться». Неужели же никому в Комиссии по вопросам гражданства при президенте России так-таки и не стыдно?

Интересно, предлагали ли отказаться от американского гражданства Мстиславу Ростроповичу?

Естественно, самым разумным способом исправить эту постыдную ситуацию было бы полное устранение из закона требований об отказе от гражданства (ниже я опишу, почему это было бы справедливо не только для «лишенцев»). Но я не настолько уверен в высоких душевных качествах нашего парламента, чтобы надеяться на такой его радикальный шаг. Поэтому в части «лишенцев» я предложил бы по крайней мере исправить в этом злосчастном пункте инструкцию для чиновников, благо инструкция — не закон, и поправка может быть сделана росчерком пера. Но, чтобы уж совсем устранить возможность неправильного толкования, часть 3 статьи 37 закона «О гражданстве» (ту, где речь идет о необходимости отказа от иного гражданства) надо дополнить короткой оговоркой: «за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 20 настоящего закона» (о реабилитации «лишенцев»).

Когда эта статья была уже написана, стало известно, что несколько комитетов Верховного Совета России намерены предложить поправку к закону «О гражданстве», в частности — выбросить из закона требования об отказе от иного гражданства. И хотя от предложений до их принятия — дистанция огромного размера, давайте постучим по дереву...

МЮНХЕН

Рисунок Аркадия Гурского
(Продолжение следует)

С нашим братом можно не церемониться

Павел Гутионтов

Я готов понять, что Аркадию Ивановичу Вольскому крайне не понравилось то, что написал в своей газете токийский корреспондент «Известий» Сергей Агафонов. Журналист пересказал сообщение японского информационного агентства, взявшего интервью у Вольского. Вольский согласно сообщению поделился своими планами реформирования российского правительства. Шум был знатный. В результате президент Ельцин прервал официальный визит в Китай и вернулся в Москву, заметив со свойственной ему непосредственностью, что «хозяину надо навести дома порядок».

Вернулся в Москву и Вольский. И тоже высказался — уже в аэропорту.

Во-первых, сказал Вольский, ничего подобного тому, что опубликовали «Известия», он не говорил, свидетельством чему диктофонная пленка с записью интервью, предоставленная ему агентством Киодо Цусин. Во-вторых, к самим «Известиям» претензий у него нет, эту газету он, Вольский, любит и выписывает уже три десятилетия. В-третьих, юристы «Гражданского союза» уже получили от него соответствующие указания и готовят материалы для обращения в суд с иском против Агафопова. Про которого Аркадий Иванович высказался значительно подробнее, нежели обо всем остальном. Оказывается, по Аркадию Ивановичу, Агафонов широко известный провокатор и инсинуатор, специализирующийся на скандалах, клевете и прочих нехороших вещах. Проявив неожиданную осведомленность, лидер «ГС» даже привел примеры: в частности, Агафонов солгал о какой-то встрече Горбачева с японским генералом, чем попытался дискредитировать бывшего Президента СССР. В заключение было сказано о неких «кукловодах», известных Аркадию Ивановичу и дергающих Агафопова за ниточки.

Ну и ну, только и подумал я, услышав все эти тексты.

А потом в течение нескольких дней стали выясняться иные обстоятельства. Киодо Цусин пересказанный Агафоновым текст действительно распространило, все фигурировавшие в «известинском» материале фамилии агентством названы были. Претензий к агентству Вольский не предъявил. Пленку от них не получал (агентство специально заявило, что вообще не имеет обыкновения расставаться с подобными материалами). Затем «Известия» опубликовали все исходные документы вкупе с недоуменной припиской Агафопова: ни о какой встрече Горбачева ни с какими генералами он вообще никогда в жизни не писал. Вольский же посетил редакцию любимой им газеты и оставил там письмо, уже не содержащее размашистых аэропортовских оценок и характеристик. Письмо «Известия» тоже опубликовали.

Вот, кажется, и все.

Грустно, господа.

Аркадий Вольский, всегда производил на меня

Сечь журналистов, как это сделали ростовские казаки, сегодня хотят очень многие

впечатление человека спокойного, выдержанного, обремененного таким редким для нашего политика качеством, как интеллигентность. Это, простите, не Руслан Имранович Хасбулатов, который, говоря об оппонентах, в выражениях не стесняется и за соответствием своих слов истине не следит. Это не лидеры нашей «духовной оппозиции», которые в своем органе «День» тех, кто им не нравится, припечатывают эпитетами, вслух произносимыми не во всякой пивной.

И когда именно Вольский высказывается о неугодившем ему журналисте так, как он себе это позволил, — для меня это еще один симптом поразившей общество болезни.

Эта болезнь — нежелание слушать то, что не нравится, вновь просыпающееся ощущение прессы как служанки, приводного ремня, верного подручного.

Вспомним и историю со смещением Егора Яковлева. Как с нашкодившим третьеклассником президент обошелся не просто с одним из своих многочисленных чиновников, а с одним из самых авторитетных в стране журналистов. И, хотел Ельцин или нет, одним росчерком торопливого пера он перечеркнул все свои уверения в приверженности принципам свободы слова, все свои обещания не дать в обиду независимую прессу. Ну и, конечно, размашистость формулировок указала еще раз продемонстрировала всей России то, что с нашим братом никто церемониться не собирается.

Год назад совет казачьих атаманов приговорил публично высечь редактора ростовской газеты — газета напечатала какую-то статью на историческую тему, в которой, по просвещенному мнению атаманов, была искажена историческая правда о казачестве. Приговор был приведен в исполнение. И что? А ничего. Крупный чиновник, к которому я обратился, благодушно отговорился: да не пятьдесят плетей ему дали, а только десять...

Десять — можно. Никого из приговаривавших и поровних даже к уголовной ответственности не привлекли.

Мне кажется, этот опыт широко распространяется. Сечь журналистов сегодня хотят очень и очень многие. Достаточно посетить Верховный Совет и послушать едва ли не любое выступление едва ли не любого народного избранника. Это к словам в свой адрес наши депутаты относятся ревниво и требовательно. О журналисте же можно ляпнуть такое...

Кстати, и Аркадий Иванович Вольский так и не счел возможным хотя бы уточнить свои характеристики «известинского» собкора.

Но в суд на него, как стало известно, все-таки не подает.

И на том спасибо.

Концерт для двух правых рук с чернилами

Вячеслав Басков

А он взял все слова — и переставил!

Самый понимающий читатель — конечно, редактор. Антон Павлович Чехов, который отличался большой скромностью, узнав от Суворина, что тот намерен печатать Эжена Сю и Дюма-отца, высказался в том духе, что если и давать на русском языке этих великих французов, то в сильно урезанном виде. Он сам был непревзойденным мастером короткого повествования, мечтал написать роман, тужился, но ничего не получилось — зато он прекрасно понимал, что романы нужно писать уж во всяком случае не так, как г-да Сю и Дюма-пэр.

Антон Павлович Чехов отличался и незаурядным трудолюбием. Суворин доверился тонкому вкусу своего друга и выдал ему много чернил — тут Антон Павлович принялся кромсать французов, вымарывая у них не «лишние» слова или абзацы, а листы, то есть зараз по 23–25 страниц живого текста! Так может позволить себе об-

ращаться с великими только человек, сознающий свое бесспорное превосходство над великими, но которого отличают и большая скромность, и незаурядное трудолюбие.

Романы, укороченные рукой мастера рассказа до повестей, увидели свет. Публика их раскупала, долго думая, что вот это и есть Эжен Сю и Дюма-отец.

Редактор в ссылке

Редактировать может каждый. Мое глубокое убеждение, что боевая буфетчица Валя из одной очень солидной редакции, произведи ее в высокое редакционное начальство и выпиши со склада авторучку, оказалась бы на своем месте. Так — ее время от времени ссылают на мойку и она рук не вынимает из горячей воды, а так — она бы указывала нам, как нужно писать правильно. Чернила не жгутся!

Зачеркивать слова начинают тогда, когда не нравятся слова, которыми пишет автор. Дело, однако, в том, что такая загадочная вещь, как литературный стиль, состоит именно из слов и еще из знаков препинания. Ни из чего другого ему состоять больше не дано. Таким образом, к редакторской стезе особенно пригоден тот, в ком просится наружу командир. Автору хочется, чтобы его напечатали? Пусть соглашается с правкой! А не согласится — согласятся другие.

Ныне забытый писатель XIX века Александр Левитов, томик которого, правда, недавно издали снова, был невеликим писателем, но он сводил концы с концами литературным трудом. Однажды, читая корректуру своих рассказов и очерков, он был потрясен собственным текстом, над которым поусердствовал редактор.

— Да как он смеет кощунствовать! Понимает ли он, что ведь каждая строка мною взвешена и умом, и чувством, каналья эдакая! Ведь это то же, что музыка... А он, извольте видеть, все слова у меня и переставил...

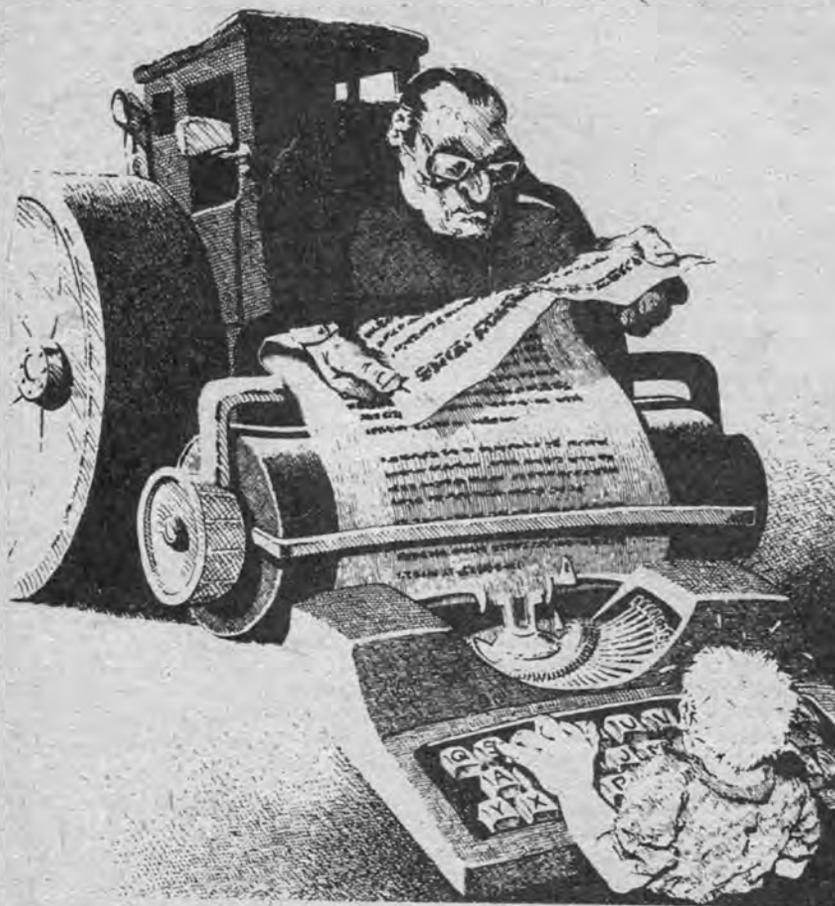
Грех было измыывать над Левитовым — он был больной и нищий. Но редактор, преданный своему делу, дальше текста не видит и потому пощады не знает ни к кому. Так и Валя из своей мойки, откуда валит пар, все командует, как надо правильно стоять в очереди, куда ставить грязные подносы, а куда тарелки. Реализует накопившийся темперамент...

Из-за чего поссорились Иван Тургенев и Афанасий Фет

Иван Тургенев в свое время отполировал стихи Афанасия Фета до блеска. Только дым над страницей клубился.

— Я Фету вычистил штаны! — гордился редактор.

Фет в долгу не остался, и когда пришел его черед редактировать редактора, почистил тексты так, что ученые до сих пор

все разбираются. Скажем, Тургенев из Рима написал Фету: «Стихотворение ваше «Аполлон» мне не очень нравится — слишком старательно, мелко-подробно и общего впечатления не передает. Но пишите, пишите стихотворений как можно больше». Публикуя это письмо в «Моих воспоминаниях», Фет напечатал только последний поощрительный призыв. И другие ругательные, но вполне дружеские письма Тургенева Фет использовал для собственного прославления.

После выхода в свет «Моих воспоминаний» Тургенев порвал с мстительным мемуаристом.

Бездомный гений

Льву Толстому порвать со своей женой было труднее. Лишь в глубокой старости он бежал от своего редактора и умер на железнодорожной станции, как, прости господи, бомж.

Удивительно, однако, как Льву Николаевичу вообще удавалось печатать свои сочинения: он находился под неусынным контролем Софьи Андреевны, которая редактировала его беспощадно. Почти каждая мысль мужа о взаимоотношениях мужчин и женщин, о характерах женщин и мужчин, о психологических изысканиях Льва Толстого, равных которым в литературе, пожалуй, и нет, воспринимались Софьей Андреевной на свой личный счет. Нетронутыми оставались лишь те мысли, с которыми была согласна и Софья Андреевна.

В редакции толстовских текстов открывается отчаянная вражда этой супружеской четы. Кто знает, может быть, она-то и была двигателем таланта Льва Николаевича? Не исключено, что он и вправду имел в виду всегда одну только Софью Андреевну и себя, хотя читатели и литературоведы отыскивали в его сочинениях сотни разных характеров.

Читатели XIX века подлинного Льва Толстого не знали — они знали произведения, написанные в две правые руки: одной мужественной и слабой, а другой женственной и крутой, — но об этом не догадывались. Лишь по прошествии многих лет оригиналы некоторых текстов стали доходить до читателя, освобожденные от редакции боевой подруги писателя.

На «Крейцеровой сонате» видно не столько мастерство редактора, сколько его власть над автором. Напомню читателю, что «Крейцера соната» посвящена как раз взаимоотношениям мужчины и женщины и относилась самым Толстым к циклу повестей о так называемой «половой любви». Так что Софье Толстой было где разудить плечо.

Толстой писал: «Как же, я знаю, несколько высшего света девушек выданы родителями за сифилити-

ков». Софья Андреевна слово «сифилитиков» сочла неприличным и заменила его на ходульное «больных известной болезнью». Лев Толстой: «В вызывающих чувственность протитуточных нарядах». Софья Толстая зарделась, совсем как современный редактор, и зачеркнула слово «протитуточных». Лев Толстой написал слово «блудник» — Софья Толстая улучшила его: «безнравственные люди». Слова «публичные дома» Софья Андреевна исправила на «известные дома».

Софья Андреевна мстила мужу пером. Фраза Толстого «Я не знал тогда изречения Лессинга, который говорит, что суждение каждого мужа о своей жене такое: была одна скверная женщина в мире, и она-то и моя жена» так и не появилась в печати при жизни автора. В другом месте «Крейцеровой сонаты» Толстой сравнил медовый месяц с отвращением начинающего курильщика к табаку. «Наслаждение от курения, так же как и от этого, если будет, то будет потом: надо, чтоб супруги воспитали в себе этот порок». Представляю бешенство Софьи Андреевны, когда она прочитала это место! Фразу «надо, чтоб супруги воспитали в себе этот порок» она исправила следующим образом: «Надо, чтоб супруг воспитал в жене этот порок».

Толстой говорит о том, что дети болеют по вине жены: «И оказывается, что виновата она, сделала не то, что надо делать». Это место читатели прочитали как: «виноваты мы, сделали не то». Толстой пишет: «Она вышла замуж, получила кое-что из этой любви, но не только не то, что обещалось, что ожидалось, но и много разочарований, страданий, и тут же неожиданную муку — детей». Софья Андреевна вскипела от негодования и вставила перед словом «детей» слово «столько». Она рожала очень часто...

Исследователи толстовских рукописей, наверное, до сих пор находят искажения, сделанные не по небрежности наборщика или переписчика, а внесенные властью и чувствующей себя оскорбленной Софьей Андреевной. Эта энергичная женщина искажала, но все-таки пропускала сочинения мужа в печать и даже сама добилась у государя Александра III, чтобы тот стал личным цензором Льва Толстого. Писатель мог бы чувствовать благодарность к своему редактору, но он бежал, бежал от него!

Добрые советы

По редакторскому творчеству можно вычислить характер правщика — добрый он человек или вредный. Впрочем, настоящий литератор редактора не любит ни доброго, ни злого. Пушкин, например,

очень ценил критику Каткова, но почему-то ни разу не послушался его, даже если Катков указывал на явную несообразность. Странное дело — еще одна литературная загадка! — именно эти-то «несообразности» и делают поэзию Пушкина прекрасной. Кто, скажем, с ходу разберется в двестишести:

«Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман?»

Но почему-то же у Пушкина написало так, а не проще, чтобы было понятней: «Обман, который возвышает, нам дороже, чем темнота низких истин!» Многим эти строчки Пушкина могут не нравиться из-за того, что они странны неуютны. Но, кажется, Достоевский по этому поводу говорил, что если читатель чего-то не понимает, то в этом не всегда виноват писатель. Редакторская правка слишком часто вызвана именно леностью ума первого читателя. От которого, впрочем, зависит: увидит произведение свет или не увидит никогда.

Однажды я присутствовал при разговоре многоумного заведующего литературной частью одного знаменитого театра с никому не известным автором пьесы. Пьеса у вас очень хорошая, говорил завлит, но плохо только то, что герой в конце умирает. Нужно ли это? Это может помешать ее проходимость. Завлит оказался прав: пьеса так и не появилась на сцене. Автор трагедии куда-то сгинул. Но давайте представим, что такой же добрый друг стоял бы над Шекспиром? До нас дошли бы только его комедии.

«Золото» без «золота»

Тяжелый случай на почве редакторы произошел с одним моим коллегой. Он написал статью про человека, который шел однажды на работу и нашел на дороге мешок золота. Пешеход оказался очень честным и вернул золото государству. А мог бы и не вернуть, как вы понимаете. Статья называлась «Золото». В редакции сочли поступок человека очень хорошим, но попросили автора о малости — убрать из статьи слово «золото». Потому что еще десять лет назад считалось невозможным предать огласке такое фантастическое разгильдяйство хваленых государственных служащих, которые теряют вот уж даже золото и не замечают этого.

Скажите, как из статьи о золоте исключить слово «золото»? А не исключите — и статья напечатана не будет. Коллега поразительно остроумно справился с этой задачей: он всюду заменил слово «золото» на «нечто очень дорогое», «нечто блестящее».

Газеты без автора

Самым большим несчастьем советского автора и всей советской лите-

ратуры является, конечно, редакция. От этого подвига коллективного творчества уже давно напроочь отказались на Западе. Там за все напечатанное ответствен один автор. Редактор только проверяет имена, даты, географические названия, корректор правит ошибки — дальше этого вмешательство в авторский текст не идет.

Не так у нас. Особенно лютует редакция в редакциях газет и журналов. Статья — это всегда плод нескольких правых рук, одна из которых писала, а остальные вычеркивали или переписывали. В советской прессе легко можно найти фактические ошибки — в именах, датах, названиях, но тексты обычно однотипны. Сотни газет словно бы написаны одной рукой, по одним грамматическим правилам, одним стилем: подлежащее, сказуемое, дополнение, определение — точка. Если бы не шрифты, одну газету с другой спутать было бы очень просто.

Правка, которая стрижет все тексты по одному рисунку, несчастные авторы, к которым причисляю и себя, называют «вкусовой». То есть редактор, окончивший курсы редакторов, где повторяют правила русского языка, сводит тексты к правилам и ни о свободе языка, ни о стилистике, ни о меняющихся ритмах речи слышать не хочет. Между тем вряд ли можно встретить двух людей, которые, видя перед собой одно и то же, напишут об этом одними словами. Можно попробовать — кто хочет?

Задание читателю

Напишите коротенько о том, что в час «пик» метро кажется тесным. Или о том, какая бывает длинная очередь в магазине, если за прилавком один продавец.

Постарайтесь уложиться в несколько предложений — мы проводим эксперимент на стилистику. Неужели встретятся хотя бы два одинаковых описания? Почему же одинаковы газеты?

Залежалый товар

Если автор бывает не согласен с правкой, статью, повесть, пьесу, роман ему возвращают безжалостно, и он влачит свое жалкое произведение дальше по редакциям и издательствам. История литературы знает примеры, когда книги увидели свет спустя много лет после написания. Но такими примерами полна и журналистика. Статью «Театр драм» — о варварском отношении к актерам — я напечатал 11 (одиннадцать) лет спустя! Одни редакции печатать отказывались наотрез, другие подвергали ее изуверской правке. Наверняка любой

Рисунок Виктора Богорада

журналист припомнит похожий случай в своей биографии. А сколько не напечатанных статей осталось в столе?

Избежать редактора почти невозможно. Редкая редакция готова принимать чужой стиль. В большинстве же даже гордятся тем, что в их изданиях все пишут одинаково, только над или под статьями стоят разные фамилии. Советские редакции такого сорта вообще не видят смысла в том, чтобы в статье читатель узнавал отдельного человека. Например, редактор одной очень популярной газеты, подобно Чехову, превращавшему романы в рассказы, хотел бы всю периодику превратить в «аргументы и факты», а лучше — в одни «факты» без аргументов. Он объясняет это «добрым отношением» к читателю: пусть он, дескать, сам делает выводы из фактов. Но статья — это передача мыслей на расстоянии. Нельзя же жить без обмена мнениями. Общественное мнение рождается не из фактов, а из отношения к ним. Пусть выпускают телефонные книги, газеты объявлений, тассовскую информацию, «АиФ», справочники адресов магазинов и предприятий служб быта — но пусть выходят и газеты со статьями. Желательно — со свежими. И отмеченными авторским стилем.

Чем газета хуже, тем более усердный правщик сидит за редакторским столом. Стучат пишущие машинки, стрекочат компьютеры — это бедные машинистки разбирают написанные между строк словечки и сбоку целые «вставки» придуман-

ного редактором текста. А насколько проще была бы работа в редакциях, если бы никому не приходилось разбирать каракули между строк! Эта инфекция передается читателю, он тоже принуждается искать истину за словами.

Сплошное разорение!

Редактура — вещь хотя и не видная невооруженным глазом, но разорительная. Прежде всего она провоцирует интеллигентных людей на неизменные поступки: книжным редакторам, например, повсюду суют взятки — и они их охотно принимают. К дню рождения преподносят подарки, дарят гостинцы ко всем международным и государственным праздникам. А теперь и к религиозным. Иначе автору своей книги не видать! Не забывают о редакторах и в их именины, в именины детей и внуков.

В последние годы все издательское дело целиком зависело от щедрости авторов: книжный прилавок увидели книги, которые без участия благодарного редактора появиться никогда бы не смогли. Сколько бумаги угрохано на радость редактору! Разложение, поселившееся в издательствах, породило и затянувшийся на десятилетия книжный дефицит.

Что же касается наших старых редакций, то вся иерархия внутри них построена в расчете не на автора, а на правщика. Статья проходит по рукам каких-то людей, которые вообще неизвестно чем в редакции занимаются, но которые к концу дня выглядят усталыми, изможденными. Они, понимаете, читали чужие тексты, вписывали свои мысли между чужих строк. Они дирижировали чужой музыкой.

Эту гвардию бледнолицых правщиков содержат своей абонентской платой ни о чем таком не подозревающие подписчики. Редакции стонут от бедности и, чтобы как-то «выжить», выгоняют из редакции журналистов и организаторов материалов (встречаются в редакциях люди, к которым стекаются авторы), только не правщиков. Слово было сталинские времена, при которых и была создана эта чисто лагерная структура, когда «в одной статье» «повязаны» все, вот-вот вернутся.

Некоторые новые редакции от армии правщиков избавились, но дух редакторы еще не выветрился окончательно нигде.

Эта система прохождение печатного слова даст работу одним лишь литературоведам: им еще предстоит много покопаться в бумагах и сравнить тексты, напечатанные с автографами. Все-таки нужно когда-нибудь перестать читателя обманывать, и не мешает расставить пишущих по местам, каких каждый из них заслуживает.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Позади политические баталии 1992 года, которые часто определяли как схватку демократов с консерваторами. Но что же это такое — российский «консерватизм»?

Вопрос не простой, тем более что «консерватизм» этот многолик, разнообразен, а порой просто парадоксален. В нем нередко сходятся как будто бы совершенно несовместимые крайности. Монархисты, коммунисты, «советско-союзники», «почвенники» и вроде бы совершенно теперь безыдейные аппаратчики... Назвать всех их консерваторами прямо, без кавычек, затруднительно, ибо они со своими крайностями совсем чужды тому классическому консерва-

тизму, который представляли на Западе Эдмунд Берк, Дж.Рёскин, Карлейль и А. де Токвиль, а в России — плохо понятые у себя на родине славянофилы. Дошло даже до того, что «славянофилами» стали называть именно «ура-патриотов», мало что общего имеющих с благороднейшими братьями Аксаковыми, Киреевскими, Ю.Самариным.

Отсутствие позитивной программы у современных «консерваторов» заменяется в одном случае романтической тоской по прошлому, в другом — слезами по неполученным мифическим доходам с просроченных векселей. Впрочем, и прошлое-то, как они его представляют, тоже имеет вообразимый характер. Стремление скрыть этот разлад заставляет их искать новую идеологическую парадигму, создающую видимость практического подхода к

решению проблем. И вот в оборот снова вошел термин «евразийство», ожили зародившиеся еще в эмиграции идеи «евразийского» движения.

Возникшее в ранние 20-е годы «евразийство», было реакцией части русского зарубежья на революцию, подпитывалось разочарованием в прежних идеологических схемах, наблюдениями за жизнью европейских стран, в которых переживали кризис традиционные и либерально-демократические политические институты. Оторванные «от корней» эмигранты, вошедшие в круг «евразийства», были склонны поддерживать «особость» русского пути, ее отличия от Запада (и от Востока). Чтобы раскрыть корни современного «евразийства», мы в 1993 году опубликуем ряд текстов, иллюстрирующих основные принципы этого течения. Сегодня мы знакомим

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

вас с фрагментами книги анонимного автора, вышедшей в 1931 году в Белграде (другие фрагменты публиковались в «НВ» № 31/92). Книга эта вышла уже на излете «евразийства», и отрывки, которые мы печатаем, весьма показательны — в них особенно заметны и влияние «неонародничества», которое прикинуло к левому флангу «евразийцев», и тоскливо-романтическая идеализация прошлого, и реликты «государственной» школы политической философии.

Государственное государство

Анонимный автор (1931 г.)

Реальному и синтетическому осмыслению государственных путей России мешают в настоящее время два обстоятельства. С одной стороны, еще не осмыслено историко-социологическое существо современного западного государства — данной формы демократии... А с другой — еще господствует старинный предрассудок о каких-то особых якобы формах государства на Западе и Востоке — здесь демократических, а там каких-то «азиатских» ультрадеспотических. Приходится начать с освещения этих двух узловых пунктов вопроса синтетическими социолого-историческими категориями авторитаризма и автономизма.

Государство в самом существе авторитарно: в нем одни целеустремления принудительно господствуют над другими. Но и в нем авторитаризм может быть сведен к минимуму началами автономизма. Эти начала следующие. Во-первых, свобода — и от государства, и от частного произвола — там, где целеустремления людей не мешают друг другу, или сами автономно приходят к согласию в личной и духовной жизни, в кооперации, в культурных обществах и так далее. Во-вторых, равноправие, а не «разноправие» его членов. В-третьих, законность, а не произвол и лиц, и самого государства. В-четвертых, наконец, самозаконность, самоуправление: установление законов и управление не отдельными лицами или группами — меньшинствами, а самим народом, его большинством — то есть демократия в тесном смысле.

Эти начала автономизма рождаются и развиваются в государстве отдельно одно от другого, одновременно и разноместно. Начала самоуправления появляются ря-

дом с властью главарей, князьков, уже в мелких примитивных родовых и племенных государственных образованиях: были они рядом с князем — в весьма развитой и яркой форме вечевой демократии — и в русском славянстве (история рисует вообще все славянство демократичным). Начала же свободы, равноправия, законности встречаются нередко в той или иной дозе или форме и в огромных автократиях, захлестнувших мелкие примитивные государства, — так, например, они широко проведены и выработаны в великой китайской империи, присутствовали они и в русском самодержавии. И для суждения о демократии и о политических путях России надо видеть пред собой весь этот огромный исторический опыт, все эти разнообразные комбинации политического автономизма.

После долгого вынашивания разных разрозненных начал демократии являются, наконец, в благодатном гнезде культуры Средиземного моря полные законченные ее формы, построенные из всех четырех ее стен: свободы, равноправия, законности, самоуправления. Только две стены — свободы и равенства — покоились еще в этой греко-римской демократии на страшном фундаменте рабства. Христианство постепенно вырвало этот колебавший все здание фундамент. И вот тогда построились современные западные демократии, красивые и величественные в законченности всех четырех стен автономизма.

Значит ли это, однако, что этот прекрасный образец есть окончательное совершенство, что он зачеркивает весь остальной громадный исторический опыт политического автономизма и исключает логически иные более совершенные формы? Что, в частности, новый государственный строй России должен быть просто спи-

сан с этого образца? На такой позиции стояло огромное большинство нашей ультразападной впадной провинциальной интеллигенции последних десятилетий. Но огромная и бесконечно ответственная задача политического строения великого российского коннационала требует критики и творчества, а не ленивого и безответственного списывания готовых образцов. А глубокий кризис, охвативший именно сейчас эту самую образцовую западную демократию, уже прямо к этому обязывает.

Кризис современной западной демократии заключается в ее чрезмерной авторитарности и автоматичности и потому в игре в ней революций и реакций вместо реформации. Этот кризис сосредоточен в двух пунктах. Один — ультраполитизм: страшное засилье политики, гипертрофия государства, огромная его перегруженность множеством функций и вопросов, которые могут и должны разрешаться вне государства — в кооперации, в культурных ассоциациях и так далее. Другой — это «ультрапарламентаризм»,

то есть сосредоточение всех прав, всей колоссальной государственной власти в личностях, в персонале «народных представителей», в их партийных и личных группировках, в образуемых ими министерствах, представляющих фактически смену диктатур, игру азартного политического спорта. Это вырождение демократии можно и должно поправить, освободив государство от ненужной перегрузки, введя в чисто деловые рамки работу парламентских представителей и передав часть государственных функций прямо самому народу: часть в местные самоуправления, часть в развитый, расширенный «референдум».

Конечно, такая глубокая политическая реформация очень трудна и может потребовать целых революций на Западе благодаря засилью парламентских авторитарных каст и полуавтоматизму самих народных масс, при выключении к гипнозу слов и к роли «голосующей машины». Но такой строй серьезного, делового политического автономизма гораздо легче осуществим в России, ибо, с одной стороны, она, не добившись благ парламентарной демократии, не привила себе и ее зол, а с другой стороны, она сама уже обладает историческими подходами и началами именно «местной», «прямой» демократии. Поэтому ничто не мешает ей построить свое новое государство именно на их основе и в их своеобразном стиле.

Всем известно, что в русском славянстве, несмотря на татарское иго, существовали еще в XV веке достаточно крупные и выработанные демократии: городские вечевые республики. Что же: было это единственное проявление политического автономизма в старой России и с их концом он исчез? Нет, как известно, то же вечево-самоуправление существовало в селах в виде крестьянских «миров». И оно осталось, жило и развивалось. Уничтожив слишком крупные и опасные ему городские веча, самодержавие оставило веча сельские, и, более того, будучи культурно и технически слабым, оно прямо оперлось на это местное самоуправление. Таким образом, под огромным давлением от народа («до Бога высоко, до царя далеко») авторитарным куполом самодержавия существовал повсеместный, сильный и развившийся местный низовой автономизм сельских вечевых миров.

И это вполне понятно, иначе и быть не могло. Сильные ячейки автономизма не ограничиваются лишь своей сферой жизни, но неизбежно разрастаются и на соседние. Так и в данном случае широкое развитие социального автономизма в виде артелей и земельных общин питало и политический автономизм сельских веч как единиц самоуправления, равно как на этих функциях опиралась и крепла в свою очередь и сама общин-

ная кооперация. Те и другие функции — распределение податей и распределение земли — свивались в один нерасторжимый клубок и захватывали в себя и эти, и все другие важнейшие области сельской жизни.

Между тем именно эта здоровая, органическая сила местной прямой демократии как раз роднит крайний Запад и крайний Восток. С одной стороны, сила английской демократии — может быть, именно и спасающая ее от современного кризиса демократии — как известно, лежит в ее местном самоуправлении. С другой стороны, и Китай, где Богдыхан — «Сын Неба», — пребывая где-то вдали, «царствовал, но не управлял», где можно днями и днями идти из села в село, не встретив ни одного чиновника, ни одного полицейского, — во всей своей жизни фактически живет самоуправно, автономно, то есть является — подобно России — готовой низовой народной демократией, ждущей лишь «увенчания здания» сверху. Хотя бы эта историко-сравнительная линия и на Запад, и на Восток должна раскрыть нам глаза на основную строительную силу

и на стиль грядущего здания российского государственного автономизма.

А в пережитую затем бурную, чудовищную четверть века — в борьбе против стольпинского нападения на общину, в огромной общественно-патриотической самодеятельности для войны,

под огнями общественных идеологий 1917 года, в жестоких испытаниях гражданской войны и голода, наконец, в десятилетнем изо дня в день слежении и осмысливании постановок и поворотов, хотя и чрез призму большевистских газет, всевозможных общественных, государственных и международных проблем — сельское вече к началу конца большевизма выступает в полноте фактических сил («сельские советы» — полуфактивные), с огромным запасом горького всестороннего опыта и со своей собственной молодой интеллигенцией.

Кто же, спрашивается, и как сможет впредь расплыть эти двести тысяч живых вечевых организмов крестьянского социально-политического автономизма в бесформенную голосующую машину? Кто сможет обратить этот могучий реформационный организм в механическую игру революций и реакций сверху?

Самодержавная автократия когда-то мирно сожительствовала и сотрудничала с этим вечевым автономным крестьянством и именно в нем нашла она великую силу государственности, освободившую Русь, объединившую ее и раскинувшую ее на всю Евразию. Романовская монархия могла это и продолжить, но тогда надо было решительно выбрать между «общиной и боярщиной», надо было выбрать общину вместо боярщины и, уничтожив крепостничество, стать реформационной крестьянской монархией.

Но, употребляя слово Петра I, «промедление смерти подобное» владело российским самодержавием и вело его к бесславной гибели. Сам этот великий обновитель России, перестроив «азиатский» царский купол, еще как-то все-таки связанный с «землей» — кровью, духом, общением, даже совещанием, — в «западный» императорский шпиль, совсем уже оторванный от народа — и духом, и обличьем, и даже кровью, — как раз этот царь — ультразападец и революционер — и обратил самодержавие именно в голый абсолютизм, именно в такую деспотию, которую стареверы западничества считают роковым уделом Азии.

Может быть, еще не было поздно и «царю-освободителю» Александру II завершить свою «эпоху великих реформ» — в особенности свое создание «земства», где над крестьянским миром развернулось своеобразное местное политическое творчество интеллигенции, — «увенчанием здания», хотя бы земским собором в духе славянофилов. Тогда построилась бы связанная с народом, с прямым вечевым крестьянским автономизмом

Какой бы строй ни устанавливался в стране, государство должно исполнять только ему присущие функции, не беря на себя задачу обеспечить «все для всех»

соборно-земско-мирская монархия, которая могла бы повести Россию к новой демократии «английским» путем реформации. Но тогда надо было созвать «Собор» и опереться прямо на крестьянство, подняв его широкой социальной помощью, широчайше использовать величайшую силу русской интеллигенции, рожденную тем же дворянством, и затем постепенно поделить с коренными строительными силами России хотя бы некоторой долей власти. Но самодержавие застыло в негативном, реакционном самосохранении. И политическое развитие России ввергнуто было вместо мирной реформации в бури революций и реакций. Правда, после первой революции 1905 года «полуконституция» Государственной думы еще открывала путь реформации. Начался небывалый экономический и культурный рост России. Дальнейшие мирные политические пути уже открывались. Но... вышло «промедление, смерти подобное»: Временное правительство, молившееся на парламент, как на храм, не создало, однако, Учредительного собрания и в восемь месяцев — немцы его созвали в восемь недель...

И неизбежный конец пришел. Кучка догматиков и демагогов, по примеру наших старых государственных «воров», уворвала «плохо лежавшую» — валявшуюся на улице, расплывшуюся в уличных солдатских толпах, — власть. И Ленин — опять ультразападник, опять по западным рецептам Маркса и Бланки сколотил новую деспотию, далеко худшую, чем было самодержавие.

...Большевистский выродок родился из грязно-кровавой пены войны, реакции и революции, он нашел своих преторианцев в опьяненной вином, распутством и митингами солдатчине гарнизонов, он захватил власть голым насилием, ибо даже уже под его властью, в апогее разочарования в демократических организациях против него голосовало 3/4 избирателей.

Но большевизму дало победу опять все то же — опять бессилие их противников. Они разбились на множество враждовавших организаций. Они — в лице правых организаций — вели себя реакционно и начали отбирать землю у крестьян и возвращать помещиков. Именно это и дало победу висевшей на волоске большевистской диктатуре.

И в конце концов большевикам удалось организовать и удержать власть, притянув ее огромным соблазном совершенно новых и энергичных элементов населения. Из них и выдвинулось достаточно способных людей — иногда идейных, нередко преступных, а чаще всего карьеристов, годных к технике большевистской администрации.

Что касается самой «советской системы», как якобы опыта новой государственной формы, то о ней смешно и говорить. Своего в ней — лишь откровенная наглость насилия: голос одного рабочего равен пяти голосам крестьян, произвол власти лишает избирательных прав всех, кого она сама объявит «контрреволюционерами» и тому подобное. Остальное же — сплошь плагиат: плагиат самое название «Советов», безлично родившееся еще в первой революции 1905 года, плагиат — из народного «Проекта основного закона о земле», напечатанного еще в 1906 году, — и единственные две положительные черты в их местном управлении: укрупненная волость и укрупненный уезд и так далее.

Единственное политическое наследство, которое останется от большевистского режима, — это новое чиновничество. В верхах это преимущественно душители, которым не может быть места в будущей России. Низшая же часть, в силу своей молодости и большей близости к населению, в значительной части еще может перевоспитаться. И более того: именно в ее развивающемся отрыве от командующих верхов и в ее приближении к

населению и лежит один из главных рычагов, которые свалят большевизм, не имеющий больше опоры ни в одной сильной группе населения...

Из указанного ясен план и стиль того государственного здания России, которое выстроится, когда будет сметен большевизм. Этот план будет состоять не в проекте, который кто-то измыслит; это будет — как и для хозяйства, так и для социального строя, — проекция на будущее — конечно, осмысленная, оптимальная — прошлого политического созидания России.

И стиль этого российского государственного здания дан общим стилем России: он будет особым стилем — не европейским и не азиатским, а евразийским. Она не для того свергнет ультразападнический большевизм, чтобы воздвигнуть новую «восточную деспотию», вовсе притом не фатальную и для Азии. И не для того, чтобы списывать азбуку европейского спортивно-партийного парламентаризма... Российское государство, российская демократия будут сводкой и заверше-

нием элементов делового реформационного народоправия, сложившихся в ее собственных своеобразных и творческих условиях.

Свободное государство России построится, как всякое разумное здание, снизу, а не сверху, точнее, оно органически вырастет из народа. Политический автономизм России родился из создавшегося уже в народе ав-

тономизма социально-экономического. На Западе кооперация родилась из демократии, в России же, наоборот, демократия родится из кооперации. В России государство обойдется с половиной тех функций, которые перегружают его на Западе, ибо незачем будет принудительно объединять всю ту массу целеустремлений, которые уже свободно объединились в кооперации. Россия так же (п) в политике обойдет тяжкую парламентарно-бюрократическую демократию, как в социальной экономике обошла феодализм и капитализм.

Нижние этажи российской демократии уже построились: первый этаж — мирские вече (возможные и нужные и в городах), второй и третий — земства двух ступеней (укрупненная волость и укрупненный уезд). Подлежит достройке четвертый этаж — национально-областные земства с местным законодательством (которые тоже уже зарождались в виде разных округов, генерал-губернаторств и тому подобное). Наконец, завершит здание российского народоправия Земский Собор из трех раздельных палат — законосовещательной, законодательной и законисполнительной, — работающих на основе наказов народных веч. Волнующий же более всего наших прошлых политиков вопрос о том, увеличивается ли российское государство куполом республики или шпилем монархии, есть как раз сравнительно менее существенный вопрос, и он органически решится господствующей в народе психологией, которой прошлые политики так же не знают, как не знают и самого народа.

Отсюда настолько же ясна и основная созидательная сила Великой Свободной Российской Землины: ею будет, конечно, мирское вечевое крестьянство. Арьергард старых политических сил России — не сумевшей обновиться монархии — разбит и рассеян. Авангард новых государственных сил — интеллигенция — потерпел постыдное крушение в междоусобице и нагло уступил. (Но) интеллигенция, поскольку захочет и сумеет, найдет свое немалое творческое политическое место, но она обретет свою политическую силу только «прикоснувшись к земле»...

Публикации анонимного евразийца подготовил
Николай Омельченко

— Я не признаю слова «невозможно», «не могу», «ничего не получится», — говорит 25-летний американец **Андрей Даниленко**, живущий в Москве. Его мать — Пола Гарб — родилась в Америке. Отец — Лев Даниленко — украинец. Они познакомились в Москве, где Пола оказалась проездом из Хельсинки в Японию. Место жительствам новой семьи выбрали Москву. Андрей окончил здесь десятилетку, вслед за матерью поступил на истфак МГУ.

Работал переводчиком в «Прогрессе», на строительстве нового американского посольства. Потом круто изменил жизнь: уехал в Штаты и решил остаться там навсегда. В Калифорнийском университете посещал лекции по экономике, бизнесу, маркетингу, увлекся каратэ.

В СССР тем временем происходили большие перемены. И вот в 1989 году он вернулся, восстановился в МГУ и включился в работу по программам американского Центра социальной помощи Вашингтонского института. При участии Даниленко на базе одной из наркологических больниц был создан первый российско-американский центр по лечению алкоголиков «Выздоровление». Андрей стал его директором. Ему было тогда 23 года.

Сейчас Андрей Даниленко возглавляет Рос-

сийское представительство движения «Проект Жираф», возникшего в США десять лет назад. Девиз — «Не бойся высовываться!». Почетное звание «Жираф» получают люди, которые, несмотря ни на что, творят добро, часто с риском для себя. В Штатах таких людей набралось уже более 600.

— Мы ищем и находим «Жирафов» по всему СНГ. Уже приняли свыше 90 человек, — говорит Андрей. — Мы вручаем им диплом, значок, пишем о них в газетах...

Кроме того, он бесплатно ведет секцию каратэ в одной из московских школ, сам выступает на соревнованиях. И при этом готовится к защите дипломной работы на истфак МГУ по теме «Общественная мысль в России в начале XX века».

Л.Хайкин

Всемирно известный театральный режиссер **Джорджо Стрелер** был вызван в прокуратуру Милана, чтобы ответить на обвинения в мошенничестве и разбазаривании финансовых средств «в особо крупных размерах». Будучи руководителем миланского «Пикколо театро», Стрелер в последние годы получил при посредничестве региональных властей около 718 миллионов Евро-

пейским экономическим сообществом для подготовки в стенах его театра артистов и театрального технического персонала. Теперь руководитель одного из наиболее известных в Европе театров должен объяснить, где эти артисты и техники и как получилось, что проверка обнаружила массу нарушений финансовой дисциплины, в том числе банальные подлоги и приписки.

Знаменитый режиссер, отдавший 45 лет театральной деятельности, создатель многих блестящих постановок в самых престижных европейских театрах, бурно и резко реагировал на предъявленные ему обвинения. Он опубликовал письмо, в котором заявил, что не хочет более иметь ничего общего с «этой подлой страной, власти которой погрязли в коррупции, попрали законность и утратили обще-

человеческую шкалу ценностей, страной, где не считаются с правами граждан и где можно втоптать в грязь тех немногих, кто еще осмеливается поднять голос протеста». Стрелер заявляет, что в ожидании решения прокуратуры он все более убеждается в том, что «не следует иметь ничего общего с обществом, в которое он так долго верил».

Близкие к знаменитому режиссеру лица уверены, что сам Стрелер не имеет никакого отношения к разбазариванию или тем более присвоению каких-либо финансовых средств. «Это человек театра, полностью погруженный в искусство и чуждый какой-либо бухгалтерии, и обвинять его в присвоении каких-то денег просто смешно», — утверждает Нина Винки, более сорока лет отдавшая «Пикколо театро». Многие актеры заявили, что, если Стрелер покинет театр и уедет в другую страну, они последуют за своим маэстро.

Москвичом стать не пожелал

Когда на минувшей неделе члены Верховного Совета России обсуждали вопрос приватизации собственных служебных квартир, депутат **Михаил Молоствов** был чуть ли не единственным, кто выступил против. Тщетно Михайлович взывал к совести народных избранников — большинство депутатов твердо решили стать москвичами и не отступились от намеченного.

Члену парламентского комитета по правам человека, активисту фракции «Радикальные демократы», бывшему политзаключенному Михаилу Молостнову квартира тоже нужна. Коренной ленинградец, выпускник философского факультета Ленинградского университета, в 1958 году он был арестован за антисоветскую агитацию и пропаганду (Молоствов сочинил политическое воззвание, где говорилось о необходимости демократизации общества, реабилитации жертв сталинских репрессий, выражались симпатии участникам венгерского восстания) и посажен на семь лет. После освобождения, спасаясь от преследований КГБ, переселился в деревню. До избрания народным депутатом РСФСР жил в селе Еремково Тверской области, работал учителем немецкого языка, затем почтальоном. В 1988 году его полностью реабилитировали, но квартиру в Ленинграде он так и не получил.

Сейчас Молоствов занимает с женой служебную квартиру в Останкине и приватизировать ее, несмотря на решение парламента, не собирается. Говорит, что не имеет морального права.

Большинство депутатов, проголосовавших «за», видимо, такое право имеют. Судя по тому, с каким отрывом победили при голосовании сторонники приватизации служебных квартир, порядочные люди среди депутатского корпуса составляют жалкое меньшинство.

Европы в Швеции, **Анатолий Бышовец** вынужден продолжить тренерскую карьеру на Кипре. «Баловень судьбы» отныне возглавляет команду города Лимасол.

Бышовец был одним из самых техничных на-

падающих в истории отечественного футбола. «Но недаром клуб «Фиорентина» предлагал миллион за Бышовца», — в песню Высоцкого попал он не только благодаря удачно рифмующейся фамилии. В 28 лет из-за травмы Анатолий покинул поле и начал набирать очки как один из наиболее перспективных детских тренеров сначала родного киевского «Динамо», а затем и всего СССР. Его воспитанником был будущий капитан сборной Алексей Михайличенко. Пиком их совместной творческой деятельности стало сеульское олимпийское золото 1988 года — под руководством молодого тренера наши футболисты добились его через тридцать два года после далекой победы в Мельбурне.

В 1990 году Бышовец был назначен главным тренером первой сборной, сменив на этом посту угрюмого Валерия Лобановского. Состав по сравнению с командой-предшественницей обновился на две трети — тогда мало что говорили футбольной Европе имена Кулькова и Шалимова, Добровольского и Юрана.

Задача перед сборной стояла простая: рассматривать отборочный турнир чемпионата Европы как промежуточный этап, делая основной упор на подготовку к чемпионату мира в США. Но «птenci Бышовца» играли здорово и на финише отборочного турнира обошли самих итальянцев.

Аппетит пришел во время еды. От команды стали требовать побед. Фиаско в Швеции сборной СНГ — команды без гимна и флага, перечеркнуло два года работы. Тренера проигравшей сборной у нас принято отправлять в отставку. Бышовец, увы, не стал исключением.

Плохой ли тренер Анатолий Бышовец? Едва ли скажут так футболисты, проигравшие

при нем лишь один официальный матч в составе национальной сборной. Хороший ли? Спросим об этом киприотов из Лимасола.

С.Фонарев

Взятый в плен 11 ноября боснийскими войсками сербский боевик **Борислав Герак** признался, что на его счету 20 убитых врагов-мусульман. 21-летний Герак в мае этого года добровольно вступил в сербские вооруженные силы, так как ему обещали по окончании войны предоставить постоянную работу, а затем достойную пен-

сию. Командир внушал ему, что, если верх одержат мусульмане, сербов ожидает участь, которая постигла евреев на захваченных фашистами территориях. Командир уверял также, что мусульмане отправляют сербских девушек в публичные дома в Сараево, а сербских детей бросают на съедение хищным зверям в зоопарках.

И хотя сам Герак вырос во дворе, где бок о бок мирно жили семьи мусульман, сербов и хорватов, и никогда не испытывал обид и притеснений, он все же подчинился приказу командира расстрелять трех пленных боснийцев. Позже ему было приказано покончить с мусульманской семьей из десяти человек, прятавшейся в подвале разрушенного дома. «У меня не было выбора, — уверяет теперь Герак, — если бы я этого не сделал, командир расправился бы со мною». Сербский боевик признался в заключении, что был сви-

детелем расстрелял 150 боснийцев, захваченных сербами в селении Семизовац.

Герак предстанет перед боснийским военнопольным судом, и он не тешит себя иллюзиями в отношении приговора, хотя и повторяет, что был «простым солдатом» и что так, как он, поступали все остальные. Он сетует, что командир не предупредил его о том, что его могут судить.

«Вылитый Иосиф Виссарионович!» Эту фразу актер **Георгий Саакян** слышит часто. Бывший инженер, проработавший сорок лет в бакинском отделе тбилисского филиала Московского института оргэнергострой, он с успехом реализует себя в кино.

Его актерская карьера началась в 1979 году с исполнения роли Сталина в боевике «Тегеран-43». Георгий Саакян сыграл главную роль в фильме «И черт с нами», участвовал в фильмах «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви», «Закон», «Покушение», документальной ленте «Метаморфозы» и многих других.

Причем он совершенно не нуждается в гриме для достижения полного сходства с «вождем народов».

В январе 1990 года Саакяну пришлось покинуть Баку и перебраться в Москву. Бывший инженер часто выступает на различных презентациях, шоу, возглавил Клуб двойников, пишет стихи и даже намеревается начать работу над воспоминаниями. Впереди не обычная для него роль капитана подводной лодки.

С.Болдинов

Борис, создатель «Боба»

Не стоит, право, содрогаться, увидев на обложке этого номера «Нового времени» освежеванного человека. На этих фотоснимках — итог серьезного творческого труда — анатомическая модель человека «Боб», созданная художником из дома культуры Московского института стали и сплавов **Борисом Чепрасовым** из цветного пластилина. Нужно обладать редким сочетанием в одном лице скульптора и исследователя, чтобы воплотить подобную идею в реальность. Если внимательно присмотреться к модели, то можно увидеть срезы и проемы в мышцах, которые помогают заглянуть, так сказать, внутрь себя. Кому это нужно? Конечно, в первую очередь медикам, спортсменам, художникам и вообще всем, кому интересно, как устроено человеческое тело.

«Боб» — творение уникальное. Лучшим подтверждением этому служит патент на промышленный образец, выданный автору Государственным комитетом по изобретениям и открытиям.

«Боб» участвовал в экспозиции на международной выставке «Здравоохранение-90», где Чепрасов услышал много положительных отзывов в свой адрес. Специалисты из Голландии, США, Болгарии, Финляндии высоко оценили мастерство создателя экспоната. Создатель «Боба» получает предложения из Австралии — и работает над «Бобом-2»...

Книга как источник головной боли

Только в нашей стране вышло полное собрание сочинений Чейза в твердой обложке

О странностях книгоиздательства — беседа обозревателя «Нового времени» **Юлии Рахаевой** с **Кириллом Ковальджи** и **Дмитрием Шебалдиным**.

Кирилл Владимирович Ковальджи — поэт и прозаик, член правления Союза российских писателей — полгода назад стал главным редактором издательства «Московский рабочий». Дмитрий Юрьевич Шебалдин — в прошлом журналист — книгоиздатель с двухлетним стажем, директор МП «Арена».

«Новое время». Вернувшийся из Парижа поэт Юрий Кублановский посетовал, что не может сегодня купить ни Пушкина, ни Тютчева, ни Блока — «никого из вечных спутников россиянина»...

К.Ковальджи. Напомню об одном немодном слове: диалектика. Коммерческая литература сделала одновременно и злое, и доброе дело. Злое — это понятно: оттеснила хорошую литературу, в том числе и классику. А доброе — она начисто вымела всю среднюю литературу. Крайности резко разошлись: сегодня существует та высокая литература, которая к нам пришла в последние годы, и низкая, коммерческая, спрос на которую также долгие годы был неудовлетворен. Мне кажется, бум детективов, фантастики, эротики и прочего заканчивается. У лотков с этой литературой — пусто, в лучшем случае раз в час что-нибудь купят. Предложение превысило спрос. Думаю, скоро коммерческая литература займет определенную нишу — и в свои права вступит настоящая литература.

Шекспиру платить не надо

«НВ». Могут ли книгоиздатели формировать вкус к книге? Кто вообще его формирует: реклама, пресса, а может быть, политики?

К.К. Наверное, и то, и другое, и третья. А издатели — это практики. «Московский рабочий» старается найти свой репертуар. Естественно, мы продолжаем издавать книги о Москве во всех аспектах. Стараемся не забывать русскую и зарубежную классику. К сожалению, почти не издаем современную литературу. Начиная с лета разорвалась финансовая цепочка: типографии стали требовать предоплату, то есть деньги

вперед, а книготорги, забирая тираж, говорят — деньги потом, после реализации. Пришлось в сентябре брать кредит на полгода под 25 процентов. Сегодня и он израсходован. В будущем году мы предполагали выпустить примерно 187 книг — приходится этот список сокращать, выпустим от силы 49.

«НВ». И за счет кого же произошли сокращения?

К.К. В первую очередь за счет тех авторов, которым надо платить. Шекспиру, к примеру, платить не надо.

Хочешь жить — будь мобильным

Д.Шебалдин. Я хочу вернуться к словам Кублановского о том, что раньше можно было купить Пушкина, а сегодня нельзя. Во-первых, это «нельзя» достаточно условно. Во-вторых, важно ведь не то, что раньше можно было купить и что стояло на полках, а что читали. В моей молодости все, кто сносно знал английский, запомним читали Харольда Роббинса, которого теперь можно прочесть и на русском. И ведь далеко не шедевр мировой литературы, просто это был запретный плод, который всегда сладок. Формирование вкусов — процесс очень сложный. Я бы не взял на себя смелость сказать: да, я формирую. Но когда выдаешь интересную, красивую книгу, то самому приятно и не стыдно признаться в том, что это ты ее сделал. Мы взяли за правило: через три книги на четвертую издавать произведения молодых авторов: Пусть небольшим тиражом, не более 10 тысяч, пусть в мягком переплете, но человек получает возможность о себе заявить. Кстати, нам в отличие от государственного издательства кредит дается не под 25, а под 120 процентов, да и то лишь потому, что мы хорошо себя зарекомендовали.

К.К. Но вы же не содержите штат около ста человек! Ваши накладные расходы куда меньше. А мы получили такое наследство... Человек 10 мы сократили, но на более серьезные сокращения пока не поднимается рука, хотя нагрузка сильно сократилась. Пытаемся как-то выходить из положения: восемь редакторов у нас сегодня торгуют книгами. Пришлось отказаться от двух автомобилей из трех.

«НВ». А по такому простому пути, по которому сегодня идут все — сдача части здания в аренду коммерческим структурам, — идти не пытались?

К.К. Пошли и на это. Уже сдали весь пятый этаж.

«НВ». Не продешевили?

К.К. Надеюсь. Но у нас есть и другие проблемы. Могут возникнуть сложности со зданием, ведь оно до сих пор нами не приватизировано. Пока далеко не все ясно с правом собственности. Мы играем с государством в игру, не все правила которой нам известны.

Д.Ш. Владея таким особняком, трудно быть мобильным. Вахтеры, гардеробщицы — и всех ведь надо содержать. Не можешь — откажись!

Киты и сардинки

«НВ». Издавая коммерческую литературу, все издательства, и большие, и малые, идут на поводу у спроса — иначе зачем вообще ее издавать? Классика — она и есть классика, здесь время отобрало и решило все за нас. А вот кто оценивает: каких современных авторов надо печатать, а каких нет? Есть ли критерии? Или роль играют лишь личные симпатии?

К.К. У нас кроме редакторов с их вкусами, а также вкусов моих и директора существует писательский редсовет. Это полсотни очень известных и очень разных людей: Искандер, Окуджава, Приставкин, Бакианов, Рекемчук, Полторанин. По-

Сегодняшние продавцы книг не продают —

пцов, Галина Вишневская и другие. Таким образом мы гарантированы от субъективных ошибок.

Д.Ш. У нас же все как раз предельно субъективно. И я ничего в этом плохого не вижу.

«НВ». Чем же все-таки хороши маленькие издательства? Ведь в основном они гонят коммерческую литературу. Может быть, они нужны лишь для того, чтобы помочь насытить рынок, а потом исчезнуть?

К.К. Они нужны уже потому, что создают конкуренцию большим государственным издательствам. А кто из нас выживет, время покажет.

Д.Ш. Я не считаю, что рынок наводняют ширпотребом только частные издательства, а все государственные издают лишь шедевры мировой литературы. Но в борьбе с китами сардинки не выживут.

К.К. Многие киты уже сейчас тонут. Издательство «Художественная литература» легло на бок, неблагополучно в «Советском писателе», «Столица», по-моему, вообще уже не существует.

Д.Ш. Будущее книгоиздательства вообще зависит от экономической политики государства. Сейчас можно получить практически беспроцентный кредит для развития торговли на севере — а потом зарабатывать там бешеные деньги, да еще и вывозить нефть. А в книгоиздании, если оно по-прежнему не будет рассматриваться в числе государственных приоритетов, ничего хорошего не будет.

«НВ». Историк Михаил Геллер в издающейся в Париже газете «Русская мысль» поделился с читателем своим удивлением по поводу популярности в России литературы для юношества типа Майн Рида, Буссенара и так далее. Объясняет он это

нашей усталостью, трудностями жизни, смятением...

Д.Ш. Мы сейчас издаем «Три мушкетера». Меня удивило, что все еще существует спрос на эту книгу, ведь, наверное, нет издательства, которое бы ее не выпустило. Нам заказали 750 тысяч. Я считаю, что дело тут не в трудностях жизни. Просто в нашей стране самая читающая аудитория — это дети. Они читали, читают и будут читать при любой экономической ситуации. Поэтому вложения в детскую и юношескую литературу наиболее безопасны.

К.К. Кстати, вот Михаил Константинович Холмогоров, он как раз у нас заведует редакцией современной литературы.

«НВ». Замечательно!

М.Холмогоров. Ничего замечательного. У нас есть прекрасные вещи, но типографии нам выставляют такой дикий счет, а тиражи так резко упали, что экономически их издание становится невыгодным. Но мы будем тащить их до конца, ведь нельзя же, чтобы мир остался без «Записок гадкого утенка» Померанца, без прозы Марка Харитоновна. Сейчас остановлен в производстве великолепный роман И.Грековой «Свежо предание». Это ее первый опыт прозы, что, конечно, ощутимо, но все равно это очень сильная вещь, посвященная перипетиям еврейской семьи. Ждет издания двухтомная антология русской зарубежной поэзии XX века, очень хорошая, составленная Витковским.

Д.Ш. Совершенно товарная вещь! Неужели нет заказов?

М.Х. Пока от Москвы и Московской области их получено полторы тысячи. Ну можем рискнуть, 10 тысяч выпустить, но тогда это будет очень дорогая книга.

«НВ». Но такая книга и не должна быть дешевой!

М.Х. Да, но речь-то идет о полутора тысячах за один том! Совсем не поступило заказов на очень хорошую книгу Кублановского. На книгу отличного поэта Тимура Кибирова от Москвы и области было 100 заказов. В книгороторгах знают Евтушенко, максимум — Окуджаву. Вот если скандал поднять большой... Может быть, хоть тогда какие-то имена замелькают.

Да здравствует скандал!

«НВ». Кибиров достаточно скандален...

М.Х. Он, к сожалению, слишком хороший поэт, и это не тот скандал, не дешевый. Да что вы хотите, если даже альбом карикатур Сергея Тюнина собрал заказ в 100 экземпляров. «Мертвые души», Чехов, Козьма Прутков с его иллюстрациями — это же просто шедевры!

«НВ». Зато только в нашей стране вышло полное собрание сочинений Чейза в твердой обложке. Этот автор не удостоился подобной чести даже у себя на родине. Это тем более странно, что книги, очевидно, одноразового использования. И никакой твер-

дый переплет им жизнь не продлит.

Д.Ш. Твердый переплет на детективе — это, видимо, отголоски той моды на книги, когда она была редким, дефицитным товаром, а для особых «ценителей» в Измайлове продавались целые полки пластмассовых корешков. Просто не прошла инерция.

Усталость от... хорошей литературы

М.Х. Другое обстоятельство гораздо более серьезное. У людей настала информационная усталость.

Д.Ш. Вряд ли может наступить усталость, к примеру, от Достоевского.

К.К. Сейчас очень трудно книгу издать, еще труднее продать. Реклама стоит бешеных денег.

Д.Ш. У нас принцип иной: мы сначала заключаем договор о реализации, а потом уже печатаем. Да и банк не даст денег, если у нас нет договора.

К.К. А сколько книг в год вы выпускаете?

Д.Ш. С вами, конечно, не сравнить. Книг, наверное, восемь. Коммерческие — тиражом 750 тысяч, книги молодых авторов — в среднем 5 тысяч.

К.К. У нас в производстве сейчас около 60 названий, которые зависли в разной степени готовности.

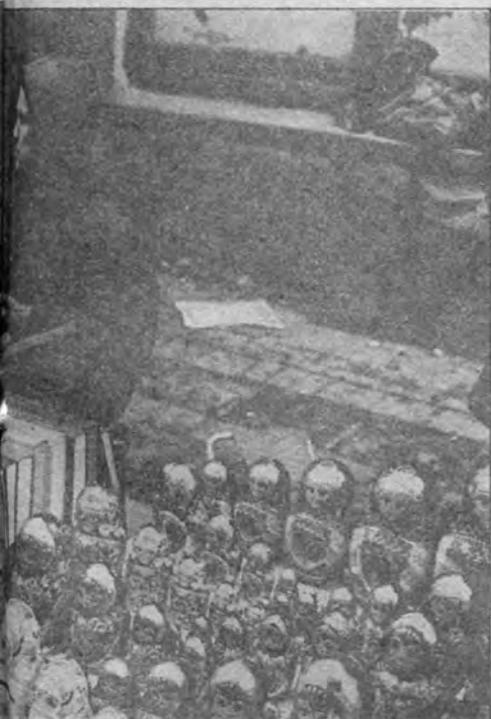
Д.Ш. Интересно, что к нам начали обращаться государственные издательства с просьбами помочь издать книги. Именно вот такие, зависшие. Давайте скооперируемся: у вас наверняка есть источники дешевой бумаги...

«НВ». Каков сегодня минимальный цикл прохождения рукописи? Вроде бы идеологические препоны больше не мешают...

К.К. Сейчас на этот вопрос я ответить не могу. Раньше мы зависели от инстанций — теперь полностью зависим от типографий. Поэтому можем выпустить книгу за три месяца, а можем — за три года.

Д.Ш. Если считать от начала набора — то 2–3 месяца. Но наш цикл кончается получением денег на счет, а не книг из типографии.

М.Х. По сути, у нас сегодня нет книжного рынка. Был момент, когда он начал складываться. В середине 60-х вдруг резко упал спрос на книги, их стали уценять. Книжные магазины стали нанимать книгонош. Стоял эдакий старикан с луженой глоткой и орал: «Из личной жизни маршала Жукова». А там — ни личной жизни, ни даже самого маршала Жукова. Одна общественно-политическая бодяга. Но все, естественно, хватало. И ведь так распродавались не только плохие и средние, но и очень хорошие книги. Сегодняшние продавцы книг не разговаривают с покупателями. Они не продают — они караулят экземпляры и берут деньги. Им все равно чем торговать: книгами, сигаретами, одеждой. Вот когда придет продавец, которому не все равно...

караулят экземпляры и берут деньги
Фото Алексея Куденко

Оперой уполномоченный

В опере «Самсон и Далила» палестинцев и иудеев надо бы поменять местами, как велит советская историческая правда

За годы гласности я неожиданно научился думать. Раньше это было бесплодное занятие, а сейчас... и сам не знаю.

Мне очень нравится музыка, причем — всякая. Когда слушаю любимые оперы, восхищаюсь мелодиями, голосами. После того как научился думать, оперы слушать стало трудно, а иногда и неприятно.

Последний раз слушал оперу Сен-Санса «Самсон и Далила» еще при Черненко. Прекрасно!

Недавно поставил ее на свой проигрыватель и вдруг начал вникать в смысл оперы, думать. И возмущаться. Это что же получается? Оказывается, происки мирового сионизма существовали до рождения самого сионизма. Либретто оперы написал некий «Ф. Лемер», а Шарль Камиль Сен-Санс в 1876 году выпустил оперу.

Судите сами. И простите за некоторые аналогии с современностью, поскольку опера политически актуальна и сегодня. В оккупированном палестинцами (филистимлянами) городе Газа иудеи страдают от жестоких притеснений. Богатырь Самсон — этакий еврейский Илья Муромец — поднимает восстание, и Газа вновь становится израильским городом (точнее — иудейским). Секрет необыкновенной силы Самсона никому неведом. Тогда коварные палестинцы подсылают ему небывалую красавицу Далилу. Самсон в нее тут же влюбляется, проводит с ней ночь, и та выведывает, что секрет силы богатыря в его волосах (на голове). Когда Самсон засыпает, Далила стрижет его наголо и скрывается. После этого Самсона легко скрутили, утащили лысого, как Котовский, в палестинский суд и приковали к колоннам внутри здания суда.

Здесь, правда, следует отдать должное палестинцам: в те времена они все же судили израильских солдат — не то что теперь, в том же секторе Газа. Пока суд да дело, у Самсона волосы отрасли, сила вернулась,

и он, как наш Саша Чекалин, обрушил колонны здания на себя, но заодно и на палестинских оккупантов. Не знаю как вас, а меня учили совершенно другой трактовке событий на Ближнем Востоке. Если «патриоты России» придут к власти, я бы им посоветовал, чтобы не портить всю оперу целиком, просто поменять друг с другом национальности героев.

Очень люблю оперу Семена Степановича Гулак-Артемовского, великого украинского композитора, — «Запорожец за Дунаем». Особенно нравится в исполнении Патржинского, Литвиненко-Вольге-

мут и Козловского. Последний раз слышал ее давно, еще при Андропове. Недавно под настроение поставил ее и стал слушать, опять-таки думая. И вдруг обнаружил, что милый моему сердцу герой Иван Карась что-то совсем перестал нравиться как личность. Даже возмутил!

Представьте себе ситуацию. Нелегко живется украинцам под властью турецкого султана. А главному герою Ивану Карасю — не жизнь, а праздник: пьет, гуляет. Как-то подружился с каким-то турецким вельможей, угостил выпивкой. Не подозревал, что его приятель — сам турецкий султан инкогнито. Будучи в нетрезвом состоянии, Карась, подобно Пеньковскому, предупредил врага о готовящемся восстании запорожцев против турецкого владычества. Султану понравился смельчак казак, тем более что тот согласился принять турецкое имя Урхан и носить турецкую национальную одежду. Между тем дочь Карася убегает из плена со своим возлюбленным Андреем. Турки перехватывают их в дороге, тащат в кутузку, но отпускают, когда Карась-Урхан замолвил за них словечко своим новым друзьям.

Финал оперы — неожиданный: султан отпускает всех запорожцев на волю из-под своего гнета. Происходит это во многом благодаря его дружбе с Карасем-Урханом. Финал, конечно, жизнеутверждающий, вот только мораль истории мне теперь представляется сомнительной. Как же вести себя в плену или в оккупации? Коллаборационизм и все такое... Ну, и заодно — как быть с оперой? Поменять турков с украинцами национальностями — значит погрешить против исторической правды...

А вообще вопрос не праздный и в наши дни. Поскольку в России сегодня есть силы, которые проводят карасево-урхановский курс во внешней политике, в отношении наших искренних империалистических врагов. Если «наши» придут к власти, оперу «Запорожец за Дунаем», я думаю, надо будет запретить на территории будущего СССР и начать широкую борьбу с происками врагов империализма.

Рисунок Виктора Казачека

Дмитрий Згерский

открывает очередной набор на

ФАКУЛЬТЕТ МАГИСТЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Из числа лиц, имеющих:

- ⊗ высшее инженерное или экономическое образование;
- ⊗ опыт практической работы, способности к управленческой деятельности;
- ⊗ возраст до 35 лет.

Сроки обучения:

- ⊗ с отрывом от работы — 2 года;
- ⊗ без отрыва от работы — 3 года.

Обучение осуществляется по международной программе MBA (master of business administration) со специализацией:

- ⊗ предпринимательство;
- ⊗ маркетинг;
- ⊗ международный менеджмент;
- ⊗ финансовый менеджмент;
- ⊗ управление персоналом;
- ⊗ административное управление;
- ⊗ управление имуществом;
- ⊗ экономикс;
- ⊗ социология и психология управления;
- ⊗ экаунтинг, контролинг, аудит;
- ⊗ производственный менеджмент:
 - в машиностроении;
 - в металлургии;
 - в энергетике;
 - в строительстве;
 - в химической промышленности;
 - в городском хозяйстве;
 - на транспорте;
 - на автотранспорте;
- ⊗ информационный менеджмент:
 - экономическая кибернетика;
 - экономическая информатика и АСУ;
 - документоведение, документа-

ционное обеспечение управления.

Учебным планом предусмотрено также:

- ⊗ изучение делового иностранного языка;
- ⊗ сдача экзаменов кандидатского минимума;
- ⊗ стажировки в отечественных и зарубежных фирмах и предприятиях;
- ⊗ обучение практической работе на компьютерах и другой технике, используемой в управленческой деятельности.

Обучение ведут:

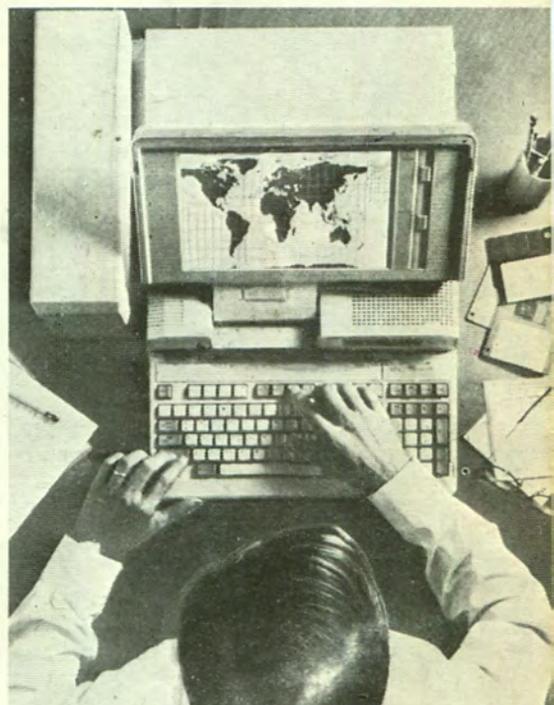
- ⊗ высококвалифицированные профессора и преподаватели более тридцати кафедр академии, имеющие большой опыт переподготовки и повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства и прошедшие стажировку в зарубежных центрах подготовки менеджеров;
- ⊗ профессора и специалисты зарубежных университетов и школ бизнеса США, Англии, Франции, ФРГ и др., с которыми академия имеет постоянные связи по обмену преподавателями.

По окончании обучения слушателям выдается:

- ⊗ диплом магистра установленного образца, свидетельствующий о получении:
 - ученой степени магистра;
 - квалификации профессионала-менеджера.

Необходимые документы:

1. Личное заявление,
2. Личный листок по учету кадров,
3. Копия диплома о высшем образовании,
4. 6 фотографий размером 3x4,
5. Договор (в двух экземплярах),
6. Копия платежного поручения.

Затраты на подготовку слушателей из России:

- ⊗ ДНЕВНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
 - стоимость обучения — 50,0 тыс. рублей в год;
 - стипендия — 24,0 тыс. рублей в год;
 - стоимость проживания в общежитии гостиничного типа — 20,0 тыс. рублей в год.
- ⊗ ВЕЧЕРНЕЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
 - стоимость обучения — 30,0 тыс. рублей в год.

Затраты на подготовку зарубежных слушателей:

- ⊗ ДНЕВНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
 - стоимость обучения — 2000 долларов в год;
 - стоимость проживания в общежитии гостиничного типа — 100 долларов в год.
- ⊗ ВЕЧЕРНЕЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
 - стоимость обучения — 1300 долларов в год.

Начало занятий с 1 февраля 1993 года

Прием документов с 1 декабря по 20 января 1993 года

Собеседование, тестовой отбор с 21 по 31 января 1993 года

Адрес факультета: 109542, Москва,
Рязанский проспект, 99, комн. А-257
Телефон: 371-50-00

Vimm-Bill-Dann

— это мультивитаминный напиток
из натуральных соков

Низкокалорийный напиток Vimm-Bill-Dann
необходим, если Вы хотите всегда быть
в отличной форме и добиться успеха!

Vimm-Bill-Dann – необыкновенно вкусно
и очень полезно!

Vimm-Bill-Dann – нравится всем!

Позвоните
по телефону
(095) 923-10-29,
и фортуна
улыбнется
Вам!